

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Полянина Алла Керимовна

**УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ДЕТЕЙ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ**

специальность 5.4.7. – Социология управления

Диссертация на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Научный консультант:
доктор социологических наук, профессор
Грудзинский Александр Олегович

Нижегород – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Информационная безопасность детей: теоретико-методологические основания.....	31
1.1. Информационная безопасность детства как объект научного анализа.....	31
1.2. Подходы к анализу управления информационной безопасностью детей ...	47
1.3. Технологическая детерминация рисков от информации	69
ГЛАВА 2. Институциональные практики управления информационной безопасностью детей.....	89
2.1. Институт юридической ответственности в системе управления информационной безопасностью детей	89
2.2. Практика института экспертизы информационной продукции и рекламы.....	115
2.3. Институт гражданской активности в сфере обеспечения информационной безопасности детей.....	154
2.4. Межстрановой анализ систем регулирования оборота информации в целях защиты детей.....	169
ГЛАВА 3. Риски фонового медиапотребления.....	189
3.1. Риски потребления медиасигнала в фоновом режиме (риски медиазашумления).....	189
3.2. Типы медиазашумления.....	213
ГЛАВА 4. Моделирование управления информационной безопасностью детей.....	223
4.1. Механизм управления информационной безопасностью детей.....	223
4.2. Модель управления информационной безопасностью детей	244
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	276
Библиографический список	282
Приложения.....	307

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Объявление детей важнейшим приоритетом государственной политики означает гарантирование условий их всестороннего развития и безопасности. Одной из доминирующих тенденций развития общества продолжает оставаться глобальная технологическая модернизация общественных систем и коммуникаций. Качественная трансформация процессов культурного социогенеза более всего сказывается на детях, погружая их в «ситуацию информационной социализации», резонирующую с основными принципами педагогики и известными моделями интеграции в социальную среду. Рефлексия новых опасностей, индуцируемых эпохой технологической предопределенности, дает импульс научным изысканиям в области информационной безопасности человека. Амбивалентный характер развития медийных технологий проявляет себя и как условие развития, и как фактор уязвимости социальных объектов, особенно выраженный в детской повестке проблемы. Очевидность задач охраны детства объясняет внимание к этой проблеме лидеров государств, конституционное закрепление приоритета детей и даже добровольное ограничение активности субъектов медиаиндустрии, например создание крупнейшими российскими игроками цифрового рынка в сентябре 2021 года «Альянса по защите детей в цифровой среде».

Информация, обладая множеством значений, кардинально меняя форму и каналы доставки, утрачивает статус ориентирующих сведений и становится источником опасности. Антонимической оппозицией безопасности является угроза, поэтому реальность информационной безопасности обусловлена реальностью информационных угроз.

Декларируемые стратегические задачи обеспечения информационной безопасности детей остро нуждаются в скорейшем решении и внедрении эффективных комплексных механизмов управления, адекватных вызовам информационной эры. Трагические события последних лет связываются специалистами с негативным воздействием информации на личность и

свидетельствуют о социальном значении информационной безопасности каждого отдельного ребёнка. По данным отчёта Генеральной прокуратуры, за последние пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем в 11 раз. В соответствии с данными Докладов о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка за 2021 г. и за 2022 г. число детских самоубийств в 2021 г. по сравнению с 2020 г. возросло на 37,4%, в 2022 г. число информационных материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних возросло по сравнению с 2021 г. на 7 803, также по состоянию на 31.12.2022 г. из 542 млн профилей пользователей социальных сетей 5 406 645 являются деструктивными и проявляющими активность по направлениям: суицидальное поведение (338 434), скулшутинг (4 200), пропаганда наркотических средств (1 331 608), пропаганда нацизма (2 174 245). Однако согласно данным судебной статистики, средний размер штрафа за нарушение законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, за период с 2017 г. по 2021 г. в среднем составляет около 11 000 рублей, что более чем в 100 раз меньше санкции за нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, незаконную организацию и проведение азартных игр или самовольную добычу янтаря (штраф 119000 рублей)¹.

Опасность потокового принципа потребления информации продемонстрирована в период вынужденной самоизоляции. Непрерывное взаимодействие с медиасигналом, в том числе в целях, релевантных основной деятельности, – образованию, как показали исследования, ведёт к различным заболеваниям и психическим расстройствам у школьников². Это указывает на необходимость учёта как качественного, так и количественного критерия информационной безопасности детей, интегративного подхода к оценке вероятности ущерба здоровью и развитию, разработка которого возможна исключительно в междисциплинарном ключе.

¹ Агентство правовой информации: офиц.сайт. — [URL:http://stat.ани-пресс.пф](http://stat.ани-пресс.пф) (дата обращения: 10.01.2024).

² Кучма В.Р., Седова А.С., Соколова С.Б. и др. Пандемия COVID-19 в России: медико-социальные проблемы цифровой образовательной среды// Национальное здравоохранение. 2021. № 2(1). С. 21–31.

Свойственная современной науке и политической практике номенклатура угроз в информационной области продолжает фокусироваться на последствиях технологизации рисков. При этом собственно управленческое измерение информационной безопасности в социологической интерпретации рисков нуждается в комплексном видении путей её реализации. Своевременность исследований проблем информационной безопасности детства в контексте развития медиатехнологий и использование социологического инструментария объясняется возможностью анализа нормативности технологий (силы их соблазна), обеспечивающей комфортную причастность пользователя к «информационно-коммуникационному универсуму». Воспрепятствование углублению противоречия между реальностью социального контроля и «культурой реальной виртуальности» только административными средствами уже не представляется эффективным. Нейтрализация нормы и универсализация девиаций, вызываемая глобализацией информационных потоков и интенсификацией вариативности девиантного поведения, актуализирует проблему управления информационной безопасностью детей как способа защиты социального порядка от деградации.

Научный инструментарий социологии управления позволяет определить парадигмальные основы управления информационной безопасностью детства, объединяющие отраслевые методологические положения. Решение задачи разработки прикладных моделей реализации защиты детей от вредной информации следует стратегии развития российского общества и общемировым тенденциям в гуманитарных исследованиях глобальных информационных технологий.

Степень научной разработанности проблемы

Анализ степени разработанности проблемы позволяет выделить несколько научных направлений, представляющих ориентиры теоретического исследования. В соответствии с проблемным полем диссертационного исследования целесообразно выделить следующие направления, разрабатываемые в социологической науке и других социальных и

гуманитарных отраслях знания: социология детства и молодежи; социальный порядок и процессы социализации; социология безопасности и риска; социальная защита детей; информационное общество; теории социального управления и социальные технологии в управлении. Многогранность феномена информационной безопасности детей обуславливает его мультидисциплинарный характер. Анализ методологических основ изучения всех факторов информационной безопасности ребёнка объясняет утверждение их единства и неразрывности.

Первые научные разработки в области информационной безопасности детей входят в орбиту психологической науки и исследований влияния информационных процессов на психологическое благополучие ребёнка. Зарубежные исследования посвящались оценке негативных эффектов воздействия СМИ на детей (Дж. Гербнер, Р.С. Драбман, Дж. Кантор, В. Клайн, А. Мустонен и Л. Пулккинен, Р. Пацлаф, М. Томас, Л. Шанахан)³. Описание методологических основ психологии безопасности личности содержится в работах Ю.П. Зинченко, которым предложена модель информационной безопасности как открытой динамической системы деятельности личности, группы, организации⁴. В рамках психологической науки изучается влияние информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет на поведение детей и подростков, формирование зависимостей, проблема многозадачности и отвлечения внимания, проводится классификация угроз (А.Е. Войскунский, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова и Г.У. Солдатова)⁵; исследуется воздействие рекламной информации и виртуализации реальности на психическое состояние

³ Gerbner G. Violence in television drama: Trends and symbolic functions, 1972; Drabman R.S. & Thomas M.H. Does media violence increase children's toleration of real life aggression, 1974; Cantor J. Fright reactions to mass media, 1994; Cline V.B. Pornography effects: Empirical and clinical evidence, 1994; Mustonen A. & Pulkkinen L. Television violence: A development of a coding scheme, 1997. Patzlaff R. Der gefrorene Blick. Physiologische Wirkungen des Fernsehens und die Entwicklung des Kindes, 2003; Shanahan L. et al. Specificity of putative psychosocial risk factors for psychiatric disorders in children and adolescents, 2008.

⁴ Зинченко Ю.П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. М.: МГУ, 2011. 952 с.

⁵ Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.; Войскунский А.Е. Интернет-зависимости: психологическая природа и динамика развития. М.: Акрополь, 2009. 279 с.

человека (Е.Е. Пронина)⁶; анализируются психологические аспекты коммуникации и роль средств массовой информации в конструировании эмоциональных состояний, суггестивное воздействие медиа (Е.Л. Вартанова, Я.Н. Засурский, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеева и А.И. Подольский)⁷.

Второй блок исследований представлен нормативно-правовым направлением, включающим вопросы регулирования оборота информации и медиаиндустрии (В.Н. Лопатин)⁸, обеспечения права детей на благоприятную информационную среду и реализации детьми своих информационных свобод (Ю.Ф. Беспалов, О.Ю. Ситкова)⁹. Правоведами исследуются вопросы цензуры (С.А. Куликова, И.Е. Марцоха)¹⁰; гарантирования и ограничения информационных свобод, криминализации явлений информационного обмена (М.А. Боденкова, Н.В. Виноградова, А.В. Сулопаров)¹¹; значение информационной безопасности в контексте национальной безопасности и информационной политики (А.В. Манойло)¹²; правовые основы саморегулирования медиаотрасли (О.И. Мамонтова, А.Г. Рихтер)¹³. Особый интерес представляют компаративные правовые исследования, посвящённые изучению зарубежного опыта защиты детей (Л.Л. Ефимова, А.А. Смирнов)¹⁴, а

⁶ Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000. 96 с.

⁷ Матвеева Л.В. Психология коммуникаций: методология, модели, методы. М.: Акрополь, 2011. 160 с.; Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Том 2 / Под ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой, Е.Л. Вартановой, А.И. Подольского. М.: Аспект Пресс, 2008. 399 с.

⁸ Лопатин В. Н. Информационная безопасность.: дис. ... док-ра юрид. Наук. Санкт-Петербург, 2000, 433 с.

⁹ Беспалов Ю.Ф. Информационная безопасность лиц с особым правовым статусом: социально-правовой аспект // Нотариус. 2020. № 1. С. 16–17; Ситкова О.Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 27–30.

¹⁰ Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации: дис. ... док.-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 460с.; Марцоха И.Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 133 с.

¹¹ Боденкова М.А. Принцип единства свободы и ответственности в реализации государственной информационной политики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2006. 157 с.; Виноградова Н.В. Правовой механизм защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук Саратов, 2011. 196 с.; Сулопаров А.В. Информационные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 249 с.

¹² Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с

¹³ Мамонтова О.И. Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 63–71; Рихтер А.Г. Свобода массовой информации в постсоветском пространстве. М.: ВК, 2007. 365 с.

¹⁴ Ефимова Л.Л. Информационная безопасность детей: российский и зарубежный опыт. М.: Юнити, 2013. 239 с.; Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. 159 с.

также анализ детско-родительских правоотношений, родительских обязанностей и деликтоспособности несовершеннолетних в области реализации информационных прав и свобод (А.В. Клочкова, О.В. Пристанская)¹⁵.

Третий сегмент представлен группой исследований, освещающих *социально-философские аспекты* проблемы информационной безопасности и сопряжённые с ними вопросы. Феномен информационной безопасности в научной области социально-философского дискурса осмысливается в общем ключе социальных трансформаций позднего модерна, новой структурированности мира и потребности в упорядочивании социальной жизни. В рамках структурно-функциональной теории общества осуществляется комплексное исследование влияния конвергентных процессов информатизации на общественное устройство (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс)¹⁶. Теории информационного общества описывают дисбаланс между гуманитарными и физическими технологиями, чрезмерность глобальных информационных процессов и ограниченность адаптивных ресурсов, необходимость условий для «онтологической безопасности» (З. Бауман, Д. Белл, Э. Гидденс, В.П. Коломиец, М. Маклюэн)¹⁷. Сетевая теория выявляет особый характер современных коммуникаций, устаревание прежних коммуникативных структур, деградацию иерархического устройства, неадекватного информационным потокам, ризоморфность организации современных коммуникаций, их темпоральную изменчивость, асинхронность и нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм (А.Ю. Гиль, Ф. Гваттари, Ж. Делез, М. Кастельс, Л.А. Коробейникова)¹⁸.

¹⁵ Клочкова А.В., Пристанская О.В. Информационные предпосылки криминализации общественного сознания // Вестник Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. № 2. С. 17–42.

¹⁶ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.; Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический Проект, 2018. 530 с.

¹⁷ Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.; Коломиец В.П. Медиа социология: теория и практика. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014. 325 с.; Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

¹⁸ Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. № 6. С.105–109; Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и

Теории аномии раскрывают информационную природу социальных деформаций, кризиса нормативного регулирования, деградации социальной солидарности и личной идентичности, появления «нормальной» аномии как эффекта «ускорения и усложнения социокультурной динамики» (С.А. Кравченко)¹⁹ и информационного искажения (Р. Мертон, С. Месснер, Н.Н. Мещерякова, Р. Розенфельд, П. Штомпка)²⁰. Интегральная девиантологическая теория Т.А. Хагурова указывает на перспективу деградации социальных практик в результате достижения девиациями критической массы²¹. Нарастание и усиление девиаций (Н. Луман)²², их запредельность в результате интенсификации информационных потоков и вариативности коммуникации, все более быстрого устаревания информации ведут к информационной нестабильности общества и актуализируют информационную природу безопасности (Т.В. Владимирова)²³.

Четвёртый сегмент исследований являет экологический подход к анализу проблем информационной безопасности детей и отталкивается от экологических принципов изучения и использования специальных инструментов гигиенического нормирования. Оздоровление окружающей информационной среды открывает иную точку зрения на информационную безопасность. Логика экологической концептуализации информационной безопасности детей выражает междисциплинарный взгляд на благополучие. Теоретики «экологии средств коммуникации» описывают всестороннее влияние медиа на человека и

пизофрения. М.: Астрель, 2010. 892 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

¹⁹ Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

²⁰ Мертон Р. Социальная структура и аномия. М.: Изд-во «Прогресс», 1966. С. 299–313; Messner S., Rosenfeld R. Political Restraint of the Market and Levels of Criminal Homicide: A Cross-National Application of Institutional-Anomie Theory // Social Forces. 1997. Vol. 75. № 4. P. 1393–1416; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12; Мещерякова Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Москва, 2015. 311 с.

²¹ Хагуров Т.А. Девиантология — социология и психология зла. М.: ИНФРА-М, 2024. 412 с.

²² Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.

²³ Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 300 с.

общество, манипулятивную природу медиа и логики медиа, задают терминологическое значение «медиабезопасности» (Н. Постман)²⁴.

Информационная экология исходит из факта существования пределов возможностей восприятия и обработки информационного сигнала. Данный факт опосредует проблему информационной перегрузки и навязанного коммуницирования, неостребованности информации и нового типа загрязнения, и требует применения мер гигиенического нормирования в соответствии с физиологическими принципами резистентности, реактивности, свойствами субъекта по операциям с информацией и психофизиологическими механизмами стресса (Л.И. Алешина, А.Л. Ерёмин, В.И. Игнатъев, С.Н. Касьянов, С.Ю. Федосеева)²⁵. Проблема гиперстимуляции органов рецепции через несанкционированную эксплуатацию «двух каналов восприятия – аудио и видео» понимается исследователями как новая форма насилия (Д.А. Колесникова, В.В. Савчук)²⁶, а принудительная активация эмоциональной сферы и вегетативной нервной системы рассматривается как результат агрессивного воздействия аудиоинформации (звука) на аудиторию (И.А. Баранова)²⁷. Обосновывается невозможность произвольного управления процессом «эмоциональной обработки информации», порождающая информационный стресс (В.А. Бодров, В.А. Зибель, Г.С. Радченко, Дж.Ф. Тейер)²⁸. С применением специального инструментария гигиенистики решаются вопросы шумовой загруженности, предпринимаются попытки вывести её коэффициент и проиндексировать тишину (О.О. Некипелова,

²⁴ Postman N. The Reformed English Curriculum: New York, 1970. P.160–168.

²⁵ Ерёмин А.Л. Информационная экология и здоровье человека в современных условиях // Гигиена и санитария. 1998. № 1. С. 58–60; Касьянов С.Н, Алешина Л.И., Федосеева С.Ю. Гигиенические и психофизиологические аспекты информационной экологии // Грани познания. 2015. № 8. С. 134–137; Игнатъев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.

²⁶ Савчук В.В., Колесникова Д.А. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 41–50.

²⁷ Баранова И.А. Аудиальная культура, или «звучащий социум» как предмет философского анализа // Вестник СамГУ. 2011. № 7. С. 5–9.

²⁸ Бодров В.А. Информационный стресс. М.: Пер Сэ, 2000. 352 с. Siebel W.A., Walter A. Towards a neural basis of music perception // Trends in Cognitive Sciences. 2005. № 9 (12). P. 578–584; Радченко Г.С. Особенности показателей ЭЭГ и вегетативной регуляции при воздействии музыкальных фрагментов с разной тональной модуляцией: дис. ... канд. биол. наук. Нижний Новгород, 2017. 130 с.; Ellis R.J., Thayer J.F. Music and Autonomic Nervous System (Dys)function // Music perception. 2010. № 27. P. 317–326.

М.Н. Некипелов и Т.И. Шишелова)²⁹, обсуждается медицинская и социальная прагматика информационного шума, его особая рискогенность для детей. (М.В. Белоусова, А.М. Карпов, В.Р. Кучма, Д.Ф. Миронов, А.Д. Урсул и М.А. Уткузова)³⁰.

Пятый сегмент исследований освещает социолого-управленческий аспект и подходы к обеспечению информационной безопасности. Описание феномена информационной безопасности и технологии её обеспечения предпринимается через призму рискологической концепции, в рамках которой анализируются сущность и динамика рисков и угроз, социальная природа опасностей, количественная оценка безопасности и калькуляция рисков, рисковое решение и поведение субъекта риска, способы минимизации рисков (У. Бек, М. Дуглас, О.С. Елфимова, Ю.А. Зубок, В.Н. Кузнецов, Ф.К. Мугулов, Е.А. Роза, О.Н. Яницкий)³¹. В.И. Зубков связывает социальность риска с масштабами его последствий и множественностью субъектов рискового поведения³², что указывает на социальность риска вреда от информации. Утверждается, что управление безопасностью осуществимо через контроль за циркуляцией потоков, использование ресурсов для отражения угроз (М.В. Арсентьев)³³. Представляет интерес предлагаемая теорией социальной защиты детей (В.А. Варывдин, З.П. Замараева, И.П. Клемантович, В.Н. Кулешова,

²⁹ Некипелова О.О., Некипелов М.Н., Шишелова Т.И. Срочная адаптация к шуму и ее влияние на интеллектуальную работоспособность человека // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 2. С. 27–28.

³⁰ Белоусова М.В., Карпов А.М., Уткузова М.А. Влияние гаджетов на развитие коммуникации, социализации и речи у детей раннего и дошкольного возраста // Практическая медицина. 2014. № 9 (85). С. 108–112; Кучма В.Р. Гигиеническая безопасность гиперинформатизации жизнедеятельности детей // Гигиена и санитария. 2017. № 11. С. 1059–1063; Миронов Д.Ф. Информационный шум и образовательный процесс // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4. С. 24–30; Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. 231 с.

³¹ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity // Canadian Journal of Sociology/ Cahiers canadiens de sociologie. 1992. Vol. 19. № 4. 260 p.; Douglas M. Risk Acceptability According to the Social Sciences. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1985. 115 p.; Елфимова О.С. Социологический аспект понятийного оформления сущности безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки 2013. № 6. С. 51–56; Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.; Кузнецов В.Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе (Социологический аспект): дис. ...д-ра соц. Наук. Москва, 2002. 388 с.; Мугулов Ф.К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа: монография. Сочи: РИО СИМБиП, 2003. 243 с.; Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of risk research. 1998. № 1. P. 15–44; Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. 191с.

³² Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003. 230 с.

³³ Арсентьев М.В. К вопросу о понятии «Информационной безопасности» // Информационное общество. 1997. № 4–6. С. 48–50.

Н.В. Лазуренко, Е.И. Холостова)³⁴ аналитика, посвященная технологии обеспечения информационной безопасности детей. А.Г. Филипова подходит к классификации рисков по принципу ключевой фигуры рискового поведения и выделяет ситуации безопасности в зависимости от сочетания объёма рисков и ресурсов, применимые и в отношении управления рисками причинения детям вреда от информации³⁵. Значение для предметного поля исследования имеют и теории гражданской активности в системе социального контроля (Г.Е. Зборовский, Е.А. Савельева, Ф. Тённис)³⁶.

Вопросы технологического императива социальной действительности и динамики рисков исследуются в концепциях технодетерминизма, понимаемого как коренной фактор и эндогенная причина прогресса социальной системы, следующего за изменениями в технологии, как главная сила, привносящая «новую систему оценок» и трансформирующая «наше мировоззрение» (Д. Белл)³⁷, «великий, ревущий двигатель перемен» (Э. Тоффлер)³⁸. Идея принуждающего действия технологии связывается с её нормативностью, морально оправданного предписания использовать имеющуюся технологию как наиболее эффективную и как «рациональный выбор совершенства», исключая отказ от технологии (Е.В. Ушаков)³⁹.

При всей теоретической и эмпирической значимости имеющихся научных изысканий, как в социологии, так и в иных отраслях социогуманитарного знания,

³⁴ Замираева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России: дис. ... док.-ра соц. наук. Москва, 2007. 305 с.; Варьвдин В.А., Клемантович И.П. Управление системой социальной защиты. М.: Педагогическое общество России, 2004. 200 с.; Лазуренко Н.В. Управление системой социальной защиты детства: муниципальный уровень: дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2009. 231 с.; Кулешова Г.П. Региональная система социальной защиты населения в современном российском обществе: дис. ... док.-ра соц. наук. Саранск, 2005. 365 с.; Холостова Е.И. Социальная политика и социальная работа. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2010. 204 с.

³⁵ Филипова А.Г. Социальная защита детства в современной России: институциональный анализ: дис. ... док.-ра соц. наук. Хабаровск, 2013. 371 с.

³⁶ Зборовский Г.Е. Гражданское общество в зеркале социологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132. № 4. С. 135–146; Савельева Е.А. Гражданская активность в современной России: возможности концептуализации и эмпирического изучения: дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2015. 221 с.; Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет, 2002. 450 с.

³⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.

³⁸ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

³⁹ Ушаков Е.В. Технологический императив и проблема нормативности технологии // Оригинальные исследования. 2020. № 10. С. 35–40.

недостает исследований, направленных на научное осмысление и конкретизацию содержания процессов управления информационной безопасностью детей в социолого-управленческом контексте. Проблема реализации состояния защищённости детей в информационном пространстве требует целостного социологического изучения. Предмет диссертационного исследования нуждается в особом, отсутствующем сегодня, подходе, интегрирующем теоретические положения и технологические решения.

Объект исследования: информационная безопасность детей.

Предмет исследования: управление информационной безопасностью детей.

Цель: социолого-управленческая концептуализация проблемы реализации информационной безопасности детей в контексте интенсификации технологического развития информационно-коммуникативных процессов.

Задачи:

1. Проанализировать теоретико-методологические основания социологического изучения феномена управления информационной безопасностью детей и разработать авторский подход к определению и исследованию управления информационной безопасностью детей как теоретико-прикладного концепта.
2. Обосновать проблему технологической обусловленности социальных рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию детей через выявление характера влияния информационно-коммуникативных технологий на факторы риска и возможности управления информационной безопасностью детей.
3. На основе социологического анализа практик регулирования в области информационной безопасности детей выявить управленческий потенциал и условия эффективной реализации функций социальных институтов для снижения выявленных социальных рисков.
4. Охарактеризовать значение институциональных практик управления информационной безопасностью детей на основе компаративного анализа зарубежных систем регулирования оборота информации, осуществляемого в целях защиты детей.

5. Исследовать рискогенность фонового медиапотребления для выделения и систематизации социальных рисков, связанных с форматом потребления информации, и определения параметров медиашумовой загруженности.

6. Разработать теоретическую модель управления информационной безопасностью детей в условиях развития медиатехнологий.

Теоретико-методологические основы исследования.

Ключевые положения, сформулированные в рамках общей теории социальных систем Т. Парсонса, и теоретические конструкции социального порядка и социального контроля Э. Дюркгейма использованы для выявления специфики феномена безопасности как состояния равновесия структуры социальной системы перед экзо- и эндогенными изменениями, обусловленными, в частности, социокультурной динамикой в направлении усиления аномии и нарушения социальной интеграции.

Сущность информационной безопасности интерпретирована посредством анализа сетевой теории М. Кастельса, объясняющей природу современных коммуникаций, теории медиакоммуникаций М. Маклюэна и концепции медиаэкологии Н. Постмана, описывающих роль технологического императива и медиадетерминизма в социальных коммуникациях.

Проблема управления информационной безопасностью рассматривается через призму рискологических концепций У. Бека и Э. Гидденса как воздействие на «индуцируемые модернизацией опасности»⁴⁰ и реакция на эти опасности со стороны социальных институтов. Анализ системной теории риска Н. Лумана, описывающей зависимость возможностей управляющего субъекта идентифицировать (оценить и воспринять) риск («порога бедствия») от его «вовлеченности» в последствия риска, позволил применить уровневый подход к рисковому поведению и управленческому решению. Социологическая теория риска В.И. Зубкова использована нами при определении субъектов управления информационной безопасностью детей как «социальных институтов, имеющих

⁴⁰ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 59.

функции социальных механизмов по оптимизации рисков»⁴¹ и влияющих на выбор субъектов, прогнозирующих возможные потери. Выводы О.Н. Яницкого о формировании «риск-солидарностей» как формы солидарности в результате рефлексии опасностей, а также его идеи относительно транспарентности и аккумуляции управленческих рисков позволили исследовать динамику управляющей системы.

При классификации рисков нами приняты положения теории «нормальной» аномии С.А. Кравченко, интегральной девиантологической теории Т.А. Хагурова, теории информационного стресса В.А. Бодрова, выводы А.Л. Ерёмкина в рамках информационной экологии и информационной гигиены. Теория информационной безопасности в условиях нарастания девиантности, разработанная Т.А. Владимировой, использована в обоснование значения интенсификации информационных потоков и вариативности коммуникации. Субъектный состав управляющей системы и анализ возможностей субъектов, управляющих информационной безопасностью детей, основан на теории институционализации социальной защиты детства А.Г. Филиповой и ресурсно-потенциальном подходе к системе социальной защиты населения З.П. Замараевой.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с 21 изменением, одобренным в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.); Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) г.; Конвенция ООН о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) г.; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. № 45/112 «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде)»; Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах

⁴¹ Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 153.

системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»; Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты»; Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»; Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента РФ от 02.06.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.»; Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 г. № 2471-р»; Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29.08.2012 г. № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей»; Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 18.05.2022 г. № 92

«Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции».

Эмпирическая база исследования включает в себя:

Результаты исследовательских проектов, реализованных в период с 2019 г. по 2022 г. под руководством автора.

1. Исследование экспертной практики по оценке вреда от информационной продукции осуществлено с августа 2019 г. по декабрь 2019 г. Исследованы тексты всех экспертных заключений, выполненных аккредитованными Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) экспертами за период с 2013 г. по 2019 г. Использован метод контент-анализа. Всего охвачено 172 текста.

2. Анкетный опрос аккредитованных Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций экспертов осуществлен в январе 2021 г. (N=32). Генеральную совокупность экспертного опроса составили все аккредитованные на 14.01.2021 г. эксперты.

3. Исследование практики контроля за оборотом рекламной информации и оценки рекламы на предмет этичности, выявление критериев и порядка отнесения рекламной информации к неэтичной. Исследование осуществлено с марта 2019 г. по январь 2021 г. с помощью контент-анализа протоколов заседаний экспертных советов при территориальных подразделениях Федеральной антимонопольной службы, размещаемых на официальных сайтах. Исследованием охвачено 144 протокола заседаний экспертных советов за период с 2013 г. по январь 2021 г.

4. Исследование деятельности экспертных советов при территориальных подразделениях Федеральной антимонопольной службы (ФАС) осуществлено в декабре 2020 г. с помощью контент-анализа содержания официальных сайтов территориальных подразделений ФАС.

5. Опрос представителей гражданского общества о контроле над оборотом информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей (N=32) осуществлен в декабре 2020 г. В опросе приняли участие представители

общественных организаций, являющиеся заказчиками экспертизы информационной продукции и отобранные на основе данных, размещенных на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

6. Исследование деятельности уполномоченных по правам ребёнка (УПР) в субъектах России по направлению обеспечения информационной безопасности детей осуществлено с декабря 2020 г. по июнь 2022 г. основе контент-анализа текстов ежегодных докладов уполномоченных во всех субъектах России, размещаемых на их официальных сайтах за период с 2019 г по 2021 г. Охвачено 152 текста.

7. Исследование практики применения юридической ответственности осуществлено с апреля по июль 2020 г. с помощью контент-анализа текстов судебных постановлений судов первой инстанции за период с 2017 г. по 2020 г. Охвачено 502 текста.

8. Анализ правоприменительной деятельности государственных органов в области контроля за соблюдением законодательства о защите детей от информации проведен с октября 2018 г. по апрель 2020 г. через реализацию правоприменительного эксперимента и контент-анализ полученных официальных документов. Охвачено 36 документов.

9. Исследование «Субъективная оценка медиазашумления» осуществлено путём опроса учащихся отделений среднего специального образования при высших учебных заведениях г. Нижнего Новгорода (N=32). Период опроса апрель–сентябрь 2021 г.

Использованы результаты Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS) 2017–2020 гг. Ассоциации по исследованию мировых ценностей (WVSA) <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>; результаты анализа мировой практики фильтрация контента в Интернете (2013) Фонда развития гражданского общества, представленного на сайте <http://civilfund.ru/research/3?ysclid=lq0s3bxncp454879418>.

Научная новизна диссертационного исследования

1. Предложено социологическое определение феномена управления информационной безопасностью детей как целенаправленного воздействия социальных институтов на факторы рискованного поведения для снижения вероятности вреда от информации в отношении здоровья и развития данной социальной общности. Специфика обозначенного управленческого воздействия обусловлена типом риска, определяющим требуемые управленческие ресурсы, статусом субъекта рискованного поведения, указывающим на уровень управленческого решения, функционалом социального института как субъекта управления. В основу авторской концепции исследования данного феномена заложены представления о субъект-объектной природе рискованного поведения и его факторах; типология рисков, включающая институциональные риски; уровневый принцип разработки и реализации управленческих решений.
2. Выявлены и проанализированы особенности влияния медиатехнологий на систему управления информационной безопасностью детей, которое заключается как в расширении зоны риска, так и в изменении управленческих ресурсов субъектов управления. Доказано, что эти особенности обусловлены безальтернативностью использования медиатехнологий, эмансипацией информационных потоков, темпоральным сокращением презентации и потребления информационного сигнала (контента), доступностью информации, доместикацией медиатехнологий, а также расширением технологических возможностей контроля, коммуникаций субъектов управления и агрегирования ими данных.
3. Предложен подход к оценке ресурсного потенциала субъектов управления информационной безопасностью детей на основе анализа функций указанных субъектов и характеристик их связи с субъектами рискованного поведения. В рамках данного подхода дисфункции социальных институтов рассмотрены как предпосылки институциональных рисков. Выявлены особенности ресурсов управленческих субъектов и факторов рискованного поведения. Разработана методология их социологического изучения на основе анализа аргументации

субъектов управления при принятии управленческого решения, оценки мотивации субъектов рискованного поведения и управленческих субъектов, выявления динамики и закономерностей развития субъектов управления.

4. Выявлены условия эффективности экспертной оценки вреда от информации, к которым относятся экономические основания экспертизы и контроль её качества. Определены поддающиеся эмпирическому анализу параметры оценки эффективности института экспертизы: экономическая и организационная доступность экспертизы; открытость результатов экспертизы для общественного контроля; квалификация экспертов; нормативные требования к кандидатам в эксперты; субъективная оценка экспертами своей деятельности; соотношение результатов экспертиз и типа заказчика; доля повторных экспертиз в общем числе экспертиз.

5. Доказано, что управленческий потенциал гражданского участия в управлении информационной безопасностью детей базируется на процессах солидаризации граждан в оценке рисков от информации, возможностях масштабирования внимания общественности к рискам и стимулирования управленческих решений на разных уровнях их принятия и реализации.

6. Выявлены универсальные компоненты мировых практик обеспечения информационной безопасности детей: содержательный (ценностный, мировоззренческий) и процедурный (технологии оценки информации и ограничения её оборота в целях защиты детей). Во взаимосвязи с данными компонентами выделены закономерности динамики востребованности ресурсов социальных институтов.

7. В социологическом исследовании рискогенности фонового медиапотребления выделены риски, связанные с форматом потребления медиасигнала, аудио- и аудиовизуальной информации в фоновом режиме. Определены три типа информационного медиазашумления: «Групповой», «Локационный», «Аддиктивный».

8. Предложена модель управления информационной безопасностью детей, включающая в себя основные элементы системы управления,

взаимодействующие на основе уровневого принципа принятия и реализации управленческого решения, процессного подхода к коммуникации, выявленных факторов рискового поведения и типах риска. Предлагаемая модель ориентирована на синхронизацию ресурсов субъектов управления с активизацией управленческого потенциала социальных институтов юридической ответственности, экспертизы и гражданского участия для оптимизации социальных рисков через согласование направленности и скорости управленческого воздействия. Цель реализации модели представлена в виде гармонизации динамики зоны риска и управленческих мер, в виде расширения пространства действия управленческого решения и круга социальных отношений, где может реализоваться рисковое поведение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен управления информационной безопасностью трактуется как действие социальных институтов, обладающих функцией минимизации рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию детей как частного случая обеспечения социальной защищённости детей и оказывающих влияние на факторы рискового поведения с целью снижения вероятности вреда от контента информации и формата её потребления через приложение институциональных ресурсов. Риск понимается как результат поведения субъектов на разных этапах информационно-коммуникативного процесса (создания, распространения, организации доступа и потребления информации), повышающий вероятность причинения вреда, связанного с низким качеством содержания информации и/или режима (формата) её потребления. Низкое качество содержания информации означает наличие вредного контента, а низкое качество формата потребления информации – медиашумовую нагрузку, то есть фоновое и вынужденное потребление медиасигнала.

2. Методологические принципы построения теоретической концепции управления информационной безопасностью детей выводятся из рискологического, институционального и ресурсного подходов и представлены принципом учета поведенческой основы источника риска, альтернативности

рискового поведения и вероятности угроз; принципом учета сигнальной и контентной природы информации, указывающим на два типа рисков (контентные и форматные); принципом психофизиологических универсалий развития, дифференцирующих меры безопасности в соответствии с возрастной периодизацией физиологического развития; принципом соответствия доминирующих функций субъектов управления задачам защиты детей от информации как частного случая социальной защиты детей; принципом обусловленности эффективности управленческого воздействия ресурсами социального института. Используемый понятийный аппарат включает следующие категории: субъект рискованного поведения – лицо, принимающее решение, которое повышает вероятность причинения вреда здоровью и развитию детей; факторы рискованного поведения – мотивы и условия их реализации; управленческое воздействие – меры, направленные на ослабление факторов рискованного поведения; субъект управления – социальный институт, обладающий, в качестве основной, функцией по минимизации рисков, а именно, институт юридической ответственности, институт семьи, институт экспертизы, институт гражданской активности; мотив управленческого воздействия как заинтересованность субъекта управления в минимизации вероятности негативных последствий риска, которая зависит от вовлеченности субъекта в последствия риска; функции социальных институтов – задачи, средства и механизмы управления и контроля на разных уровнях принятия управленческого решения; дисфункции социальных институтов – нарушение функций, влекущее неэффективность управленческого воздействия и являющееся предпосылкой управленческих рисков; управленческий потенциал (ресурсность) субъекта управления как объем его ресурсов в отношении конкретного типа риска; ресурсоемкость риска как объем требуемых для его снижения ресурсов.

3. Развитие медиатехнологий выступает стимулом интенсификации процессов управления информационной безопасностью детей, поскольку одновременно содействует реализации рискованного поведения и реализации функций социальными институтами как субъектами управления, увеличивая их

ресурсы и обеспечивая новыми технологическими средствами контроля, внутренних и внешних коммуникаций, сбора и аккумуляции данных. Технологизация рисков заключается в возможностях сверхбыстрого, легкого и эффективного создания, распространения, доставки и потребления информации, а также в нормативности и безальтернативности использования медиатехнологий, в усилении вариативности поведения.

4. Реализация функций субъектов управления и их управленческий потенциал в отношении конкретного риска зависят от уровня принятия управленческого решения, типа риска, степени их институционализации (вариативности действий), особенностей социально-правовой связи с субъектом рискованного поведения, этапа коммуникативной цепи, на котором проявляется рискованное поведение. Среди источников дисфункций социальных институтов, субъектов управления, выделяются слабый консенсус в отношении социального значения рисков и критериев вреда от информации, уязвимости порядка преемства ответственности за рискованное поведение и недостатки организации контроля качества управленческих решений, преобладание экстенсивной стратегии минимизации рисков над интенсивной, технологически обусловленная эмансипация информационных потоков. Дисфункции социального института являются предпосылками управленческих рисков. Мотивы рискованного поведения и условия их реализации различны на каждом этапе коммуникативной цепи, на котором реализуется рискованное поведение, а мотивы субъектов управления дифференцированы уровнем принятия управленческого решения (уровнем доктринального и концептуального обоснования информационной безопасности, уровнем оборота информации, уровнем доступа к информации, уровнем потребления информации). Мотивы потребителя информации одновременно выступают условием реализации мотивов субъектов рискованного поведения.

5. К ресурсам института юридической ответственности относятся монополия на применение правовой санкции, обязательность исполнения управленческих решений всеми субъектами и структурная устойчивость, а к

институциональным рискам – лабильность мотивов представителей института, неточность идентификации субъекта рискованного поведения и фиксации риска, несовпадение морфологии сетевого пространства распространения информации и механизма действия правовой санкции, пределы нормативизации критериев вреда от информации.

6. Ресурсы института экспертизы заключаются в особых компетенциях по профессиональной диагностике риска, вероятности и степени вреда, по анализу критериев вреда, выходящих за пределы нормативной параметризации. Реализация функций института экспертизы определяется востребованностью научного обоснования вреда и применением управленческих мер другими субъектами управления. Дисфункции института экспертизы обусловлены дефектами порядка организации экспертной практики, исключая контроль её качества и создающими условия для искажения мотивации экспертов и нарушения принципов независимости и объективности выводов экспертизы. Объединение порядков экспертизы рекламы и экспертизы информационной продукции в один обосновывается необходимостью интеграции институциональных ресурсов.

7. Управленческий потенциал института гражданской активности заключается в возможностях мониторинга, сбора и обработки общественного мнения в целях конкретизации критериев вреда, выявления и формирования социального консенсуса в отношении них и в отношении технологий оценки вреда, а также в целях социального масштабирования внимания к проблемам информационной безопасности детей. К институциональным ресурсам гражданской активности относятся гибкость организации, оперативность реакции, высокая востребованность технологических возможностей коммуникации и интеграции форм активности, устойчивость мотивов представителей института перед деформацией, а к институциональным рискам – слабость экономической основы деятельности, организационная разобщенность, снижающая качество внешнего и внутреннего контроля.

8. Содержательный (ценностный, мировоззренческий) и процедурный (технологии оценки и ограничения оборота информации) компоненты систем защиты детей от рисков, связанных с информацией, являются универсальными для мировых практик. Параметрами этих компонентов являются: наличие специального законодательства по защите детей от вредного контента; четкость правового формулирования дефиниций вредного контента и их ассортимент; диапазон чувствительных тем (уязвимостей, «болевых точек») в публичных дискуссиях; признание неотчуждаемости права на свободный доступ к информации; степень консенсусности в отношении возможности ограничения информационных свобод в интересах детей. Особенности сочетания этих параметров и степень приверженности населения к культурно-ценностным универсалиям дают основания для уровневого распределения мировых систем обеспечения информационной безопасности детей. Каждый из четырех уровней предполагает разную востребованность ресурсного потенциала социальных институтов и его разные пропорции в технологиях минимизации рисков от информации. Выявлено, что снижение приверженности населения к ценностным ориентирам влечет снижение востребованности ресурсов социальных институтов в соответствии со степенью их институционализации в следующей последовательности: ресурсы института семьи, ресурсы института гражданской активности, ресурсы института экспертизы, ресурсы института юридической ответственности.

9. Риски вреда от информации в соответствии с природой информации, сочетающей содержательный и сигнальный компоненты, делятся на два типа: контентные и форматные. Форматные (сигнальные) риски представляют собой вероятность вреда, связанного с фоновым режимом потребления медиасигнала, и имеют отношение к понятию шумовой нагрузки. Медиа шум определяется как фактор среды, при котором медиасигнал потребляется в фоновом режиме (режиме «заднего плана» для основной деятельности), а устройства воспроизведения медиасигнала неподконтрольны воспринимающему субъекту, принуждают его сенсорные системы к реакции и к восприятию сигнала,

автоматически мобилизуя энергетические системы организма, чем способствуют развитию информационного (эмоционального) стресса. Основными показателями медиашума выступают вынужденность потребления медиасигнала (принуждающий характер) и эскортирующая реализация (воспроизведение) сигнала, то есть сопутствование основной (релевантной) деятельности.

Параметры медиазашумления позволяют вычислить индивидуальный уровень медиазашумленности и определить его средние и пороговые значения, выделить типы медиазашумления. Медиазашумленность, насыщенность жизненного пространства медиашумом связана с социальным портретом, частотой и продолжительностью пребывания в локациях фоновой работы транслирующих устройств и стратегиями самостоятельного инициирования медиашума. Существуют общие ситуации, характеризующиеся наибольшим медиазашумлением. Содержание основной деятельности («переднего плана») и принуждающей субстанции определили типы медиазашумления: «Групповой», «Локационный», «Аддиктивный». Типы медиазашумления предполагают разные управленческие стратегии и востребуют ресурсы различных субъектов управления в зависимости от характера связи с субъектом рискованного поведения. Технологизация рисков медиазашумления заключается в стремительном упрощении способов и средств публикации медиасигнала в любой социальной ситуации и любым пользователем без учета возрастных особенностей, а также в доместикации медиатехнологий, содействующих формированию паттерна фонового медиапотребления.

10. Интегральная ресурсно-векторная модель управления информационной безопасностью детей представляет механизм реализации защиты детей от рисков взаимодействия с информацией через активацию и синхронизацию ресурсов управляющей системы. Ресурсность и векторность являются метафакторами эффективности управления информационной безопасностью детей, где векторность характеризует направление управленческого воздействия, а ресурсность – требуемые для снижения риска управленческие меры и субъект управления, обладающий необходимыми

ресурсами. Механизм работы модели заключается в повышении уровня принятия и реализации управленческого решения через формулирование риска (обеспечение «оптики риска») для вышестоящего уровня в целях расширения пространства действия управленческой меры и круга социальных отношений, где может реализоваться рисковое поведение, увеличения поля управленческого воздействия, охвата управленческим решением большего числа детей, потенциально подверженных данному риску. Модель основана на конвергенции основных элементов системы управления, факторов рискового поведения, представлений об уровнях принятия и реализации управленческого решения, этапах коммуникативной цепи, ограниченности управленческих ресурсов, а также о векторности управленческого действия как направленности на актуальную тенденцию зоны риска. Модель учитывает нормативные дефиниции информационной безопасности детей, принципы правового универсализма системы национальной безопасности и системы защиты детей и профилактики их безнадзорности, предусматривает субъектный состав, определяемый на основе национальных стратегических документов.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуализации проблемы управления информационной безопасностью детей на современном этапе технологического прогресса; в описании двусоставной природы вреда от информации и введении в научный оборот концепции медиашума и медиазашумления; в моделировании процессов обеспечения состояния защищённости детей от вредной информации. Исследование может представить теоретико-методологическое основание для развития отраслей научного знания, затрагивающих вопросы информационной безопасности, стать базой для дальнейших исследований рисков, опосредованных развитием информационной среды.

Практическая значимость исследования

Результаты исследования могут быть использованы для анализа и модернизации политики обеспечения информационной безопасности детей, реализуемой на различных уровнях управления социальными

взаимодействиями, приоритизации направлений обеспечения национальной безопасности, могут применяться в таких курсах как «Социология управления», «Социология коммуникаций», «Социологический анализ проблем государственного управления», послужить базой для разработки спецкурсов «Информационная и национальная безопасность», «Глобальные проблемы современности» и иных курсов, посвященных современному обществу и проблемам его безопасности, а также программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Полученные результаты могут быть применены при разработке стратегий и концепций информационной безопасности детей как на федеральном, так и на региональном уровне, послужить в качестве методических рекомендаций для совершенствования порядка экспертизы информационной продукции и рекламы, законодательства в области защиты детей, модернизации системы социальной защиты детей и деятельности структур гражданской активности различного уровня.

Соответствие диссертации научной специальности

Диссертация соответствует специальности 5.4.7. – Социология управления, так как область, тема и результаты исследования соответствуют пунктам: 1. Развитие понятийно-категориального аппарата социологии управления применительно к изменяющимся объектам управления, 3. Проблемы взаимодействия субъектов и объектов управления, 4. Принципы и методы управления в современных условиях, 11. Особенности регулирования нелинейных социальных процессов. Управление в условиях неопределённости, 13. Типологические модели управленческого процесса: признаки, характер управленческих отношений, стили руководства, 14. Проблемы критериев и оценки эффективности управленческой деятельности, Социальный мониторинг, 17. Проблема мотивации и формы участия граждан в управлении, 23. Социологическая методология исследования управленческих процессов и структур паспорта специальности.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается адекватным подбором теоретико-методологической основы исследования; корректностью методов сбора информации, обоснованием репрезентативности данных; выбором релевантных способов анализа и обработки информации; сочетанием качественных и количественных методов социологического исследования; воспроизводимостью эмпирических результатов.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на 31 международной и всероссийской конференции: «Пробелы в российском законодательстве», *Чебоксары, 2015*; International Conference «100 years since the Russian Revolutions», *Испания, 2017*; «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия», *Нижний Новгород, 2017*; «Медиа и власть: власть медиа?», *Казань, 2018*; «Современное телевидение: между национальным и глобальным-2018», *Казань, 2018*; «MEDIAОбразование», *Челябинск, 2018*; «Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью», *Нижний Новгород, 2018*; «Шаг в будущее: Искусственный интеллект и цифровая экономика», *Москва, 2018*; Granaslavic 2019: V International Conference «Andalusian Slavic Studies Workdays», *Испания, 2019*; «Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия», *Москва, 2019*; «Здоровье как ресурс: V.2.0.», *Нижний Новгород, 2019*; «Transculturality in Eastern and Western Contexts», *Германия, 2019*; II International Research Conference «Giftedness: Conditions and Factors», *Черногория, 2020*; «Диалог культур востока и запада через призму единства и многообразия в преемственности и модернизации общественного сознания: древний мир, средневековье, новое и новейшее время», *Казахстан, 2020*; IV International Scientific Conference «Heydar Aliyev: the ideology of multiculturalism and tolerance», *Азербайджан, 2021*; «El'Manuscript 2021 Textual heritage and information technologies», *Германия, 2021*; «Language and literature in the multicultural space: problems, ideas, development trends», *Узбекистан, 2021*; XII

International Scientific Conference «Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction», *Чехия, 2021*; V Международная конференция «Казанские социологические чтения», *Казань, 2022*; «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», *Санкт-Петербург, 2022*; «Социальная реальность виртуального пространства», *Иркутск, 2022*; «MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы», *Челябинск, 2022*; «Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты», *Самара, 2022*; «Социальная безопасность и защита интересов семьи в условиях новой общественной реальности», *Пермь, 2022*; «Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью», *Челябинск, 2022*; «Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия», *Москва, 2023*; «Современные проблемы славянской филологии: форма и смысл. к 130-летию со дня рождения В. Шкловского», *Тайвань, 2023*; «Социальная реальность виртуального пространства», *Иркутск, 2023*; «Философские и методологические проблемы исследования российского общества», *Москва, 2023*; «Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства», *Челябинск, 2023*; «Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения», *Кемерово, 2023*.

Результаты диссертационного исследования отражены в 72 публикациях (личный вклад автора 38,5 п.л.), в том числе в 18 статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, из них в 6 изданиях, индексируемых в базах международного научного цитирования Scopus и Web of Science.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, включающих 11 параграфов, заключения, списка литературы и 5 приложений.

ГЛАВА 1. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

1.1. Информационная безопасность детства как объект научного анализа

Парадокс современного мироустройства заключается в том, что умножение информации есть одновременно и результат функционирования социальных систем, и источник рисков. Обращение к вопросам опасностей, исходящих от информационного окружения человека, связано с вовлечением большинства людей в различные формы взаимодействия с информацией, медиасигналом и креолизованным текстом. Технологически обусловленная интенсификация информационных процессов порождает ускорение всех социальных взаимодействий и «сверхбыструю» реальность. Научная рефлексия влияния информационных технологий на общество приводит к формулированию новых конфигураций общества – постиндустриального, сетевого, информационного, «общества риска». Исследователи сетевого общества открывают иное видение динамики рисков от информации, непосредственно связанной с развитием сетевых технологий коммуницирования социальных субъектов. Основу сетевой морфологии социального мира составляет «сетевая ткань», соединяющая информационные потоки в единое «внеисторическое пространство», испытывающее на прочность общие культурные коды общества⁴².

Принадлежность рассматриваемой проблемы к разным областям знаний объясняется ее дискурсивной многослойностью, требующей приложения различных научных подходов и «кооперации когнитивных схем»⁴³ в целях реализации «совместного проекта» – концептуального обоснования управления информационной безопасностью детей. Исследовательский поиск необходимых

⁴² Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture //John Wiley & Sons, 2000. P. 469.

⁴³ Morin .E. La Tête bien faite. Repenser la Réforme – Réformer la Pensée. Paris: Editions du Seuil, 1999. – P.136.

подходов не может обойти вниманием выводы других научных дисциплин в отношении феноменов и явлений, составляющих проблему. Это психолого-педагогические знания в отношении оценки вероятности вреда от информации, правовые науки – в отношении нормативной формализации охраняемых благ и способов их правовой охраны; философские науки – в отношении природы информации, сущности сетевого и информационного общества, понимания нормы и девиации, технологической детерминации рисков вреда от информации; медико-гигиеническое направление в отношении факторов психологического здоровья, развития и благополучия детей.

Поскольку социологичность анализа управления информационной безопасностью детей сосредоточена на выявлении и описании типичного поведения субъектов информационной безопасности и воздействии на это поведение, то определение применяемых подходов помимо использования дисциплинарных результатов требует поиска инструментов, которые направлены на оценку элементов, составляющих (даже морфологически) саму проблему. Это – природа социальной безопасности, субъекты безопасности, риск, рисковое поведение, субъекты рискового поведения, управление рисковым поведением, субъекты управления рисковым поведением; дети как социальная группа, их здоровье и развитие, сущность информации и динамика информационных процессов (технологизация).

Предполагается, что интеграция методологических компонентов данных подходов послужит выработке методологических принципов анализа проблемы и моделирования её решения. Поэтому последовательное рассмотрение концепций, раскрывающих природу в широком смысле трёх главных компонентов формулирования проблемы – *детства, безопасности, информации* – поможет выявить требуемые исследовательские подходы.

Детство

Осмысление феномена детства осуществлялось представителями научного знания по разным направлениям и, прежде всего, в рамках гуманитарных

исследований⁴⁴. К детству как значимому периоду жизни человека обращались мыслители античности. Аристотель считается создателем первой возрастной периодизации, которая в фокусе нашего исследования выступает ключевым фактором дифференциации мер обеспечения информационной безопасности в отношении разных возрастных групп детей. Платон обосновывал необходимость цензурирования литературы, доступной для детей⁴⁵. Философы Нового времени делали детство предметом своих научных поисков. Томас Гоббс впервые продемонстрировал взгляд на детство в контексте семейной иерархии как на миниатюру политической власти, где социальный статус детства выполняет функцию поддержания общественного порядка⁴⁶.

Репрезентация детства в гуманитарной научной мысли определила аксиологию и онтологию детства. Концептуальное осмысление явления детства связано с дискурсом свободы воли ребенка (И. Кант), рассуждением о метафизической сущности архетипа ребенка как о символе значимости начала жизни человека и воспроизводства бытия, живущего в глубинах коллективного бессознательного, символе «будущности» – сверхважной онтологической функции⁴⁷ (К. Юнг), о роли детства как субстанции «всеобщечеловеческого», не «обремененного идолами сознания» (С. Кьеркегор), утверждения важности факта рождения – натальности (рожденности), имеющейся у каждого ребенка, чистой потенции Нового. Таким образом, феномен детства имеет онтологическое измерение и возводит проблему управления безопасностью детства на уровень общечеловеческих, обуславливая социальность рисков в отношении детства.

С позиций корректирующего воздействия детство является предметом педагогической, психологической и медицинской науки. Исследование психических закономерностей развития ребенка признается «ключом к

⁴⁴ Полянина А.К. Паттерн детства как ориентир обеспечения защиты детей от вредной информации // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 118–122.

⁴⁵ Платон (ок. 427 - ок. 347 до н. э.). Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.

⁴⁶ Гоббс Т. (1588–1679). Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. 621 с.

⁴⁷ Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. 400 с.

детству⁴⁸» и к пониманию движущих сил онтогенеза. Изучение психологических особенностей детства традиционно протекает в русле двух направлений, отличающихся отношением к главному фактору развития: среде или наследственности, или иначе – к биологическим или социальным условиям.

С точки зрения феноменальности детства интересна генетическая психология Ж. Пиаже, описавшего особенности детской логики, образующие детский эгоцентризм. Поэтому и процесс социализации ребенка обозначен задачами преодоления этого эгоцентризма. Преодоление означает изменение конструкций детской логики, скрытой от взрослых, в которой устанавливается стабильное интеллектуальное равновесие, в том числе развитие аналитического восприятия, нахождение противоречий, принятие общего в ущерб частному, иначе говоря, принятие социальных ограничений и восстановление гомеостаза. Феномен детской логики видится Пиаже не в недоразвитости мышления, а в необходимости подчинения принципу реальности, социальной адаптации, «децентрации» – способности видеть другие позиции кроме своей⁴⁹.

Возрастная периодизация лежит в основе *дифференциации мер обеспечения социальной безопасности и определяется* периодизацией психического развития. Исследователями выделяются различные критерии возрастной периодизации, но само существование общих возрастных закономерностей развития не ставится под сомнение. Л.С. Выготский предложил в качестве такого критерия социальную ситуацию развития, образуемую исключительными, единственными и неповторимыми отношениями между ребенком и окружающей его социальной средой⁵⁰, А.Н. Леонтьев отдавал главную роль так называемой ведущей деятельности. Д.Б. Эльконин интегрировал эти подходы и сформулировал правило, согласно которому на каждом этапе развития должен был разрешен психосоциальный кризис и сформировано особое личностное качество, а в случае отсутствия успеха в преодолении этого кризиса возникает личностная патология, деформируется

⁴⁸ Зеньковский В.В. Психология детства. Берлин: Русская книга, 1923. 348 с.

⁴⁹ Пиаже Ж. Моральное суждение у ребёнка. М.: Академический проект, 2006. 480 с.

⁵⁰ Выготский Л.С. Детская психология. Собрание сочинений: В 6-ти т. М.: Педагогика, 1984. 432 с.

перспектива последующего развития⁵¹. Фактор возраста в нормативном подходе, в отличие от стихийного, имеет значение как последовательный и прогрессивный, где каждый следующий период основывается на достижениях предыдущего и улучшает их в соответствии с «зоной ближайшего развития».

Основатели принципов периодизации развития, динамики изменения психики с возрастом полагали не подлежащим сомнению существование возрастных различий и связывали их с характером взаимодействия индивида со средой, будь то ранний неосознаваемый опыт, опыт адаптации к давлению и принуждению своего Я, опыт кризиса, опыт столкновения с чужой волей. Другими словами, *речь всегда идет об опыте, который имеет единственную тенденцию – увеличиваться.*

В педагогике подход к возрастной периодизации выражен в принципе природосообразности. Вся педагогическая система строится на поступательном движении ребенка к нравственному идеалу развития, олицетворяемому примером взрослого (Аристотель, Я.А. Каменский, Дж. Локк), на достижении задач гражданского воспитания (Г.М. Кершенштейнер), на творчестве и труде (Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский). Антропологические основания педагогических идей заключаются в обосновании *целостности биологической и психической природы человека*. Принцип педагогики основывается на воздействии объекта на субъект с целью формирования социально одобряемых качеств, на передаче опыта старшего поколения младшему и на соответствующей иерархии. Категория поколения является важнейшей во всей педагогической парадигме.

Таким образом, фундаментом дифференцирования мер обеспечения социальной безопасности детей разных возрастных категорий является возрастная периодизация, обусловленная психофизиологическими факторами и характеристиками, свойственными отдельным возрастным периодам. Возрастная периодизация в свою очередь базируется на признании неких физиологических универсалий, присущих детям определенного возраста

⁵¹ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 554 с.

независимо от историко-культурного или географического контекста, то есть всегда и везде.

Универсальный характер физиологических особенностей детского организма означает существование *популяционного стандарта как нормы развития*, определяемого на основе интегральной оценки ровесников, относящихся к той же группе населения, антропологической выборке или популяции⁵² (В.Г. Властовский, О.М. Павловский). Подход к возрастной периодизации с точки зрения популяционного стандарта при этом учитывает варианты дефинитивного статуса у разных представителей этно-территориальных и экологических групп⁵³. Однако эти варианты, различия в степени чувствительности индивида к эндо- и экзогенным воздействиям и половой диморфизм развития, определяя *уникальность онтогенетического развития каждого человека*, не отменяют при этом стандарта возрастного развития как ориентира возрастной периодизации, используемого в педиатрии, педагогике, психологии, а также в организации социальной безопасности детей по направлению защиты от вредной информации.

Проблема безопасности детства может быть осмыслена в дискурсе противостояния социализационного и этногеографического подходов, которая развернулась в социологии детства.

Социализационный подход предполагает использование механизмов социализации детей и подготовки к «полноценной» жизни (Parsons, 1962), способов трансляции опыта, в том числе морального кода общества (Eisenstadt)⁵⁴. Развитие и детство как субстрат развития понимается в контексте социального порядка, сохраняемого при передаче устойчивых ценностных ориентаций общества каждому индивиду или приобщения к социальной жизни, принятия социального факта как готовой формы социальности⁵⁵. Постепенно в

⁵² Властовский В.Г. Акцелерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). М: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 279 с.

⁵³ Павловский О.М. Биологический возраст и современные тенденции в постдефинитивном онтогенезе человека // Вопросы антропологии. 1985. № 75. С. 133–148.

⁵⁴ Eisenstadt S.N. From Generation to Generation, Age Groups and Social Structure // Glencoe: Free Press, 1956. P. 357.

⁵⁵ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

круг социологического дискурса включались социально-экономические проблемы детства, демографические аспекты, социография детства и связанные с этим вопросы организации социальных институтов для детей и молодежи, политические задачи защиты детства.

Этногеографический подход, возникший в связи с общекультурными трансформациями и ситуацией постмодерна во второй половине XX века, отражает научные дискуссии и критические позиции в отношении концепции социализации. Результаты этногеографических и исторических исследований детства противопоставлялись идее социализации, а заодно постулатам психологии развития, педагогики и принципам возрастной периодизации. Прозвучал тезис о интерсекциональности – «многообразии миров современного детства», идее об ошибочности биологических и культурных оснований возрастной типизации и, соответственно, возрастных универсалий, на которые опирается в том числе и законодательная система, регулирующая социальные институты⁵⁶. Авторами этих исследований утверждается несостоятельность и «устаревание» теорий социализации, нуждающихся в «развенчании»⁵⁷. Наблюдаются притязания на новую проблематизацию детства как социального конструкта, а не естественного феномена, что предполагает нивелирование различия между взрослым и ребенком, «слияния детства и взрослого мира» (Рихтер)⁵⁸, признание активной субъектности ребенка⁵⁹, эмансипацию детей от власти взрослого мира⁶⁰. Уподобление детей и взрослых в отношении одежды, вкусовых предпочтений, форм досуга и т.д., увеличение осведомленности детей в вопросах секса, смерти, болезней, бизнеса и т.д. свидетельствует, по мнению Н. Постмана и Х. Хенгста об «исчезновении» и «ликвидации» детства⁶¹. С точки

⁵⁶ Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003. 334 с.

⁵⁷ Бюлер-Нидербергер Д., Зюнкер Х. От исследования социализации к социологии детства// Развитие личности. 2003. № 4. С. 69–94.

⁵⁸ Richter D. Kindheit als Utopie // Zur Zukunft von Familie und Kindheit. Berlin, 1985. P.135–139.

⁵⁹ Prout A. Future of Childhood. Toward the Interdisciplinary Study of Children// Routledge, London - New York. 2005. P. 167.

⁶⁰ Qvortrup J. Sociology: Societal Structure, Development of Childhood, and the Well-Being of Children. In: Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. (eds) // Handbook of Child Well-Being. Springer, Dordrecht, 2014. P. 663–707.

⁶¹ Postman N. The Disappearance of Childhood. New York: Vintage Books, a division of Random House, 1994. 192 p. Hengst H. Rethinking the Liquidation of Childhood// Childhood in Europe. 2001 P. 13–41.

зрения А. Джеймса и А. Праута осмысление детства в рамках психологии развития теряет значение, дети должны изучаться «в качестве социальных деятелей уже в процессе становления ими» при том, что уже «произошел существенный прогресс в этом направлении»⁶². Преимущество нового подхода к исследованию детства виделось в иной интерпретации незрелости детей как «биологического факта», вытекающей из культурной трансформации общества⁶³. Другие авторы ставят под сомнение даже возможность взрослых представлять интересы детей (Дж. Габардино)⁶⁴. Сомнению подвергается именно принцип существования *возрастных универсалий, то есть нормативность возраста*.

Критика концепций социализации направлена на обличение отношения к детям как «материалу», нуждающемуся в «обработке», а не как к самостоятельной части социальной структуры (Й. Квортруп)⁶⁵, а также на утверждение несостоятельности «однолинейности и однозначности» традиционных наук о детстве, которыми исключается множественность детских миров, возникающая благодаря глобализации (Л. Аланен)⁶⁶. Отмечается существование некой реальности самих детей, несовпадающей с реальностью взрослых (L. Holmberg)⁶⁷. Эмпирическим основанием таких утверждений явились, с точки зрения теоретиков новой социологии детства, результаты историко-географических исследований детства⁶⁸ (Ф. Арьес), выявившие неправомерность универсальных характеристик детского периода жизни. Утверждается необходимость денатурализации возраста и «обновления периодизации детства», поскольку предложенная медицинской наукой периодизация теряет актуальность в современных условиях коммуникационного

⁶² James A., James A.L. *Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice*. London: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.

⁶³ James A., Jenks C., Prout A. *Theorising Childhood* // Cambridge: Polity Press, 1998. 247 p.

⁶⁴ Garbarino J. *Can American Families Afford the Luxury of Children?* // *Child Welfare*. 1986. Vol.65. No.2.

⁶⁵ Qvortrup J. *Childhood as a social phenomenon*. Budapest, Viena: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991. 39 p.

⁶⁶ Alanen L. 'Intersectionality' and other challenges to theorizing childhood // *Childhood*. 2016. Vol. 23 (2). P. 157–161.

⁶⁷ Holmberg L. *The future of childhood studies? Reconstructing childhood with ideological dilemmas and metaphorical expressions*// *Childhood*. 2018. Vol. 25 (2). P.158–172.

⁶⁸ Арьес Ф. *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке* / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.

опыта детей, цифровизации и виртуализации их жизни⁶⁹. Шестиступенчатая возрастная периодизация (младенчество, раннее детство, дошкольное детство, младший школьный возраст, подростковый возраст, ранняя юность) считается этими исследователями устаревшей. Предлагается ограничить вмешательство взрослого сообщества в детский мир, признать полную субъектность детей. Однако «дети – единственная категория населения, не имеющая социальных статусов и социальных ролей», поскольку они не имеют экономической самостоятельности, а освоение ими социального мира характеризуется как игровое⁷⁰. Взрослое сообщество призывается к пересмотру отношения к детям, дискриминирующего их как равноправных участников конструирования социальной реальности, и к скорейшему установлению «партнерства». Применительно к обеспечению информационной безопасности детей данный подход исключает субъект-объектную природу этого процесса и саму цель, понимаемую как «защиту от рисков, связанных с информацией».

Некоторые исследователи отмечают совпадение возникновения новой социологии детства с леволиберальными движениями⁷¹. Так, Квортруп проводит аналогию между переосмыслением понятия пола и анализом возраста⁷². Дети, полагают исследователи, подобно инвалидам, умаляются в правах, поскольку если инвалиды считаются зависимыми от здоровых, то дети – от взрослых⁷³. Продолжая эту мысль, С.Ю. Митрофанова полагает, что даже употребление в законодательстве термина «несовершеннолетний» выражает их более низкий социальный статус и доминирование взрослых по объему привилегий⁷⁴, иными словами, является дискриминирующим. Этой позиции соответствует мнение Е. Болдинг, согласно которому дети и взрослые противопоставляются друг другу

⁶⁹ Polianina A.K., Grudzinsky A.O. Transformation of Childhood in a Digital World // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1100. 2020. P. 424–431.

⁷⁰ Кравченко А.И. Социология. Общий курс. М.: Логос, 2001. 640 с.

⁷¹ Дуденкова И.В. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // *Социология власти*. 2014. № 3. С. 47–59.

⁷² Qvortrup J. *Childhood as a social phenomenon*. Budapest, Vienna: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991. 39 p.

⁷³ James A., Prout A. *Constructing and reconstructing childhood: New directions in the sociological study of childhood*. Oxford: Routledge, 1990. 260 p.

⁷⁴ Митрофанова С.Ю. «Я - взрослый/я - взрослая»: представления третьеклассников о собственном будущем // *Вестник СамГУ*. 2013. № 2. С.10–21.

как классы, а детская группа выступает ущемляемой наряду с женщинами, стариками, этническими и расовыми меньшинствами⁷⁵.

В зарубежных исследованиях конца 70-х годов XX века утверждалось, что «патриархальная перспектива», ориентированная на взрослых, есть ловушка для детей. Детство должно рассматриваться как автономная стадия жизни, а не стадия подготовки, и что концепцию «поколения» необходимо понимать подобно концепции «гендер», то есть как категорию социального неравенства⁷⁶. Один из современных зарубежных теоретиков новой социологии детства Дорис Бюлер-Нидербергер в своих последних работах называет детей «самой виктимизированной группой в обществе», при том что этому способствует «деятельность детских учреждений, ограничивающих социальное признание их прав», основанная на насилии. Позднее, выделив две существующие в мире модели межпоколенческого взаимодействия, исследователи стали указывать на то, что модель «сыновнего благочестия», основанная на традициях, хотя и создает порядок и солидарность, но способствует дискриминации детей. Другая модель – модель «правильного детства», напротив, содействует их независимости⁷⁷, при этом не предлагается альтернативы «угнетающим» «детским учреждениям» и механизмам «неправильного» взросления.

С нашей точки зрения, данный подход к исследованию детства подвергается критике справедливо. По мнению И.В. Дуденковой, «амбиция новой социологии детства состоит в том, чтобы нивелировать различие между ребенком и взрослым как всего лишь социальное», «политическое по своей тональности требование услышать ребенка, дать ребенку голос» обусловлено леволиберальными трендами эмансипации и защиты меньшинств. Подчеркивается противоречивый характер противопоставления зрелости со свойственной ей способностью критики и рефлексии, и детства как движения к

⁷⁵ Boulding E. Children's Rights and the Wheel of Life. New Jersey: Transaction Book, 1979.179 p.

⁷⁶ Zyunker H., Buhler-Niederberger D. From research in the sociology of childhood socialization // Personality Development. 2003. №. 4. P. 69–94.

⁷⁷ Buhler-Niederberger D. Generationale Verpflichtungen - Normative Muster und ihre Umsetzung // Berliner Journal für Soziologie. 2020. № 30. P. 49–78.

зрелости⁷⁸. Отмечается абсурдность самого противопоставления цели и процесса достижения этой цели, а пафос программы эмансипации детства, являясь «политически ангажированным движением» «в духе анархистской педагогической традиции» девальвирует «биологическую разницу между взрослым и ребенком»⁷⁹.

Итак, *социализационный подход основывается на признании биологических и психофизиологических различий между состоянием зрелости и состоянием «взроslения» как основополагающей закономерности психического развития.* Важнейшей обязанностью взрослого перед ребенком и одновременно его прерогативой является контролирующее и регулирующее воздействие «с целью репрессировать, подавлять некоторые желания ребенка до момента, когда он сможет это делать самостоятельно»⁸⁰, обусловленное невозможностью ребенка самостоятельно справиться с «обуревающими его инстинктами и импульсами», характерными для «психической организации начала человеческой жизни». В целях защиты ребенка взрослый ответственен за «овладение ребенком самого себя» через представление закона и нормы, ребенок нуждается в идеале и авторитете, «образе сильного и всемогущего»⁸¹.

Следствием ослабления регулятивной функции взрослого, поражения закона, нормы перед «архаическим инстинктивным импульсом, явленным в чистом виде у ребенка», выступает, по мнению А. Калькута, снятие взрослым бремени ответственности и доминирования, принятие равенства, самостоятельности и компетентности ребенка и появление «новых взрослых» – «kidult»⁸².

Вместе с тем границы детства в фактическом и формальном выражении являют собою систему норм, регулирующих внешнюю атрибутику детства (внешний вид, речь) и деятельность, а также видение перспектив развития и

⁷⁸ Дуденкова И.В. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.

⁷⁹ Там же

⁸⁰ Улыбина Е.В. Страх и смерть желания. М.: Модерн-А, 2003. 317 с.

⁸¹ Там же. С. 286.

⁸² Calcutt A. Arrested Development. Pop culture and the Erosion of Adulthood. Cassell, London, 1998. P. 224.

консенсус относительно психофизиологических особенностей ребенка. Эти границы определяют пределы обеспечения информационной безопасности детей и адекватны уровню культуры и её стабильности⁸³. Полагаем, это неизбежно ведет к расширению нормы, её нестабильности и обусловленности степенью причастности к источнику «трансляции опыта», к информационному пространству. «Плавуемость» нормы, то расширяющейся, то сужающейся в зависимости от степени погружения в сферу непрерывной демонстрации вариантов поведения, опосредована закономерностями информационного общества, технологически детерминирована.

Однако в нашем исследовании мы исходим из представления о популяционном стандарте и о существовании *психофизиологических универсалий развития как оснований дифференциации мер безопасности*. Попытки денатурации возраста и дискредитация возрастной периодизации развития как устаревшей противоречат биологически обоснованным различиям взрослого и ребенка. Кроме того, ревизия нормы и стадийности развития «освобождает» детство от опеки, от «сочувствия» к своим «уязвимостям»⁸⁴. Отвержение естественной феноменальности детства в пользу культурного конструкта нивелирует саму категорию «ребенок». Отторжение концепта социализации как насилия отрицает логику социального порядка как порядка поколений, влечет одновременно устранение «двухвекторного дисциплинарного устройства»⁸⁵ – в направлении от взрослого к ребенку и, наоборот, от ребенка ко взрослому.

Вместе с тем *субъектность ребенка* в процессе обеспечения собственной безопасности (самозащиты), включая информационную, также следует учитывать при организации управления мерами безопасности, например в отношении к необходимости существования пространства морального выбора

⁸³ Мамычева Д.И. Тенденции рационализации детства в эпоху модерна // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 2. С. 232–236.

⁸⁴ Дуденкова И.В. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.

⁸⁵ Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62–69.

как обстоятельства и условия развития личности ребенка. Осторожность при идентификации возможных угроз, бережное и внимательное отношение к творчеству способствует предупреждению патерналистической позиции управляющей системы и является собою одну из задач организации эффективного управления информационной безопасностью.

Интеграция представлений о детстве и его безопасности учитывает выводы теории социализации об «адаптации индивидуальных интересов и потребностей к социальному порядку»⁸⁶, интеграции ребенка в социальный порядок⁸⁷, главенствующей роли коммуникации в процессе воспитания как механизма формирования личности⁸⁸, а также и отдельные позиции этногеографического подхода относительно социокультурной обусловленности границ детства, нестабильности норм развития, связанной с совершенствованием медиатехнологий, детерминирующим расширением пространства морального выбора, трансляции и усвоения опыта человечества.

Рассмотрение паттерна детства как ориентира социальной безопасности детей указывает на *значение возрастной периодизации и дифференциации мер обеспечения информационной безопасности детей на основе физиологических и психических закономерностей развития. Универсальный характер возрастной дифференциации последствий взаимодействия человека с информацией и возможных угроз, связанных с потреблением информации, обосновывает научную концептуализацию проблемы информационной безопасности детской группы.*

Безопасность

Совокупность представлений о детской группе в социальной системе, паттерн детства, обуславливают особенности технологии обеспечения безопасности детей. Собственно безопасность рассматривается как способ функционирования социальной системы, обеспечивающий *сохранение ее*

⁸⁶ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

⁸⁷ Parsons T. The Social System. New York: Free Press (4th ed.). 1951.

⁸⁸ Luhmann N., Lenzen D. Das Erziehungssystem der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2002. P. 236.

*целостности, устойчивости и жизнеспособности в процессе взаимодействия ее структурных составляющих подсистем между собой и с окружающей средой на протяжении существования и развития общества*⁸⁹.

Для целей настоящего исследования особенно ценным представляется самостоятельное направление социологии – социология безопасности, в предметное поле которой включены способы и формы деятельности субъектов безопасности, их образ жизни, среда жизнеобеспечения, изменение основных институтов и процессов, обеспечивающих безопасность в разных сферах⁹⁰; социальная природа возникновения опасностей и угроз⁹¹; минимизация рисков и максимизация выгод искомого состояния безопасности⁹². Феномен безопасности в современном социальном дискурсе рассматривается через ряд связанных с ним категорий, насыщенных концептуальным смыслом, например устойчивость и порядок, угроза и опасность, доверие и развитие, стагнация и кризис⁹³.

Научная проблематизация безопасности связана с концептом социального порядка и открывается в теориях позитивизма Огюста Конта, утверждавшего его в качестве «неизменного условия прогресса»⁹⁴, а также в теориях структурного функционализма Эмиля Дюркгейма и Толкотта Парсонса, учении Герберта Спенсера о социальном равновесии как результате компромисса и гармонизации интересов, при котором общество обладает интегрирующей силой. Парсонс угрозой безопасности полагает такие экзо- и эндогенные изменения, которые способны повлиять на структуру социальной системы, её равновесие⁹⁵. Нейтрализация этих угроз есть задача нормативного консенсуса и общая цель

⁸⁹ Самыгин С.И., Верещагина Л.В. Семья и социальная безопасность России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 116–120.

⁹⁰ Кузнецов В.Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе (Социологический аспект): дис. ...д-ра соц. Наук. Москва, 2002. 388 с.

⁹¹ Волков Ю.Г. Социология: Учебник М.: Кнорус, 2017. 320 с.; Огий О.Г. Безопасность в системе социологического знания // Вестник ТОГУ. 2011. № 1(20). С. 207–216.

⁹² Матвеев Ю.И. Современные подходы к изучению риска // Изв. ТулГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 165–174; Косов Г.В. и др. Общество безопасности как альтернатива обществу риска. М.: АНМИ. 2006. 210 с.

⁹³ Данкин Д.М. Культура доверия как важнейший ресурс безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 4. С. 491–503; Жбанков А.Б. Доверие как фактор безопасности // Власть. 2010. № 8. С. 19–21.

⁹⁴ Западноевропейская социология XIX века: О. Конт, Д.С. Милль, Г. Спенсер. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. 352 с.

⁹⁵ Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951. 575 p.

управления безопасностью. Безопасность социальной системы ставится, таким образом, в зависимость от результата институционализации ценностей и организации основанной на консенсусе солидарности граждан вне бюрократических принципов, что, в частности, указывает на значение гражданского общества в обеспечении информационной безопасности.

Поскольку социальная безопасность представляется качественной характеристикой социальной системы и *условием жизнедеятельности социума*, её сущность оформляется через критерий «отсутствия» при описании состояния защищенности объекта, то есть как отсутствие опасности⁹⁶, в контексте нашего исследования – защищенности детей. Интерпретация безопасности как социологической категории некоторыми авторами определяется подобно позиции Т. Парсонса через «совокупность *признаков, характеризующих стабильное состояние защищенности объекта от разного рода угроз и опасностей*, действие которых может оказать негативное влияние на его структурную и функциональную целостность, вплоть до полного разрушения или неконтролируемой трансформации в другое объектное качество»⁹⁷. Эти признаки могут выступать *критериями оценки безопасности и быть положены в основу измерения вреда для детей с учетом их возраста и уровня психического, социокультурного развития*. Содержание этих признаков применительно к информационной безопасности детей раскрывается через определение и характеристику угроз от информации в отношении здоровья и развития ребенка как объектов безопасности, угроз, проявляющих себя в *информационно-коммуникативном поведении, в том числе в этапах коммуникативного акта при создании, распространении, доступе и потреблении информации*.

Информационная безопасность есть часть социальной безопасности и подобным образом проблематизируется в гуманитарных науках, но в контексте особенностей информационных угроз и динамики трансформации

⁹⁶ Елфимова О.С. Социологический аспект понятийного оформления сущности безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. С. 51–56.

⁹⁷ Мугулов Ф.К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа: монография. Сочи: РИО СИМБиП, 2003. 243 с

информационного пространства и медиасферы. Представляется обоснованной позиция Т.В. Владимировой, согласно которой безопасность есть «свойство социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиантного поведения», а информационная безопасность – мера устойчивости социального порядка в условиях роста девиации, усиления девиантности, в сочетании с интенсификацией информационных потоков в условиях высокой вариативности и роста интенсивности коммуникаций современного общества⁹⁸. Проблема информационной безопасности личности обуславливается, таким образом, *ростом девиаций в информационном пространстве, дестабилизирующим социальный порядок*. Социальный порядок, понимаемый как система социальных ограничений, может претерпевать деструктивное воздействие, связанное с интенсификацией и «уплотнением коммуникаций», увеличением частоты и концентрации информационных импульсов до степени «нечеловекообразных»⁹⁹. Информационная безопасность же детской группы учитывает особенности, связанные с возрастной дифференциацией вероятности наступления вредных последствий, то есть опасностей и угроз от взаимодействия с информацией.

Методологические положения, вытекающие из рассмотренных концепций, синтезируются в общее представление об институциональной природе системы социальной безопасности, социальности и антропологической сущности рисков от информации, сложности субъект-объектного содержания безопасности, выступают основой для последующего анализа и концептуализации информационной безопасности детей и дают возможность сформулировать понятие информационной безопасности детей.

Информационная безопасность детей – это состояние сохранности их здоровья и развития, защищенности от угроз, вызванных интенсификацией

⁹⁸ Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис.... д-ра социол. наук. Красноярск, 2016. 300 с.

⁹⁹ Полянина А.К. Государственная защита детей от вредной информации: анализ трех правоприменительных прецедентов // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2021. Т. 29. № 2. С. 78–86.

информационных потоков и коммуникаций и дифференцированных в соответствии с возрастом.

Поиск эффективных путей предотвращения и преодоления угроз в отношении детей со стороны информационного пространства требует исследования подходов к управлению информационной безопасностью детей.

1.2. Подходы к анализу управления информационной безопасностью детей

Рассмотренные выше положения дали возможность определить исследовательские подходы и принципы, способные направить теоретический поиск путей концептуализации *управления* информационной безопасностью детей.

Поскольку безопасность в общем виде представляется состоянием защищенности объекта от угроз и патогенных изменений, то обеспечение этого состояния, его реализация, означает воздействие на риск таких изменений, иными словами, управление вероятностью угроз. Анализ динамики трансформаций («экзо- и эндогенных изменений») информационной сферы представляет собой не что иное, как расчет (калькуляцию) рисков получения вреда. Поэтому именно в *рамках рискологического направления в социологии возможно осмысление проблемы управления информационной безопасностью детей.*

Теория «общества риска» фокусирует внимание на порождаемых ускоренной модернизацией макросоциальных изменениях, особенно на деградации нормативной системы общества. Если учесть выделяемые Э. Гидденсом компоненты «среды риска», то важнейшим для нашего исследования будет тот, который явлен в угрозах, порождаемых «рефлексивностью модернити»¹⁰⁰. У. Бек определяет риск как результат взаимодействия общества с опасностями, производимыми модернизацией, и соответствующих страхов как

¹⁰⁰ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 58.

следствия рефлексии этих опасностей¹⁰¹. Имеет значение выделяемое в рамках теории «общества риска» смещение идеала общества от «идеала равенства» к «идеалу безопасности» как общему тренду социальных практик, нацеленных, прежде всего, на предотвращение угроз, а не на развитие.

Среди результатов теории «общества риска» представляют особый интерес идеи О.Н. Яницкого о формировании *«риск-солидарностей»* как среди производителей, так и среди «жертв риска», то есть форм солидарности граждан, объединяющихся для защиты. Чем сильнее формы *солидаризации производителей риска, тем сильнее солидарность жертв риска*, к которым в полной мере можно отнести в контексте проблематики данного исследования гражданскую активность родительского сообщества. В отношении изучения российского общества Яницкий предложил концепцию *общества всеобщего риска*, описав его характеристики, в частности, через особенности (проблемы) принимаемых управленческих решений и глобальное масштабирование зоны риска. Отмечается *«транспарентность ошибок»* управленцев, которая заключается в *аккумуляции управленческих рисков* вне зависимости от границ, в результате чего образуются *мета-поля рисков*, детерминирующие возникновение следующих рисков, напластовывающихся друг на друга¹⁰². Тезис о транспарентности и аккумуляции управленческих рисков на сегодняшний день можно рассматривать как *процесс концентрации дисфункций субъектов (институтов) управления*.

С.С. Хоружий в концепции синергичной антропологии указывал на то, что «современная эскалация рисков» и появление общества риска соответствует *«смене доминирующих антропоформаций»* под влиянием *«антропотрендов»* и *«подчиненности антропологии технологиям»*¹⁰³. Задачей управления

¹⁰¹ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. P. 45.

¹⁰² Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи// Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3–35.

¹⁰³ Хоружий С.С. Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2015. Т. 1. № 1. С. 131–157.

безопасностью, таким образом, видится установление *«примата антропологии над технологией»*¹⁰⁴. Это относится к источникам рисков вреда от информации.

Идея о конструировании рисков указывает на культурную подоплеку их идентификации (выявления, вычисления), которая всегда зависит от политического и культурного контекстов. Поэтому общественная рефлексия рисков заключается в ценностном консенсусе, единстве ценностей и связанных с этим критериев вреда. Осознание риска есть результат *«общего страха»*, к которому приводят *общие ценности*¹⁰⁵. Выявление и анализ социологической информации о ценностях, таким образом, имеет ключевое значение для определения признаков риска или, иначе говоря, оснований социокультурной рефлексии критериев вреда от информации через организацию публичного диалога по поводу «ценностей» и «страхов». Ответом на новые вызовы общества риска становится появление новых и изменение старых социальных институтов и субъектов.

Н. Луман подходит к трактовке риска через значение бедствия, а именно *порога бедствия*, обозначающего предел, до которого риск может осознаваться как риск, то есть как вероятность (бедствия). При этом расположение такого порога (зона видимости риска) зависит от положения вовлеченного субъекта, либо положения субъекта принятия решения (управленческого субъекта), либо положения объекта, исполняющего это решение¹⁰⁶ и претерпевающего последствия риска. Отсюда вывод: *угол зрения фиксирующего риск субъекта обусловлен степенью его вовлечённости в последствия риска* и, вероятно, по-разному идентифицируется субъектами управления.

Одной из важнейших категорий в этой связи Э. Гидденс считает доверие, которое, находясь *в равновесии с допустимым риском*, опосредует опыт

¹⁰⁴ Хоружий С.С. Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов // Человек.RU. Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ. 2010. № 6. С. 13–36.

¹⁰⁵ Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. P. 30.

¹⁰⁶ Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.

безопасности и характеризует природу социальных институтов¹⁰⁷. Именно доверие, полагает В.Н. Кузнецов, способствует поддержанию целостности системы посредством действия саморегуляции в процессе коммуникации между людьми, институтами, властью с целью достижения компромисса¹⁰⁸. Компромисс как результат доверия выражается и в достижении социального согласия по поводу рисков и угроз в отношении детей со стороны информационного пространства.

Риском, с точки зрения В.И. Зубкова, является целенаправленное поведение субъекта в условиях неопределенности результата этого поведения¹⁰⁹. Риск рефлексится в связи с прогнозом возможных потерь в результате *выбора*. Также выделяются факторы рискованного поведения, среди которых: степень институционализации поведения субъектов риска (юридизация поведения); степень свободы (широта спектра возможных вариантов поведения) субъектов риска (ответственность); наличие аналогов решений, т.е. прецедентов выбора (национальный и международный опыт поведения субъектов). При этом опасность не тождественна риску, поскольку характеризует не поведение, а среду, являясь её свойством. Таким образом, именно поведение выступает объектом воздействия, оказываемого с целью минимизации риска.

*Социальный риск отличается тем, что вытекает из действий множества субъектов, и (или) последствия риска претерпевает всё общество или его часть. Риск получения детьми ущерба здоровью и развитию в связи с потреблением информационной продукции является социальным риском, поскольку проявляется в действиях множества социальных субъектов и его последствия претерпевает всё общество. Зона риска есть совокупность факторов риска, имеющая тенденцию к расширению¹¹⁰. Тенденции информационного пространства, например *интенсификация и уплотнение информационных**

¹⁰⁷ Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A.Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age // Cambridge: Polity Press. 1991. P.109–143.

¹⁰⁸ Кузнецов В.Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе (Социологический аспект): дис. ...д-ра соц. Наук. Москва, 2002. 388 с.

¹⁰⁹ Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003. 230 с.

¹¹⁰ Там же

потоков, свидетельствуют о стремительном *расширении зоны риска* получения детьми вреда от информации.

Обязательным свойством рискового поведения является неопределенность наступления последствий, которая существует объективно и основывается на непредсказуемости самой реальности, однако сам риск субъективен, поскольку поведение субъекта опосредовано *отношением к рискованному поведению*. Это отношение проявляется в таких характеристиках как: 1) осознание риска (вероятности негативных последствий); 2) интерпретация риска; 3) готовность к риску; 4) оценка последствий и вероятности риска. Внешнее выражение рискового поведения проявляется в виде действия или бездействия.

В связи с этим под управлением безопасностью следует понимать управление рисками, в нашем случае *управление рисками от информации*, то есть *целенаправленное воздействие на факторы рискового поведения*. Однако имеет место неопределенность статуса субъекта риска, так как субъект управления риском может совпадать с субъектом риска, то есть лицом, ответственным за принятие рискового решения и совершающим выбор. Объектом же риска выступает признаваемое благо, которое может оказаться под угрозой, в контексте рассматриваемой проблемы и на основании законодательных положений – это здоровье и развитие детей.

С позиций рискологического подхода меры воздействия реализуются через: *выявление* возможного поведения субъектов принятия решений, которые могут привести к реализации опасности; *оценку вероятности* наступления негативных последствий; *оценку степени социальной* опасности этих последствий; выявление факторов риска; *ослабление* факторов риска. Имеет значение выделение *субъективных и объективных факторов риска*. Так, к объективным можно отнести средовые характеристики, например *глобальные модификации информационно-коммуникативных систем (технологизацию)*, к субъективным – *мотив рискового поведения*.

Используя позицию Н. Лумана относительно идентификации риска (определения порога бедствия), обусловленной степенью вовлеченности

субъекта в последствии риска, именно мотивация субъекта идентификации риска (субъекта управления) свидетельствует о степени его вовлеченности как о заинтересованности в минимизации вероятности негативных последствий. Поэтому предполагается, что глубинной причиной проблем, снижающих эффективность действующей системы информационной безопасности детей, являются недостатки мотивации представителей субъектов управления, они же являются собой и источники дисфункций социальных институтов.

Согласно рискологической концепции, управление информационной безопасностью осуществляется через *«действие социальных институтов, имеющих функции социальных механизмов по оптимизации рисков»*¹¹¹. Таким образом, возникает необходимость обратиться к анализу институционального подхода. Использование *институционального подхода* для изучения предмета исследования, опосредовано пониманием сущности угроз и рисков, связанных с рисковым поведением *выбирающего субъекта*. Институциональный подход к обеспечению безопасности непосредственно обуславливается представлением о механизме *«оптимизации риска»* причинения вреда от информации, реализующимся определенными социальными институтами как их основная функция. Поскольку лишь некоторые институты имеют в качестве основной такую функцию, то они и признаются субъектами управления информационной безопасностью детей, а их практика может выступать предметом эмпирического анализа. Это институт государственного регулирования информационной сферы или институт *юридической ответственности*, институт общественного контроля или *институт гражданской активности*, *институт экспертизы* и важнейший из институтов социализации детей – *институт семьи*.

Методологическая ценность институциональной парадигмы для целей нашего исследования заключается в возможности выявления *ресурсов* по упорядочиванию общественных отношений и удовлетворению определённой социальной потребности в том числе через *«институциональные ограничения»* социального действия, формальные и неформальные правила, а также ресурсов

¹¹¹ Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003. 230 с.

по организации устойчивости структуры социальных действий, основанной на норме и моделях поведения, когда «норме придается форма закона, чтобы субъекту управления получить возможность использовать власть»¹¹².

Выделяемые исследователями *функции социальных институтов ложатся в основу классификации институтов и анализа их возможных дисфункций как предпосылок институциональных рисков и институциональных ресурсов применительно к управлению информационной безопасностью детей. Институциональные (управленческие) риски в контексте управления информационной безопасностью детей существуют на разных уровнях принятия решений – на уровне доктринального и концептуального обоснования информационной безопасности, на уровне производства и распространения информации, на уровне организации доступа к информации, а также на уровне потребления информации (качестве контента и режима потребления).*

Функции управления и контроля, реализуемые через систему норм и санкций, выделяют среди всего разнообразия социальных институтов те, которые обладают инструментами «оптимизации рисков» причинения информацией вреда здоровью и развитию детей. На периферии исследовательского внимания остаются те социальные институты, которые хотя и оказывают влияние на состояние опасности информационной среды и рисковое поведение «выбирающего лица», но не фокусируются на процессе обеспечения состояния защищённости от угроз. Именно регулирующие институты входят в поле анализа как субъекты управления информационной безопасностью детей.

Нарушение, влекущее неэффективность удовлетворения социальным институтом социальной потребности, искажение значения функции и её девальвация на фоне изменившихся социальных реалий называют дисфункцией. Дисфункция социального института, представляющего собой субъект управления информационной безопасностью детей, является источником особых рисков – управленческих. Дисфункция ведет к изменению самого

¹¹² Кох И.А. Институциональная парадигма как методология социальных исследований // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. [XI Международная конференция, Екатеринбург, 19–20 марта 2008 г.] : в 5 частях. Екатеринбург, 2008. Ч. 1. С. 19–21.

социального института или появлению нового института, эффективно удовлетворяющего потребность. Принимается во внимание и деление социальных институтов на формальные и неформальные в зависимости от степени формализации социальных отношений, которые ими воспроизводятся и регулируются.

Поскольку объектом угроз выступает здоровье и развитие детей, действия данных (имеющих функции оптимизации рисков, контроля и регулирования) институтов имеют особенности, которые раскрываются в характеристиках социальной защиты детей. Реализация социальной безопасности в общем смысле трактуется как состояние защищенности жизненно важных интересов. Поэтому совокупность мер по обеспечению защищенности специфических интересов – интересов детства – являет собою систему социальной защиты детей, то есть прикладное содержание обеспечения безопасности. Это комплекс социальных институтов, организаций и практик, обеспечивающих сохранение и развитие детства, поддержание безопасной социальной среды на макро-, мезо- и микросоциальном уровне¹¹³.

Подход к социальной защите как к системе предполагает выделение и анализ таких её структур, как: институты социализации, правовые нормы, механизмы осуществления защиты, социальные отношения, ресурсы, субъекты и объекты. В.Н. Ковалев предлагает определять социальную защиту населения как целостную систему охранительных мер, конкретных действий органов государственной власти и общественности, реально гарантирующих социальную безопасность населения во всей совокупности параметров.

В соответствии с данными подходами социальная защита детей может рассматриваться как деятельность по предоставлению социальных гарантий детям, то есть слаборесурсной социальной группе, и по обеспечению различных охранительных мер.

¹¹³ Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2007. 44 с.

Формируется представление об объекте защиты – том, на кого направлено действие, о субъекте защиты – том, кто действует, о цели защиты – результате деятельности, о методе защиты – комплексе специфических технологий, приемов, способов достижения результата. В случае социальной защиты детства эти элементы трактуются так: объект защиты – дети (несовершеннолетние лица от 0 до 18 лет); субъект – социальные институты. Результатом достижения цели социальной защиты детей является состояние защищенности от угроз, собственно безопасность, а также, более широко, благополучие. Методами социальной защиты детей, таким образом, считаются различные технологии воздействия на источники рисков. Поскольку целью социальной защиты детства выступает *повышение «качества детства»*, благополучия, включающего физическое и психическое здоровье, интеллектуальный и нравственный потенциал, то создание безопасного пространства базируется на образе детства, принятом *агентами обеспечения социальной защищенности* в данном обществе. В качестве таких агентов можно принять и системообразующие институты социальной защиты (институт юридической ответственности), гражданскую активность, семью (родителей), а также вспомогательный институт по оценке и диагностике рисков – институт экспертизы.

Социальная защита также представляется неким «доступным фондом социальных ресурсов», предназначенных для использования «при наступлении травмирующей ситуации» для её нейтрализации. Таким образом, для анализа управленческого потенциала, необходимого для «оптимизации рисков» вреда от информации требуется обращение к *ресурсному подходу*.

Поскольку информационная безопасность детей есть стабильное состояние их защищенности от информации, оказывающей негативное влияние на психические структуры, а также состояние, способствующее наиболее полному удовлетворению потребности детей в развитии, то обеспечение этой защищенности предлагается рассматривать как *организацию «барьеров» на пути угроз* через задействование *институциональных ресурсов, способных «оказать*

*сопротивление рискам»*¹¹⁴. Институциональные ресурсы включают нормы, кадры, технологии, финансы, инновационный потенциал, научно-исследовательскую базу, организационное разнообразие. Семейные ресурсы, или ресурсы семьи как института, представлены в виде ежедневных практик, типичных действий родителей и других родственников по созданию поддерживающего окружения для ребенка, формированию у него навыков самосохранительного поведения, а также по осуществлению контроля за соблюдением норм безопасного поведения.

«Сопротивление рискам от информации» обуславливает применение особых «барьеров» и специфических ресурсов. Особенность этих «барьеров» и «ресурсов» заключается в особенности самой природы информации и, соответственно, вреда. Поскольку *сущность информации является двусоставной*: как сигнал и как смысл (контент), то и вред от информации носит *сигнальную и контентную природу*. Риски сигнального вреда, как будет показано ниже, связаны с объемом и концентрацией потребляемой информации, с режимом потребления и названы нами форматными рисками. Риски, связанные со смысловым содержанием информации, являются собой контентные риски.

Контентные риски связываются с таким содержанием информации, которое демонстрирует (описывает, изображает) девиации. Информационная нестабильность современного общества, как отмечает Т.В. Владимирова, свободная демонстрация «вариативности» поведения¹¹⁵, в том числе девиантного, создает угрозу устойчивости социального порядка. В этом смысле социальный порядок представляется системой социальных ограничений, включая ограничение доступности информационной продукции, содержащей «девиантный контент». Используя выражение Т. Парсонса, социокультурная динамика современного общества в направлении усиления девиантности как признака аномии влечет «уязвимости для самодостаточности общества»¹¹⁶. Рост

¹¹⁴ Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: [тематический словарь-справочник] [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: Изд-во РОС, 2018. 638 с.

¹¹⁵ Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис.... д-ра социол. наук. Красноярск, 2016. 300 с.

¹¹⁶ Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951. 575 p.

патологий в информационном пространстве ведет к появлению так называемой «нормальной аномии», которая С.А. Кравченко понимается как «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека»¹¹⁷. Специфика современного медиапространства, отмечает Зигмунт Бауман, заключается в явлении «адиафоризации», «моральной слепоты»¹¹⁸.

Изучение девиантного поведения предпринимается в психологии в разрезе патологий поведенческого процесса и схемы «стимул-реакция» (« $S \rightarrow R$ ») с учетом *стадии становления когнитивных функций (возраст)*, влияющей на личностную интерпретацию ситуации. Последнее может зависеть от степени согласованности убеждений и поступков, от наличия и степени так называемого когнитивного диссонанса (Леон Фестингер). Интерпретация собственного отклоняющегося поведения происходит в зависимости от сформированности и значимости личностных убеждений и поэтому предполагает три варианта: изменение поведения, оправдание поведения, изменение убеждения¹¹⁹. Стоит ли говорить, что у детей нет нужды в согласовании поведения с убеждениями в силу становления их характера. Следовательно, девиантное поведение не интерпретируется детьми как таковое, а является нормой, особенно если эта норма принадлежит релевантной группе, включая виртуальную группу (виртуальной социальной сети). Этот вывод имеет отношение к рисковому поведению самого ребенка в процессе сетевого коммуницирования, создания и распространения вредоносного контента, в том числе демонстрирующего девиантное поведение, иначе говоря, девиантного контента. Создание и распространение девиантного контента не расценивается ребёнком как таковое и не вызывает когнитивного диссонанса. Иными словами, распространение девиаций среди детей не встречает препятствий в виде личных убеждений.

¹¹⁷ Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С.3–10.

¹¹⁸ Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. P.218.

¹¹⁹ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М.: Э, 2018. 251 с.

Исследователями отмечается, что научение девиантным моделям поведения происходит в результате закрепляющих такие модели стимулов поощрения и наказания, то есть социального одобрения или отторжения референтной группой¹²⁰. Уже с середины XX века исследователи отмечают феномен социального давления на личные убеждения, который заключается в доверии мнению группы в ущерб собственному мнению и в соответствующем изменении собственного мнения (Соломон Аш). Это же касается и девиантного поведения в результате так называемого деструктивного подражания в ситуации неопределённости и сходства. Склонность людей подражать тем, с кем у них наблюдаются общие характеристики, отмечается в действии феномена Вертера, который усугубляется в детской группе в связи с постоянным действием ситуации неопределенности, включая личностную. Стремление подражать похожему персонажу (даже виртуальному) выражается как явно, так и скрыто. Повторение девиантного поведения авторитетного лица или группы является результатом действия так называемого эффекта заражения в рамках социального агрегата. Быстрое распространение девиации обеспечивается снятием дискомфорта личной ответственности через групповую поддержку, например поддержку виртуальной социальной группой, доступную в любое время и в любом месте.

Среди особенностей распространения девиации в детской группе можно назвать *слабость действия ролевых ожиданий*, формирующих реализацию ролевых норм поведения, как и *слабость социальной компетентности, способностей по интерпретации ролевых ожиданий и способностей к расшифровке социального контекста в связи с недостаточностью культурного опыта*. Функция контроля за выполнением «фоновых ожиданий», социально одобряемых установок, мотивирующая поведение¹²¹, ложится на *агентов социального контроля – индивидуальные субъекты и институты*. Среди таких агентов выделяются те, которые создают нормы, и те, которые их поддерживают.

¹²⁰ Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 318 с.

¹²¹ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

Все агенты бывают формальными и неформальными. Первые действуют в рамках нормативно-правовой системы общества и более других институционализированы, вторые – в соответствии со своей природой вне зависимости от законодательного закрепления их функций. Институциональные формы агентов социального контроля предполагают устойчивость, упорядоченность и организованность структуры и взаимоотношений, а также статусность субъектов, являющихся их представителями, то есть инструктивность действий (действуют не личности, а должности). Поэтому следует *отличать и мотивы поведения агентов социального контроля*. Например, мотив поведения представителя правоохранительных органов чаще всего основывается на должностной инструкции, а мотив члена семьи – на личном убеждении в необходимости заботиться о ребенке.

Формулируется проблема предела способности общества терпеть девиантность, нормативизации отклоняющегося поведения и появления «нормальной аномии»¹²². Процесс социализации понимается исследователями важнейшим при формировании девиаций, поскольку определяет возможность усвоения особых девиантных ценностей в результате социальной коммуникации и «традиционности» девиантных образцов поведения, которые бывают более распространены, чем нормальные в группе социализации. При этом, как подчеркивают Р. Берджес и Р. Эйкертс, девиантное поведение усиливается в ответ на его более сильное социальное одобрение (вознаграждение) по сравнению с нормальным. Закон дифференциального усиления действует как катализатор, *когда удовлетворение больше, сильнее и вероятнее при девиантном поведении, чем при нормальном*¹²³.

Социологический интерес к онтологии поведения в информационном пространстве проявляется в анализе природы нормы как продукта социального взаимодействия. Конвенциональная сущность нормы происходит из базовых социальных ожиданий. Принципиально здесь то, отмечает Т.А. Хагуров, что эти

¹²² Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

¹²³ Akers R., Burgess R., Weldon J. Opiate Use, Addiction, and Relapse // Social Problems. 1968. N 15.P.459–469.

ожидания требуют их демонстрации индивидами как устойчивых закономерностей, как условия взаимопонимания и доверия¹²⁴. Поэтому публичный интерес в сохранении нормы заключается в повторяемости и демонстрации нормативного поведения. Иными словами, личностные качества и *демонстрация доброкачественной альтернативы индивидуального девиантного поведения приобретает публичное значение*. Интегральная девиантологическая теория Т.А. Хагурова описывает значение доброкачественного поведения в поддержании социального порядка через его исключительную способность поддерживать социальные практики. При достижении девиациями критической массы социальные практики деградируют. Реальность девиации состоит в паразитировании на субъектах доброкачественного поведения. При этом такое поведение не являет собой лишь противоположность или базу для девиации, но имеет свою субстанциональную сущность как универсальная этическая структура, чья универсальность выражается в закономерностях кооперированной социальной деятельности¹²⁵. Поэтому, отмечает Т.А. Хагуров, понимание девиации лишь через наступление вредных последствий является сугубо утилитарным и «исключает из морального дискурса» одну из трёх составляющих – «предназначение, цель, моральные предписания, позволяющие человеку облагородиться», оставляя только два элемента – природу человека и возможности, обеспечивающие его потребности.

Девиация сама по себе является объектом научных изысканий. Понятие девиации, например, рассматривается Н. Луманом в теории эволюции как условие эволюции социальной коммуникации, когда рост информации («рост частоты информационных импульсов») ведёт к состоянию постоянной рестабиллизации общества. В этой тенденции также усматривается усиление колонизации «частного» «общественным»¹²⁶, рост частного интереса в обществе. В контексте предмета нашего исследования это может означать укрепление

¹²⁴ Хагуров Т. А. Девиантология — социология и психология зла: монография М.: ИНФРА-М, 2023. 412 с.

¹²⁵ Там же

¹²⁶ Бауман З. Текучая современность. М.: Питер, 2008. 238 с.

условий реализации частного права на девиацию в информационном пространстве в ущерб публичному интересу в норме и в социальном порядке.

Итак, *управление контентными рисками* означает влияние на качество и доступность содержания информации.

Сигнальные риски от информации, названные нами *форматными*, представляют собой вероятность вреда, связанного с объемом и концентрацией потребляемых информационных сигналов. Форматный вред соотносится с режимом (форматом) и морфологическими параметрами информационного поведения, зачастую имеющими количественные характеристики, и основывается на представлении о существовании пределов безопасной эксплуатации каналов восприятия, превышение которых, например по скорости или семантической концентрации, влечет негативные психологические состояния.

Представление о форматных рисках в отношении здоровья и развития детей основывается на подходах к пониманию экологических факторов информационной среды, стандартов и правил, нацеленных на превенцию негативных последствий взаимодействия с ней. Это такие аспекты взаимодействия, которые касаются продолжительности, осознанности и контролируемости субъектом потребления медиасигнала – субъектная сторона, а также обстоятельства появления форматных рисков, характеризующих объективную сторону взаимодействия – средовые риски.

Данные рискогенные явления, как отмечают исследователи, возникают в связи с эскалацией «цифровой культуры», травматичной сменой медиа¹²⁷. Среди этих явлений значится феномен информационной перегрузки («информационное обжорство» (infobesity)), навязчивое стремление к информационному стимулированию, «инфоксикация» (infoxication) и «инфорсатурация» (infosaturación), феномен цифрового погружения¹²⁸, сокращение объема

¹²⁷ Гир Ч. Цифровая контркультура // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 5–71.

¹²⁸ Levinson P. Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium. New York: Routledge, 1999. 226 p.

внимания¹²⁹. «Сверхстимулирующая среда», как полагают исследователи, влечет пассивность пользователей, *«оплачивающих» информацию своим временем и вниманием.*

Латентность эффектов медиа, полная интеграция медиа в повседневную жизнь делают влияние *медиа сигнала* неосознаваемым для человека подобно тому, как рыба не замечает воду¹³⁰. Увеличение избыточности наблюдается как в отношении контента, так и в отношении связей, поддерживаемых отношений. Беспрецедентный поток данных¹³¹, «информационный смог»¹³², девальвация сведений¹³³ совместно с алгоритмическим замыканием круга предложения сведений, априорной заданностью контента и связей, поднимают проблему ограничения потока информации. Временной интервал между моментом производства информационного стимула и фильтром увеличивается, а между производством и потреблением – сокращается до предела.

Необходимые для потребления информации ресурсы времени и внимания (когнитивные ресурсы) указывают на два аспекта ограничений воспринимающего субъекта, в первом случае – время бодрствования, а во втором – физиологические когнитивные пределы. Поэтому основными факторами информационной перегрузки являются: 1) большой объем данных, поставляемых за малый промежуток времени; 2) превышение семантической сложности сообщения. Информационная перегрузка является результатом нарушения пользования технологиями или сбоя фильтров, вследствие которого стираются границы истинного и ложного, человек утрачивает уверенность, появляется «культурный ВИЧ»¹³⁴. Информационная перегрузка – это превышение физиологических и социальных возможностей человека по

¹²⁹ Davenport T., Beck J. The Attention Economy: Understanding the new currency of business. Massachusetts: Harvard Business School, 2001. 272 p.; Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. New York: Penguin Press, 2010. 242 p.

¹³⁰ McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge; London: MIT Press, 1994. 355 p.

¹³¹ Levitin D.J. The Organized Mind: Thinking Straight in the Age of Information Overload. New York, N.Y.: Dutton, 2014. 496 p.

¹³² Shenk D. Data smog: Surviving the information glut. 1998. 250 p.

¹³³ Shapiro C., Varian H.R. Information Rules: A Strategic Guide to The Network Economy. Boston, Massachusetts: Harvard Business School Press, 1999. 352 p.

¹³⁴ Postman Neil. Technopoly: the Surrender of Culture to Technology. 1992. 339 p.

восприятию информации, «обострение противоречия между обществом, производящим информацию, и человеком, вынужденным потреблять информацию в избыточном количестве, в количестве, которое он не может воспринять и осознать в связи с ограниченными возможностями»¹³⁵. Следствием информационных перегрузок являются различные информационно-зависимые заболевания. Появляются исследования, направленные на анализ таких последствий в отношении наиболее уязвимой социальной группы – детей¹³⁶. Профилактика отрицательного влияния на здоровье и благополучие человека требует стандартизации и нормирования *функционирования физических величин, поддающихся измерению*. Такими величинами являются действие и параметры информационного сигнала.

Поскольку реальное потребление информации стало значительно расходиться с запланированным и доступным для переработки, начали осознаваться проблемы не востребоваемости большей части информации, загрязняющей среду, и актуализироваться вопросы нового типа загрязнения – информационного, в том числе системы необходимых защитных мер – информационной экологии.

Попыткой концептуализации данной проблемы в гуманитарных науках явилась предложенная зарубежными учеными в середине двадцатого века область исследований – медиаэкология. Системный анализ явлений, формирующих новую для того времени «символьную» среду обитания человека, и признание необходимости адаптации к ней обозначило объект медиаэкологии. Терминологическая основа медиаэкологии связана с работами Маршалла Маклюэна и Нила Постмана, которые впервые применили подход, опирающийся на синергичность экологии, её интегрирующую силу для описания влияния символических систем на социальную организацию и процессы. Н. Постман утверждал, что дефинитивность «экологии» использована с целью описания

¹³⁵ Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.

¹³⁶ Гудинова Ж.В., Гегечкори И.В., Толькова Е.И., Жернакова Г.Н., Овчинникова Е.Л. К вопросу разработки основ информационной гигиены // Научное обозрение. Медицинские науки. 2015. № 1. С. 143.; Денисов Э.И., Еремин А.Л., Сивочалова О.В., Курьеров Н.Н. Информационная гигиена и регулирование информации для уязвимых групп населения // Гигиена и санитария. 2014. № 5. С. 43–49.

необходимости оказания помощи культуре в поддержке символического баланса через понимание медиа как субстанции культуры, «технологии, внутри которой растет культура». Медиа как технология формирует культуру (задает форму)¹³⁷. Понимание нами медиа основывается на процессном подходе Д.В. Петренко. Медиа есть «множество процессов производства, фиксации, сохранения, ретрансляции и воспроизводства образов и знаков, актуализированных и поддерживаемых при помощи техники»¹³⁸.

Используя научные разработки, можно описать концепцию особого вида рисков, связанных с *нецелевым потреблением информационного сигнала, «актуализированного и поддерживаемого при помощи техники» – медиашума*. В случаях, когда шум происходит от действия средств массового коммуницирования и не является, при этом природным и техногенным, такой шум можно назвать медиашумом¹³⁹. В отличие от информационного шума медиашум предполагает определенность источника и (или) определенность автора. Отдельными исследователями отмечается, что медиашум проистекает в рамках определённого медиаканала, который всегда может быть установлен¹⁴⁰. С точки зрения коммуникативной лингвистики медиашум рассматривается в виде получения нежелательной, закодированной информации посредством медиаканала, воздействие которого обладает «временной протяженностью, оказывая влияние на психику индивида и группы людей, независимо от того, осознается этот процесс или нет», это «информация, не обладающая пользой и ценностью для индивида в данный момент времени, иррелевантные (неполезные) помехи для основной деятельности»¹⁴¹. Согласно этой позиции к медиашуму относятся сигналы *любых источников массового информирования, в том числе и реклама*. Используя выражение Маклюэна о «расширяющем» человека эффекте взаимодействия с медиа, медиашум представляется фактором

¹³⁷ Postman N. The Humanism of Media Ecology// Proceedings of the Media Ecology Association. 2000. №.1, P.10–16.

¹³⁸ Петренко Д.В. Философия медиа: от имени к концепту // Философия и социальные науки. 2015. № 2. С.10–14.

¹³⁹ Polianina A.K., Andreeva Y.V. Stressogenicity of Media Noise in the Conditions of Background Media Consumption// International Journal of Criminology and Sociology. 2021. № 9. P. 1740–1745.

¹⁴⁰ Кобрин Н.В. Понятие медиашума в коммуникативно-социальном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). С. 86–88.

¹⁴¹ Там же

принуждения индивида к *искусственному «расширению» органов рецепции, выходу за их физиологические пределы.*

Предлагаемое нами понимание медиашума сосредоточено на проблеме пороговой эксплуатации *органов восприятия и их гиперстимуляции*, а также на *принуждающем характере* аудиального сигнала и соответствующих социальных эффектов. Так, гиперстимуляция органов рецепции связывается с такой особенностью медиашума, как плотность и концентрированность потоков медиасигналов, а также с уровнем и силой звука; принуждающая природа медиашума – с *неподконтрольностью* работы источника сигнала (экрана, проигрывателя и т.п.) воспринимающему субъекту. Эта последняя характеристика медиашума актуализируется при особом формате медиапотребления – фоновом, когда работа медиа выступает в качестве заднего плана, фона для другой деятельности, когда восприятие семантически насыщенного (в том числе эмоциогенного) информационного сигнала не является целевым и часто не осознаваемо. При этом управление источником (устройством), транслирующим сигнал, или находится вне зоны контроля субъекта, или не воспринимается им как значимый, поскольку сигнал признается не требующим осознанности и «включённости».

Медиашум определяется нами как *фактор среды, при котором сигналы различных медиаисточников поступают в фоновом режиме, неподконтрольном воспринимающему субъекту, принуждая его сенсорные системы к реакции и к взаимодействию с медиаисточником, автоматически мобилизуя энергетические системы организма, чем способствуют развитию информационного (эмоционального) стресса.*

Медиашум соотносится с информационным стрессом как причина и следствие¹⁴². Медиашум не обязательно вызывает, но может вызвать информационную перегрузку и стресс. Вероятность негативных последствий зависит от объективных и субъективных факторов, совокупность которых мы

¹⁴² Полянина А.К. Феномен медиашума: рискогенность фонового медиапотребления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 215–223.

называем параметрами медиазашумленности. *Медиазашумленность* есть насыщенность жизненного пространства человека медиашумом и определяется посредством вычисления частоты и продолжительности пребывания в ситуациях фоновой работы медиасигнала, возможностью субъекта по установлению контроля над источником трансляции сигнала, а также характеристиками ситуации вынужденности фонового медиапотребления.

Поскольку риски фонового медиапотребления соотносятся с пределом пропускной способности когнитивных систем, когнитивной обработки медиасигнала, проблема медиашума особо актуальна для социальной группы состоящимися психическими и когнитивными процессами – детей. При этом именно дети наиболее сильно ощущают на себе *принуждающий характер медиашума в связи с невозможностью контролировать его источник*, влиять на ситуацию фонового прослушивания (например, не могут выключить радио, которое слушают родители). Это связано с особенностями слухового анализатора, который, подобно зрительному, ориентирует субъекта, но в отличие от него не способен к четкому фокусированию органов рецепции, (можно не смотреть, но не слушать нельзя).

Управление форматными (сигнальными) рисками предполагает нормирование режима потребления информации по временным и пространственным характеристикам.

Выделение двух типов рисков – контентных и форматных – открывает возможность на основе рискологического, институционального и ресурсного подходов подойти к комплексному видению управления рисками.

Итак, методологическими принципами построения теоретической концепции управления информационной безопасностью детей являются:

1. В рамках рискологического подхода – *принцип учета поведенческой основы источника угроз информационной безопасности детей, факторности и альтернативности рискового поведения, вероятности и ситуационности угроз*. Данный принцип указывает на рисковое поведение как на объект

управленческих воздействий, опосредованный соответствующими факторами, которыми признаются мотив и условия выбора альтернатив в определенной ситуации. Ситуационность возможной угрозы связана с выделением ситуаций риска, характеризующих состояние объекта риска по отношению к угрозам разного типа. Природа *информационных угроз* в отношении объекта риска – здоровья и развития детей – определяет *принцип двусоставности вреда от информации, указывающий на два типа рисков: контентные и форматные*¹⁴³. Через положения социализационного и эколого-медицинского подходов к здоровью и развитию детей (объекту вреда) описывается содержание этих типов рисков. Контентные риски определяются через распространение девиаций, а форматные – через вынужденное и нецелевое потребление информационного сигнала (в формате фона). Вероятность вреда обусловлена *принципом психофизиологических универсалий развития, дифференцирующих меры безопасности в соответствии с возрастной периодизацией физиологического развития*.

Используемый понятийный аппарат составляют:

Субъект рискового поведения – лицо, принимающее решение, влекущее (повышающее) вероятность причинения вреда здоровью и развитию детей.

Мотив рискового поведения – побуждение и стимул «актуации»¹⁴⁴ рискового поведения.

Условие реализации мотива рискового поведения – ситуация соответствия внешних обстоятельств возможностям реализации мотива.

Управленческое воздействие – меры, направленные на идентификацию риска и субъекта рискового поведения, выявление и оценку вероятности риска, ослабление факторов рискового поведения – мотива или/и условия.

Субъект управления (субъект идентификации риска) – социальный институт, имеющий «функцию по оптимизации рисков».

¹⁴³ Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей как системой социальных взаимодействий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 62–67.

¹⁴⁴ Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М : ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Мотив управленческого воздействия – заинтересованность субъекта управления в минимизации вероятности негативных последствий риска, которая зависит от вовлеченности субъекта принятия управленческого решения и определяет возможность фиксации риска данным субъектом.

2. В рамках институционального подхода – *принцип соответствия доминирующих функций субъектов управления задачам защиты детей от информации как частного случая социальной защиты детей, реализуемой социальными институтами, имеющими «функции социальных механизмов по оптимизации рисков».*

Используемый понятийный аппарат составляют:

Функции социальных институтов (субъектов управления) – задачи минимизации рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию детей через имеющиеся средства и механизмы управления и контроля.

Дисфункции социальных институтов (субъектов управления) – нарушения или девальвация функций института, влекущие неэффективность управленческого воздействия и являющиеся предпосылкой управленческих рисков на разных уровнях принятия управленческого решения: уровне доктринального и концептуального обоснования информационной безопасности детей, уровне производства и распространения информации, уровне организации доступа к информации и режима её потребления.

3. В рамках ресурсного подхода – *принцип обусловленности эффективности управленческого воздействия ресурсностью социального института как субъекта управления информационной безопасностью детей.*

Используемый понятийный аппарат составляют:

Ресурс субъекта управления – управленческий потенциал, включающий комплекс полномочий и компетенций, позволяющих субъекту реализовать управленческое воздействие в отношении риска причинения информацией вреда, включая возможности контроля, реализуемые через систему санкций и норм, ценностей, кадры, технологии, финансы, инновационный потенциал, научно-исследовательскую базу, организационную устойчивость.

Ресурсность субъекта управления – степень, объем управленческого потенциала по организации «барьеров» на пути угроз через задействование институциональных ресурсов, способных «оказать сопротивление рискам».

Ресурсоемкость риска – объем требуемых для идентификации и минимизации конкретного риска ресурсов.

Таким образом, *управление информационной безопасностью детей* есть деятельность социальных институтов, обладающих функцией минимизации рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию детей как частного случая обеспечения социальной защищённости детей через приложение институциональных ресурсов в отношении факторов рискованного поведения, направленная на снижение вероятности вреда от контента информации и формата её потребления.

Итак, теоретические подходы к управлению информационной безопасностью детей и её место в системе социологического знания состоят из нескольких взаимосвязанных отраслевых блоков, опосредующих проблематику и предметное поле исследования. Интеграция рискологического, институционального и ресурсного подходов является методологической основой исследования и указывает на необходимость рассмотрения проблемы расширения зоны рисков (зоны управленческого воздействия), опосредованной развитием информационно-коммуникационных технологий и представляющей собою динамическую часть системы управления.

1.3. Технологическая детерминация рисков от информации

Расширение зоны рисков сопровождается увеличением возможностей информационного и медийного пространства современных детей. Эти возможности обеспечены технологическим прогрессом в области информационных коммуникаций. Резкая технологизация рисков как в отношении распространения девиаций, так и интенсификации потребления информационного сигнала означает технологическую детерминацию динамики

зоны рисков и, соответственно, процессов управления информационной безопасностью детей, что требует отдельного анализа.

Модернизация общества в результате действия информационной стихии порождает новые конфигурации социума и новые потребности в безопасности. Риски, исходящие от инфосферы в отношении условий благополучия детей, требуют исследования природы рисков и природы значимых в контексте безопасности детей явлений: информации, информационной продукции, информационной гигиены, медиа, медиапродукции, медиабезопасности, а также влияния технологии на изменение этих явлений. Ситуация гиперинформационного общества, роста разнообразия технологии носителей информационных сигналов, используемых, в частности, для предотвращения эпидемиологических угроз, определяет необходимость нормирования информационных нагрузок на детей¹⁴⁵ и скоростей и концентрации информационного потока. Гиперболическое увеличение коммуникационных каналов и технических средств, обеспечивающих их, меняет информационное поведение социальных групп и в целом выступает ведущим фактором цивилизационных изменений¹⁴⁶.

Канал движения информационного потока описывается в научной литературе через значение понятия «медиа», до настоящего времени не имеющего однозначной трактовки. Медиа исследуется с точки зрения влияния массовых коммуникаций на массовое сознание, определяющего культурно-исторический тип общества, возникновение сетевого общества с особой мозаичной структурой и преобладанием горизонтальных связей, децентрализацией традиционных СМИ и их конвергенцией¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Большаков А.М., Крутько В.Н., Кутепов Е.Н., Мамиконова О.А., Потемкина Н.С., Розенблит С.И., Чанков С.В. Информационные нагрузки как новый актуальный раздел гигиены детей и подростков // Гигиена и санитария. 2016. № 95 (2). С. 172–177; Кучма В.Р., Сухарева Л.М., Храмцов П.И. Медико-профилактические основы безопасной жизнедеятельности детей в гиперинформационном обществе // Российский педиатрический журнал. 2017. № 20 (3). С.161–165; Ткачук Е.А., Тармаева И.Ю. Нервно-психическое развитие детей дошкольного возраста в условиях информатизации // Гигиена и санитария. 2014. № 6. С. 23–26.

¹⁴⁶ Polianina A.K., Grudzinsky A.O. Media Communication Management: A New Trajectory // Atlantis Press (France). Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. V. 114. P. 481– 482.

¹⁴⁷ McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge; London: MIT Press, 1994. 355 p.; Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. Новые медиа: эволюция понятия // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 222–225.

Медиальный поворот культуры, отмечаемый современной философской мыслью, указывает на становление медиа как «универсальной формы опосредования» всего, не просто канала передачи контента, а репрезентацией новой реальности¹⁴⁸, не только «перемещением некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата», но «переводом текста с языка моего “Я” на язык твоего “Ты”»¹⁴⁹. Самостоятельное значение медиасфера приобретает благодаря осмыслению соединения человека с техникой коммуникации. Особенно это заметно в образе, господство которого в визуальном пространстве современного человека становится очевидным¹⁵⁰. Через *«гипертрофированную эксплуатацию двух каналов восприятия – аудио и видео»* реализуется, как отмечает В.В. Савчук, *новая форма насилия*.

Социологическая интерпретация медиа сосредоточена вокруг анализа коммуникации и её средств и рассматривается в рамках социологии массовых коммуникаций. Социальная обусловленность и социальные последствия медиакоммуникаций, аудитория и структура медиа как института, средства его функционирования¹⁵¹ входят в предметное поле социологической проблематизации природы медиа. Медиасоциология возводит медиа до уровня социально-культурного феномена, то есть «явления, охватывающего весь комплекс коммуникационных технологий», «оказывающего сущностное влияние на саму коммуникацию и общество, в котором эта коммуникация совершается»¹⁵². Анализ рисков, связанных с формированием *нового культурно-технического пространства*, выступает составной частью прогностической

¹⁴⁸ Савчук В.В. Медиафилософия: приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 348 с.

¹⁴⁹ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство. 1998. 704 с.

¹⁵⁰ Савчук В.В. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия // Медиа философия. 2009. № 2. С. 226–241; Mitchell, W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. University of Chicago Press, 1994. P. 462

¹⁵¹ Филатова О.Г. Социология массовой коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 040201 Социология. М.: Гардарики, 2006. 303 с.

¹⁵² Коломиец В.П. Медиасоциология: теория и практика. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.

функции, проявляющейся в возможности описать «прогноз развития общества как целостной коммуникативной системы»¹⁵³.

Трансформация социальных институтов, процессов и систем под влиянием развития технологий медиа и логики медиа, конкурирующей с прежними принципами их функционирования, представляет собой особый тренд – медиатизацию жизни¹⁵⁴. *Медиатизация происходит через внедрение технологий в домохозяйства и межличностную коммуникацию, технологий, «преодолевающих границы пространства и времени», воплощенных в интерактивной коммуникации как отрицающей централизованную*¹⁵⁵. Медиатизация порождает новый тип восприятия, конструирует фокус зрения и определяет характеристики рецепции, то есть создает условия новой социальной среды – медиареальности¹⁵⁶.

Информация и медиа немыслимы одно без другого; невозможна действительность информации вне канализации от источника к потребителю. Конструируемая индивидом медиасреда является составной частью глобальной медиасферы, которая, подобно кровеносной системе, охватывает весь общественный организм, интегрируется и самоорганизуется. В этом широком смысле даже индивид, пропуская через себя информацию и преобразуя её, становится медиа. Непрерывное расширение медиасферы, экспансия логики медиа в структуры социальной жизни есть следствие *«нового масштаба, привносимого каждой новой технологией»*¹⁵⁷.

Узкое понимание медиа обосновывает критику концептуальных оснований для философской феноменализации медиа как метафоры. Отсекая метафоричность медиа как посредника, сторонники этого подхода призывают вернуться к его изначальному техническому значению как *«множеству процессов производства, фиксации, сохранения, ретрансляции и*

¹⁵³ Гостенина В.И. Социология массовой коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. М.: ИНФРА-М, 2013. 335 с.

¹⁵⁴ Cloudry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // New Media & Society. 2008. № 10 (3). P. 373–391

¹⁵⁵ Коломиец В. П. Медиа социология: теория и практика. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.

¹⁵⁶ Савчук В.В. Медиа внутри нас // Медиа философия. 2012. №8. С.25–44.

¹⁵⁷ McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge; London: MIT Press, 1994. 355 p.

воспроизводства образов и знаков, актуализированных и поддерживаемых при помощи техники»¹⁵⁸. Пониманию медиа как детерминанта социокультурных процессов, «мутагена» цивилизации соответствует представление об угрозах, обусловленных высоким суггестивным потенциалом уплотняющихся коммуникаций, выразившемся в появлении в публицистической литературе термина «медиабезопасность».

Осмысление влияния медиатизации на изменение условий для управления информационной безопасностью детей возможно через *теорию технологического детерминизма*. Понимание технологического фактора в качестве коренной и эндогенной причины прогресса социальной системы выражает сущность теории технологического детерминизма. Это также является принципом динамики социальных институтов, следующим изменениям в технологии¹⁵⁹ (Л. Винер), главной силы, привносящей «новую систему оценок и трансформирующей наше мировоззрение» (Д. Белл)¹⁶⁰, «великим, ревущим двигателем перемен» (Э. Тоффлер)¹⁶¹. Концепт технологического императива предусматривает наличие причинно-следственной связи между динамическими процессами в сфере технической модернизации и социальными изменениями. «Опыт торжествующей модернизации» есть детерминант глобальных тенденций «человеческой истории» (П. Штомпка)¹⁶². Технологическим приписывается целеполагание, новые цели содержатся в новых средствах (М. Маклюэн), «техника несёт в себе свои собственные эффекты совершенно независимо от того, как она используется»¹⁶³, технологии сами определяют своё использование.

Развитие медийных и коммуникативных технологий повлекло формирование проблематики медиадетерминизма, автономии и суверенности

¹⁵⁸ Петренко Д.В. Философия медиа: от имени к концепту // Философия и социальные науки. 2015. № 2. С. 10–14.

¹⁵⁹ Winner L. *Autonomous Technology. Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought*. Cambridge: Mass., 1977. 396 p.

¹⁶⁰ Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia, 1999. 956 с.

¹⁶¹ Тоффлер Э. *Шок будущего*. М.: АСТ, 2002. С. 246.

¹⁶² Штомпка П. *Социология социальных изменений* / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 12.

¹⁶³ Эллюль Ж. *Другая революция*. Перевод на русский язык: В.В. Бибихин. Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. М., 1986. С. 431–446.

медиа. Идея принуждающего действия медиатехнологий возникла из представления об их способности формировать человеческое поведение¹⁶⁴. Нил Постман отмечал исключительное значение технологий передачи информации в организации иной системы оценок мира и «систем кодирования», позволяющих концептуализировать («видеть») реальность¹⁶⁵. Для целей данного исследования это означает возможности *медиатехнологий менять оптику рисков, то есть сами критерии вредности информации*.

Проблема технологического императива социальной действительности также связана с тенденцией совершенствования визуальных и звуковых эффектов, дублирующих или даже заменяющих «реальность» виртуальными симулякрами¹⁶⁶. Концепции технологической предопределенности основываются на существовании у техпрогресса внутренних закономерностей развития, непосредственно связанных с самой способностью общества управлять им, принимать или отвергать технологии. Возникает коллизия автономии технологии и автономии общества, проблема вынужденности общества принимать все новые технологии, обладающие качествами, упрощающими жизнь. *Принудительная сила технологии* заключается в *логической необходимости* внедрения более эффективного способа действия – рационального выбора совершенства. «Если мы рационально преследуем какую-то цель, то мы вынуждены обратить внимание на технологию, предназначенную для достижения этой цели» и обладающую очевидными достоинствами по сравнению с другими, а «тот, кто хочет достичь данной цели, уже *не может пренебречь* существованием данной технологии»¹⁶⁷. Кратко это можно выразить тезисом: «То, что может быть сделано, будет сделано». Так, появление возможностей создания технологии коммуницирования, максимально приближенной к сознанию реципиента, означает её неизбежное создание и внедрение, а техническая достижимость скорейшей коммуникации

¹⁶⁴ Innis H. The Bias of Communication. Toronto, University of Toronto Press, 1951, 226 p.

¹⁶⁵ Postman N. Teaching as a conserving activity. New York: Delacorte press, Cop. 1979. P. 39.

¹⁶⁶ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.

¹⁶⁷ Ушаков Е.В. Технологический императив и проблема нормативности технологии // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 10. С. 35–40.

обуславливает саму её реализацию. Появляется *нормативность технологии*, то есть морально оправданное предписание использовать существующую технологию как наиболее эффективную. Чтобы отвергнуть новую технологию, необходимо найти особые основания, «вес» которых превышает «вес» результативности технологии, например риск причинения вреда здоровью и развитию детей. Существование неких внутренних закономерностей технической достижимости усовершенствования деятельности ставит задачу общественного контроля за внедрением новых технологий на предмет соответствия требованиям безопасности детей.

Расширяя контекст технологического императива и медиадетерминизма, М. Кастельс подходит к интерпретации *сетевого общества*¹⁶⁸. Морфология такой версии информационного общества указывает на ключевую роль технологии сетевой коммуникации. Если понимать киберпространство как пространство «комфортабельной анонимии», где комфортабельность обусловлена покоем и безопасностью тела, анонимностью субъекта¹⁶⁹, то частной задачей управления информационной безопасностью детей является исключение комфортности нарушения через устранение анонимности акта коммуникации, обеспечивающей физическую недостижимость для мер управления.

Анализ сущности медиатизации и медиадетерминизма указывает на два направления изменения рисков, связанных с информацией, или, иначе говоря, два механизма воздействия медиатизации на условия информационной безопасности детей. Это, во-первых, риски, связанные с влиянием информационного контента на развитие и поведение детей через усиление возможностей демонстрации вариантов поведения, включая девиации. Во-вторых, риски, возникающие в связи с интенсификацией и уплотнением информационных потоков, порождаемые новым типом загрязнения (и

¹⁶⁸ Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. John Wiley & Sons. 2000. 469 p.

¹⁶⁹ Владимирова Т.В. Об обеспечении информационной безопасности в условиях киберпространства // Вопросы безопасности. 2014. № 3. С. 132–157.

зашумления) окружающего пространства – медиазашумления. Следует рассмотреть каждое из этих направлений.

Процесс медиатизации технологически детерминирует изменение условий трансляции опыта субъектами коммуникативного общения и усвоения этого опыта детьми, то есть интенсифицирует процесс передачи опыта, в том числе опыта девиантного поведения, усвоение которого детьми облегчено формирующейся природой психических процессов.

Второе отмечаемое нами направление влияния медиатизации на условия информационной безопасности детей обозначено проблемой превышения возможностей человека (особенно ребенка) по обработке информационного сигнала. Существование количественного порога восприятия (поступления) информации актуализирует проблему перехода за границы возможностей мозга по кодированию поступающей информации. Эти вопросы поднимаются, например, в рамках нового раздела гигиенистики – информационной гигиены, а также входят в проблемное поле информационной экологии и информационной этики. Анализ информационной нагрузки рассматривается с точки зрения оценки качества окружающей среды и благополучия человека. Наблюдение негативных эффектов информатизации окружающей среды в виде различных форм информационно-зависимых заболеваний породило идею о гигиеническом нормировании потребления информационных сигналов, лимитации контента и времени использования трансляторов информации (гаджетов), реализации принципов адресности распространения информации¹⁷⁰.

Несмотря на то, что обычно, например с точки зрения нормативной формулировки, информация понимается только в содержательном аспекте как сведения (данные), именно интерпретация этих данных реципиентом делает из них информацию, меняет систему ориентации, адаптируя данные к миру чувств, то есть изменяет систему в направлении самосохранения, а также уменьшает

¹⁷⁰ Ерёмин А.Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации // Гигиена и санитария. 2020. № 4. С. 351–355; Denisov E.I. Informational Hygiene as A Medical and Biological Tool for Health Preservation in The Digital Era // Am J Biomed Sci & Res. 2019. № 4(2). P. 73–75; Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 167 с.

неопределенность и энтропию¹⁷¹. Поэтому вполне оправданно различать информацию в широком смысле – «без смысла», как отражение материи, воспринимаемое сознанием, и в узком смысле – как значимое изменение системы, то есть воспринятое знание. Информация в широком смысле есть сигнал, характеризующийся различными параметрами интенсивности и опосредующий, таким образом, особые риски, названные нами форматными рисками или рисками медиазашумления применительно к сигналам, имеющим в качестве источника устройства массивификации сообщения (образа, знака), то есть медиа.

Поскольку фиксация информации сознанием происходит через её декодирование (обуславливание), информация есть «событие»¹⁷², которое меняет структуру сознания в сторону развития или деградации, усложнения или упрощения. Фактически информация представляет собой *психическую интернализацию смысла отдельными субъектами, детерминируемую психической спецификой этих субъектов.*

С точки зрения анализа форматных рисков, обусловленных медиатизацией жизненного пространства детей, интересно изучение нейробиологией вопросов возникновения информации в когнитивной системе и возможностей измерения количественных показателей информации, полученных нервной системой человека, включая количественные аспекты потребляемой (воспринятой, усваиваемой) информации, и, соответственно, установление пределов количества информации, доступной для адекватного усвоения. Например, концепция гиперсетевой модели мозга К. Анохина рассматривает явление «когнитома» в качестве интегральной функции, объединяющей две системы – мозга и разума – в одну гиперсистему, обладающую принципиально иными свойствами, отличными от свойств мозга или разума. Гиперсетевая модель мозга указывает на механизм взаимодействия когнитивной системы и информационного пространства, процесс кодировки информационных сигналов,

¹⁷¹ Shannon C., Weaver W. Mathematical Theory of Communication. Urbana, IL: The University of Illinois Press, 1964. P. 117.

¹⁷² Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt, 1987. С. 102.

результаты (коги) которого объединяются в «когнитом» – «субстрат субъективного опыта»¹⁷³.

Отмечаемые нами два направления влияния медиатизации на информационную безопасность детей, два типа рисков – форматные и контентные связаны между собой и вытекают один из другого. Иллюстрируя эту взаимосвязь, можно предложить экстраполяцию теории гиперсетевой модели мозга на исследуемый нами объект и описание воздействия медиатизации на риски. Так, медиареальность уподобляется гиперсетевому образованию – когнитому, где коги – это контент (информация или коды), «ментальный квант», а коммы – это связи, возникающие на основе интерпретации контента через систему каналов. Гиперсистема медиареальности не есть простое сложение характеристик контента и каналов, но принципиально новое явление. Представление медиапространства в виде гиперсети соответствует теории сетевого общества и характерной для него логике функционирования. Инфраструктура гиперсети медиа выражена «конгломерацией магистралей и маршрутов»¹⁷⁴, связывающей всех акторов сети и образующей узлы сети¹⁷⁵. На основе мощностей новейших медийных технологий происходит *генерация индивидуального опыта в групповой и обратно*, трансформация социальности в новую модель¹⁷⁶.

Гранулярность медиареальности определяет её структуру, состоящую из сигналов, доступных для кодирования сознанием. Это среда взаимодействия индивидуального сознания людей с групповым, где явленный в сеть контент объединяется с подобным ему и образует узел. Источник реакции на контент есть индивидуальная рецепция сигнала, его интерпретация. Эта схема предстаёт в образе пирамиды с вершиной в виде узла, образуемого из схожих интерпретаций

¹⁷³ Анохин К.В. Когнитом: Сетевое расширение теории функциональных систем/ Современные проблемы системной регуляции физиологических функций. Материалы Конференции. М.: ФГБНУ «НИИИФ им. П.К. Анохина», 2015. С. 3–5.

¹⁷⁴ Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 300 с.

¹⁷⁵ Barney D. The Network Society // Great Britain by MPG Books. 2004. P.1–34.

¹⁷⁶ Саяпин В.О. Социокультурная трансформация после индустриальной эры: процессы виртуализации// Философские традиции и современность. 2014. № 2 (6). С. 84–105.

сигнала разными субъектами, и с основанием в виде индивидуальной рецепции сигнала каждым из субъектов. В свою очередь, узлы могут объединяться на основе единства темы и составлять группы узлов¹⁷⁷, активность этих групп определяет динамику всей гиперсети. Уплотнение (концентрация) узлов через появление связей обусловлено принципом взаимного притяжения, подобным притяжению молекул, лежащих в основе вещества так же, как коммуникация в основе общества. В результате такого притяжения происходит уплотнение коммуникации до состояния гиперсети медиа.

Для появления индивидуальной рецепции сигнала необходима его внешняя формализация, то есть преобразование мысли (идеи) в контент и его явления в сеть. Скорость рецепции сигнала (его интерпретации) и скорость последующей репрезентации есть скорость образования узлов гиперсети медиа. Эта скорость соответствует скорости формулирования контента, то есть преобразования смысла в сигнал (код) и явления его в сети, например в виде поста в социальных сетях, комментария, новости и т.д. Другими словами, скорость выражена в виде четырех порядков: во-первых, в виде формулирования смысла идеи и события (презентации контента в сети), во-вторых, в виде попадания в сознание другого (рецепции), в-третьих, в виде формулирования интерпретации сигнала (репрезентации) другим, в четвертых, в виде формулирования интерпретации репрезентации (репрезентация репрезентации) третьим.

Можно предположить, что при появлении технологической возможности увеличения скорости преобразования мысли в общедоступный контент до скорости её трансляции (восприятия другими людьми) рост числа связей прекратится, но это будет означать установление моментальной связи всех со всеми. Увеличение скорости появления новых связей меняет структуру общества так же, как изменение движения молекул меняет структуру вещества, превращая газ в жидкость, а жидкость в твердое тело.

¹⁷⁷ Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. V. 7. P. 39–58.

Приближение скорости формулирования идеи (рождения контента) к скорости его трансляции, сокращение всех трёх порядков скоростей обеспечивается современными медиатехнологиями и является главным фактором технологической обусловленности роста рисков, что продемонстрировано на рис. 1.

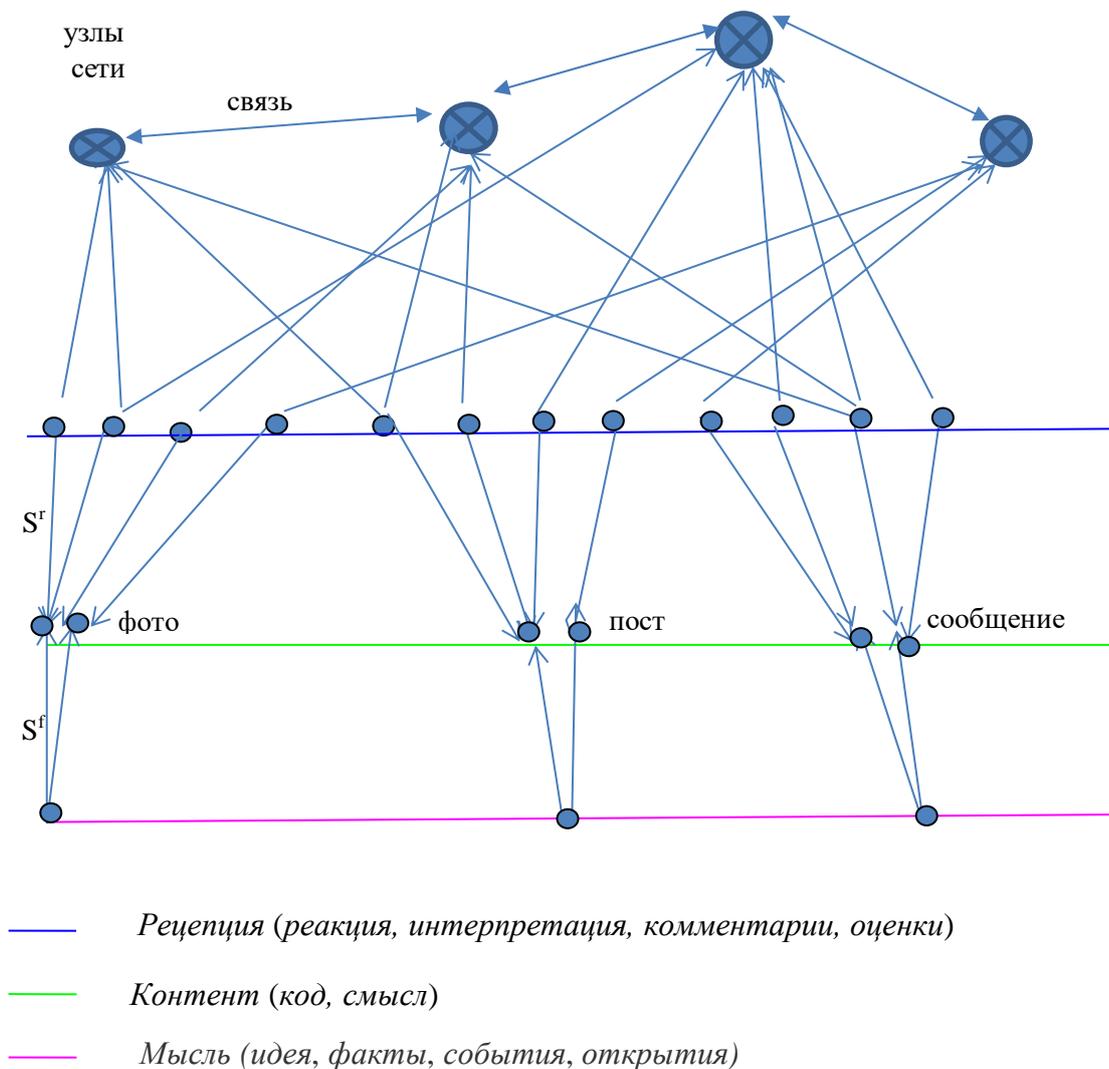

Рис. 1. Гиперсетевая модель медиакommunikаций

На рисунке 1 S^f – скорость формулирования контента (явления в сети, рождения, презентации), например фото и видео с места события; S^r – скорость рецепции, реагирования на контент (репрезентация), например скорость размещения комментария и оценки контента; $S^f > S^r$. Направления (линии), исходящие от контента, представляют индивидуальные реакции и, соединяясь,

образуют узлы сети – элементы медиасети. Узлы могут связываться друг с другом, а число связей между ними постоянно растет. Рост связей обеспечен возрастанием скорости рецепции S_r до скорости формулирования контента S_f . Сокращение пути «от контента до реакции» (времени «ожидания реакции») есть уменьшение времени от момента появления контента в сети до его восприятия первым реципиентом. Некоторые типы контента воспринимаются без санкции реципиента и при этом моментально (например, аудиопродукция). Это означает, что скорость реакции S_r обусловлена формой контента. Таким образом, *регулирование доступа к контенту является собой контроль над ростом скорости реакции S_r* . Скорость же формулирования контента (движения по пути «от идеи к контенту») S_f *опосредована технологически: технический прогресс увеличивает скорость доставки идеи в медиасеть и поэтому ориентирует регулирование оборота информации в сторону установления контроля над технологиями*. Представление о глобальном информационном пространстве как о гиперсети медиа ориентирует управление информационной безопасностью и на трафик медисигнала, и на свойства его доступности, то есть на *технологии доступности информации и скорость информационного потока*.

Таким образом, выделяются *гиперсетевые свойства медианпространства*, которые меняют и увеличивают прежние или порождают новые риски в отношении защищенности детей, то есть выступают *факторами роста рисков (расширения зоны рисков и зоны управленческого воздействия)*. Это:

1. Ризоморфность¹⁷⁸ (от греч. rhiza – корень) сети, которая предстает в образе множества беспорядочно переплетенных побегов вне какой-либо определенной формы, растущих в любых направлениях, и обуславливает автономность функционирования сети, что снижает управляемость со стороны иерархических строго институционализированных структур – государства, в т.ч. института юридической ответственности.

¹⁷⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 892 с.

2. Децентрализованность¹⁷⁹ и уравнивание статусов создателей контента, влекущее ослабевание требований (стандартов, нормативности) к контенту от прежних структур (например издательств), предполагает появление новых стандартов от новых структур, не имеющих институциональных связей с субъектами управления.
3. Открытость сети для любых субъектов, способных к коммуницированию¹⁸⁰, влечет за собой невозможность контроля над установлением коннекта на основании формальных характеристик этих субъектов, поэтому сам факт их активности в сети порождает риск доступности вредного контента.
4. Адаптивность – приспособляемость алгоритма функционирования сети к внешним, локализованным во времени и пространстве требованиям среды¹⁸¹. Поток сигнала может менять «русло» при сохранении смысла сообщения, что определяет невозможность фиксации и купирования участка трафика вредоносного контента, то есть *полной контентной фильтрации*, и указывается на *пределы возможностей формализованных механизмов оценки контента*, востребованность ресурсов неформального контроля, например института гражданской активности.
5. Омнипрезентность (от лат. omni-praesentia) – вездесущность, всеприсутствие медиа и тотальность сетевой логики означает доминирование морфологии социальной жизни над действием («как» над «что») и тенденцию замены культуры постмодерна сетевыми алгоритмами¹⁸², когда сеть определяет саму форму общества, а не только его структуру, поглощая, «абсорбируя» и «подчиняя» социальные практики в реальном времени, являя «динамическую экспансию»¹⁸³. Рискогенность омнипрезентности гиперсети медиа состоит в *невозможности избегания встречи с ней и неэффективности индивидуальной*

¹⁷⁹ Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74. № 2. С. 112–138.

¹⁸⁰ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Cambridge MA. Oxford UK: Blackwell Publishers, 1996. 556 p.

¹⁸¹ Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105–109; Усова М.В. Сетевые риски в глобальном обществе: социально-философский аспект // Власть. 2014. Т. 22. № 4. С. 73–77.

¹⁸² Terranova T. Network Culture: Politics for the Information Age. L.: Pluto Press, 2004. 184 p.

¹⁸³ Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture // John Wiley & Sons. 2000. P. 469.

защиты (самозащиты) без потери релевантных социальных связей, а любые процессы взаимодействий вне сети обесцениваются или не распознаются.

6. Ускорение трафика информационного сигнала (медиа сигнала) влечет сокращение временного промежутка между появлением контента в сети и его потреблением, исключение *момента, необходимого для оценки контента, то есть момента фильтрации*. Сближение скорости создания контента и скорости его рецепции другими субъектами *прямо пропорционально потенциалу технологического развития, определяющему морфологию гиперсети медиа*.

7. Гипертекстуальность – существование встроенных в текст гиперссылок, которые обеспечивают метаморфность медиатекста, принимающего любую форму, доступную для восприятия субъектом, и при этом сохраняющего код. Сжатие и расширение смысла в зависимости от аудитории и в целях адаптации к ней через комбинацию и обобщение смыслов¹⁸⁴, направлено на проход контента к конкретной аудитории. Увеличиваются *возможности мимикрии вредоносного контента, контекстного камуфлирования контента под безвредный при помощи метатекстуальных приемов, ассоциаций и аналогий, мемов, и одновременно девальвируются усилия по правовой параметризации вреда от информации (ресурсы института юридической ответственности), устаревают принципы критериального оценивания (ресурсы института экспертизы)*.

8. Слоистость медиасети является следствием аттрактивности и вертикализации связей¹⁸⁵ и выражается в чередовании уровней контента на основе рейтинга, авторитетности источника первичной фильтрации, где каждый последующий слой являет собою контент, рефлексия которого требует повышенного уровня сознания (профессионального и аналитического). Границы между слоями уплотняются с удалением от поверхности, чем обуславливается стратификация участников гиперсети на основе *когнитивной доступности слоя. Доступность самой сети сокращает «техническое информационное неравенство («digital*

¹⁸⁴ Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 1. С. 23–51.

¹⁸⁵ Lem S. Summa Technologiae. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1964. P. 501; Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Филос. очерки. М.: Наука, 1975. 287 с.

divide» – «цифровой разрыв»»), но усиливает гуманитарное информационное неравенство»¹⁸⁶, элитарность глубоких слоев медиасети. В условиях распространения автоматического предложения контента на основе прошлых запросов («пузыри фильтров») происходит консервация потребностей пользователя, замыкается круг развития его эвристических возможностей.

9. Тиражируемость контента – прирост экземпляров и интерпретаций контента в разнообразных вариантах форм, тиражирование «копии копий» – *нивелирует действенность ограничений и запретов в отношении конкретной информационной продукции, одной из «копий» контента, её версии, то есть снижает потенциал института юридической ответственности.*

10. *Доместикация медиатехнологий* опосредует медиатизацию домашнего пространства¹⁸⁷, обеспечивает рутинность и «невидимость» влияния медиасети «внутри повседневных рутин семейной жизни»¹⁸⁸. Наблюдается потеря образом «дома» своих специфических социальных функций как места безопасности, покоя и отдыха¹⁸⁹ в пользу приобретения функций филиала школы и работы¹⁹⁰. Рискогенность этого свойства выражается в *объективной недоступности домашнего пространства для формального контроля и государственно-правового нормирования и требует выработки новых механизмов управления, задействования ресурсов института семьи.*

Итак, технологическая эволюция процессов медиакommunikаций, интенсификация информационных потоков порождает расширение зоны как контентных, так и форматных рисков и обуславливает необходимость наращивания ресурсности субъектов управления в соответствии, в частности, с выделенными факторами расширения зоны рисков. Выявление ресурсов

¹⁸⁶ Щипков В.А. Идеальные основания современного информационного пространства: почему равный доступ к информации не ведёт к информационному равенству // Международные коммуникации. 2017. № 2. С. 2.

¹⁸⁷ Ward K. Internet Consumption in Ireland – towards a «connected» domestic life. In Media, technology, and everyday life in Europe: from information to communication Ashgate. Aldershot Hants. 2005. P. 107–124.

¹⁸⁸ Овчинская Е.В. Практики телепотребления россиян в условиях социокультурных изменений: дис. ...канд. соц.наук. М. 2017. 189 с.

¹⁸⁹ Полянина А.К., Андреева Ю.В. Информационный шум в пространстве развития ребёнка: концептуальное обоснование // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 109–121.

¹⁹⁰ Козырьков В.П. Характер доместикации современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4(16). С. 86–92.

институтов – субъектов управления, соответствующих технологически детерминированной динамике рисков, а также исследование изменения их функций и появления дисфункций выступает задачей эмпирического анализа, предпринятого автором ниже.

Выводы по первой главе

В первой главе данного диссертационного исследования на основе анализа подходов к проблеме управления информационной безопасностью детей в условиях резкого развития медиатехнологий предпринята попытка представить теоретическую концепцию исходя из комплекса подходов к базовым феноменам и понятиям рассматриваемой темы. Социализационный и экологический подходы представили возможность определить содержание понятия защищённости, благополучия и безопасности детей, а также подойти к типологии вреда от информации и выделить контентный и форматный типы вреда от информации. Иными словами, данные подходы уточнили понимание *объекта и цели* управления информационной безопасностью детей. Анализ данных подходов помог сформулировать общий принцип – *принцип психофизиологических универсалий развития, дифференцирующих меры безопасности в соответствии с возрастной периодизацией физиологического развития детей.*

Среди основных направлений, определивших *фундаментальные методологические принципы, выделяются рискологический, институциональный и ресурсный подходы*, которые раскрывают сущностное содержание и характеристики элементов управляющей системы – *субъектов управления и управленческих мер*. При этом рискологический подход признается первостепенным. Выделенный в рамках каждого подхода понятийный аппарат и *параметры, подлежащие измерению*, позволили подойти к формулированию целостной концептуальной разработки, которая может трансформироваться в эмпирическую методологию через формулирование признаков эффективности деятельности по снижению вероятности вреда от информации и их последующий анализ.

Так, рискологический подход позволил определить *принцип учета поведенческой основы источника угроз информационной безопасности детей, факторности и альтернативности рискового поведения, вероятности и ситуационности угроз*. Измерению подлежат характеристики субъектов рискового поведения и факторы самого рискового поведения (мотивы и условия – обстоятельства реализации) как объекты управленческого воздействия, которые определяют ресурсоёмкость риска и, соответственно, могут указать на обладающий необходимыми ресурсами субъект управления.

Через институциональный подход сформулирован *принцип соответствия доминирующих функций субъектов управления задачам защиты детей от информации как частного случая социальной защиты детей, реализуемой социальными институтами, имеющими «функции социальных механизмов по оптимизации рисков»*. Эмпирическому анализу в данном случае могут подвергнуться *функции и дисфункции* социальных институтов как ресурсная основа их деятельности, с одной стороны, и источник институциональных рисков, с другой стороны. Данный подход также использован для классификации управленческих решений по уровневому принципу: 1) уровень интерпретации информационной безопасности детей – доктринального и концептуального обоснования информационной безопасности детей; 2) уровень оборота информации; 3) уровень организации доступа к информации; 4) уровень потребления информации.

Ресурсный подход как логическое следствие рассмотрения первых двух подходов описывает *принцип обусловленности эффективности управленческого воздействия ресурсностью социального института как субъекта управления информационной безопасностью детей*. В этой связи эмпирическому анализу подлежат конкретные *управленческие ресурсы* каждого принятого в качестве субъекта управления института, указывающие на его ресурсность – объем управленческого потенциала, необходимого для воздействия на конкретный риск соответствующего типа, то есть указывающие на вектор управленческого воздействия.

Гипотетически утверждается, что уровень принятия решений, соответствующий функциям института и этапам информационно-коммуникативного процесса, детерминирует ресурсность субъекта по отношению к конкретному риску, таким образом указывая на совпадение ресурсности института ресурсоемкости риска – вектор управленческого воздействия.

Одной из задач эмпирического анализа выступает рассмотрение данных факторов через призму влияния на них *технологического развития медиакоммуникаций* включая реакцию социальных институтов на технологизацию рисков, которая имеет *разные направления влияния* – расширение зоны рисков, уменьшение или увеличение ресурсности субъектов управления, трансформацию их функций.

Таким образом, концептуализация управления информационной безопасностью детей заключается в описании механизма воздействия на снижение вероятности причинения информацией вреда здоровью и развитию детей через представления о факторах рискового поведения и возможностях влияния на них институциональных субъектов, имеющих функции по «оптимизации рисков» и обладающих необходимыми для каждого типа (контентного и форматного) риска ресурсами. Это понимание управления через интеграцию в единый комплекс сущностных характеристик элементов системы управления.

Данный комплекс описывает характеристики вреда от информации и риска, вероятности вреда в результате рискового поведения, устойчивость процесса воздействия, минимизирующего эту вероятность социальными институтами на каждом уровне принятия управленческого решения, динамику ресурсного потенциала, опосредованную технологическим прогрессом.

Целостность эмпирической методологии обеспечивается системой значимых терминов и признаков, определяющих цели эмпирического анализа проблемы, фокусирующихся на её управленческом аспекте, что позволяет подойти к моделированию управленческих решений. Эмпирическое

обоснование теоретической концепции предпринимается путем анализа практик социальных институтов – субъектов управления информационной безопасностью детей.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ДЕТЕЙ

2.1. Практика института юридической ответственности в системе управления информационной безопасностью детей

Технологизация рисков требует готовности к адекватной реакции со стороны государственного механизма, приложения государственной воли как наиболее институализированной «общественной воли». Решения публичной власти, корректирующие и аккумулирующие противоречивые притязания отдельных социальных групп, выражены в общеобязательных социальных нормах, установлениях, именуемых правовыми, а также в практике их применения. Деятельность рассматриваемого института наиболее выражена на первом выделяемом нами уровне принятия управленческих решений по минимизации риска вреда, а именно на уровне интерпретации информационной безопасности детей как идентификации (фиксации) риска в виде доктринального нормативного обоснования информационной безопасности детей через принятие правовых актов.

Обеспечение информационной безопасности содействует социальной структурности, «пределным выражением которой представляется государство», государство как «бастион» по защите целостности¹⁹¹. Поэтому анализ положений стратегических и нормативно-доктринальных документов раскрывает официальную позицию в отношении социального значения информационной безопасности детей для российского общества¹⁹². Эффекты ускорения и «роста информационных стимулов» порождают необходимость применения публичной воли и «универсализации публичного»¹⁹³ для реализации

¹⁹¹ Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 300 с.

¹⁹² Полянина А.К. Анализ нормативно-доктринальных основ системы информационной безопасности детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12 (92). С. 108–112.

¹⁹³ Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 119 с.

ответных мер, адекватных «скорости трансакций»¹⁹⁴ в сетевом пространстве. Государство как центрирующее начало общественного устройства через возможности легитимного насилия, норму и её охрану ограничивает социальное действие.

Концентрированное формальное выражение социального консенсуса относительно ряда основополагающих принципов социальной жизни конкретного общества, равно как и правила балансирования противоречивых интересов разных групп, содержится в национальных конституциях. Поправки в Конституцию РФ 2020 года определили не только суверенитет идеологических начал в понимании информационных угроз, постулируя одновременно возможное углубление противоречий с мировыми тенденциями, но и впервые установили приоритет защиты детства в ряду других направлений государственной политики. Анализ стратегических документов также позволяет констатировать значение информационной безопасности детей для общества и государства, где она понимается как часть общей безопасности детей.

Реализация институтом государства, и, точнее, институтом юридической ответственности информационной безопасности детей предполагает применение специального законодательства. Это, прежде всего, Федеральный закон № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 2010 г., конкретизирующий цели и механизм управления информационной безопасностью детей. Для последующего эмпирического анализа практик субъектов управления информационной безопасностью детей следует проанализировать нормативные положения, являющие собой ресурсы реализации управленческих мер данным институтом, а также указывающие на субъектный состав системы управления.

Итак, нормативное регулирование информационной сферы исходит из конституционного принципа допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина. Законом вводятся новые для российского правового поля

¹⁹⁴ Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56–66.

термины: «информационная безопасность детей», «возрастная категория информационной продукции», «маркировка информационной продукции», «возрастная классификация информационной продукции», «знак возрастной категории информационной продукции», «зрелищное мероприятие», «натуралистическое изображение (описание)» и другие. Регулирование направлено только на оборот информации, под которым понимается её предоставление и распространение включая продажу, аренду, прокат, раздачу, выдачу из фондов общедоступных библиотек, публичный показ, публичное исполнение, эфирное и кабельное вещание, распространение посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и сетей подвижной радиотелефонной связи. Оборотом среди детей назван оборот в местах, доступных для детей, – общественных местах, нахождение ребенка в которых не запрещено, и в которых ребенок имеет доступ к продукции СМИ или продукции, размещаемой в информационно-телекоммуникационных сетях (интернете).

Закрепляются четыре вида информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. Это информация: 1) оборот которой на территории РФ запрещен; 2) оборот которой запрещен среди детей («18+»); 3) недопустимая для оборота среди детей определенных возрастных групп; 4) допустимая для оборота среди всех возрастных групп («0+»).

При категоризации запрещенной и ограниченной для оборота среди детей информации учитывается суггестивный потенциал информации, то есть потенциал её смыслового содержания, контента, чем определяются параметры вреда от информации. Признается важной функция информации ориентировать поведение, «побуждать», «способствовать вовлечению», «вызывать желание», «обосновывать и оправдывать» те явления, которые признаны вредными. В зависимости от характеристик «подачи» контента, определяющих особенности его восприятия (длительность, выражение осуждения насилия или сострадания к жертве, натуралистичность, наличие «идеи торжества добра над злом»), информация причисляется либо к запрещенной, либо к ограниченной для

оборота в местах, доступных для детей. Исходя из принципа целостного восприятия ребенком информации, контекстуально, в условиях особенностей жанра, тематики и оформления, формулируются параметры, смягчающие вред, («смягчающие обстоятельства»): кратковременность, эпизодичность, осуждение преступления и т.п.

Законом устанавливаются правила так называемого «водораздела»: времени трансляции запрещенной (ограниченной) для детей информации, обусловленного, как представляется, презумпцией добросовестности выполнения родителями своих родительских (опекунских) обязанностей в отношении режима сна и бодрствования детей. Меры для предотвращения и пресечения угрозы в отношении охраняемых благ – жизни, здоровья и развития – при обороте информационной продукции устанавливаются в соответствии с принципами возрастной периодизации, недопустимости цензуры и недопустимости ограничения прав взрослых лиц на информацию, свободного доступа к историческим и культурным ценностям, научной, статистической и технической информации, свободы трансляции информационной продукции по каналам, доступ к которым осуществляется на платной основе.

В круг инструментов регулирования входят различные формы установления барьеров доступности информации включая административные и организационные, технические и программно-аппаратные средства, а также маркировку как сигнализацию лицам, ответственным за потребление детьми информации (родителям, воспитателям, законным представителям), о степени её вредоносности. В качестве административных и организационных мер устанавливается обязательное ограничение доступа детям на зрелищные мероприятия, содержащие запрещенную информацию, в том числе предусматриваются требования к упаковке, афишам и анонсам информационной продукции, локациям распространения запрещенной для детей информации.

В целях организации социального контроля, уточнения и проверки правильности знака информационной продукции, присвоенной производителем или распространителем, наличия или отсутствия в ней информации,

запрещенной или ограниченной для распространения среди детей, вводится специальная экспертиза информационной продукции, осуществляемая лицами, аккредитованными в качестве экспертов. Экспертиза осуществляется на платной основе при заключении соответствующего гражданско-правового договора между заказчиком и экспертом, то есть носит частноправовой характер.

Из сферы регулирования закона исключены: реклама, научная и научно-техническая информация, информация, имеющая значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества. Выпадает из области временного «водораздела» трансляция продукции кабельного и спутникового телевидения, так называемое «видео по запросу», платный контент в теле- и радиопрограммах, теле- и радиопередачах, доступ к просмотру или прослушиванию которых осуществляется исключительно на платной основе.

С позиций социолого-управленческого подхода интересно соответствие законодательно установленных принципов регулирования природе и этапам коммуникационного акта. Так, законом регулируется лишь часть коммуникативной цепи – трансляция сигнала, а сфера потребления, включающая поведение детей и ответственных за них лиц, и опосредующие его факторы не охватывается. Иными словами, действие социального института юридической ответственности ограничено лишь стадиями распространения информации и организацией доступа к ней. Объектом регулирования выступают отношения, связанные с оборотом информационной продукции. В качестве субъекта управления выступает государственный аппарат, дополняемый институтом экспертизы, служащим для научного обоснования решений. Задача обеспечения информационной безопасности детей, таким образом, преобразуется в задачу организации «недоступности» опасного контента.

Анализ изменений рассматриваемого закона раскрывает динамику официальных представлений об опасностях и угрозах, исходящих от информационного пространства. Наблюдается расширение перечня критериев вреда, например включение в него информации, способной вызвать желание употребить никотинсодержащую продукцию (июль 2020 г.), пропагандирующей

либо демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию; информации, способной вызвать у детей желание сменить пол (декабрь 2022 г.). Однако специально оговаривается возможность распространения такого контента, но только при условии применения распространителями декодирующих устройств, ограничивающих доступ к такому контенту несовершеннолетних путем введения кодов или совершения иных действий, подтверждающих возраст. В условиях отсутствия закрепленных форм контроля за потреблением детьми информации в семье и распространения платных аудиовизуальных сервисов (онлайн-кинотеатров) доступ к опасному (вредному) для детей контенту не ограничен. Попытка устранения этого пробела была предпринята в рамках соответствующего законопроекта, в пояснительной записке к которому указано, что данное положение исключает достижение целей федерального закона, поскольку «услуга платного телевидения проникла в 81,5% семей, и соответствующие устройства не предусматривают ввода какого-либо дополнительного пин-кода (пароля), защищающего от несанкционированного абонентом доступа к платному контенту». Однако в январе 2023 г. на данный законопроект Правительством РФ дан отрицательный отзыв¹⁹⁵.

Обзор законопроектов, представленных на официальном сайте Государственной думы, дает основания утверждать, что логика дополнений и изменений закона показывает «догоняющий» характер регулирования, следующий за технологиями в информационной сфере, обеспечивающими, с одной стороны, появление новых угроз, а с другой – новых возможностей контроля. Законодательные инициативы в области совершенствования закона *указывают на экстенсивный характер управленческих решений.*

Деятельность института юридической ответственности проявляется и в международно-правовых документах, которые, в частности, содержат правила, призванные разрешить коллизию между правом взрослых лиц на распространение и получение информации (включая девиантный контент) и

¹⁹⁵ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») https://sozd.duma.gov.ru/search#data_source_tab_b

защитой интересов детей. Основанием ограничения доступа к информации выступает охрана таких благ как: 1) *здоровье и нравственность населения, общественный порядок*¹⁹⁶, 2) *нравственность, здоровье, физическое, умственное, духовное и социальное развитие детей как наиболее уязвимой группы*¹⁹⁷; 3) *благополучие ребенка*¹⁹⁸. Принципами таких ограничений признаны: дифференцированный подход в обеспечении прав и свобод взрослых и несовершеннолетних¹⁹⁹; ограничение и запрет распространения вредного контента: порнографии и непристойных материалов, материалов, связанных с насилием, наркотиками и эксплуатацией; разделение демонстрации во времени²⁰⁰; возрастная маркировка продукции²⁰¹; независимость контроля от художественной, образовательной, идеологической или информационной значимости материалов, содержащих порнографию и насилие²⁰²; организация «доступа к аудиовизуальным медиа-услугам, которые могут нанести серьезный вред развитию несовершеннолетних, только таким образом, чтобы несовершеннолетние их не слышали и не видели»²⁰³; предварительное акустическое предупреждение о вредном или опасном контенте или определение наличия визуального символа в течение всего периода²⁰⁴; обучение несовершеннолетних ответственному пользованию аудиовизуальными и информационными онлайн услугами²⁰⁵; меры по повышению уровня информированности родителей, учителей и воспитателей о возможностях новых

¹⁹⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (принята 04.11.1950); Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995).

¹⁹⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года)

¹⁹⁸ Конвенция ООН о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года).

¹⁹⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года).

²⁰⁰ Европейская конвенция о трансграничном телевидении ETS N 132 (принята 5 мая 1989 г.).

²⁰¹ Там же

²⁰² Там же

²⁰³ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2010/13/ЕС от 10 марта 2010 г. «О координации некоторых законодательных, регламентарных и административных положений, действующих в Государствах – членах ЕС, относительно оказания аудиовизуальных медиа-услуг» (Директива об аудиовизуальных медиа-услугах).

²⁰⁴ Там же

²⁰⁵ Рекомендации по защите несовершеннолетних и человеческого достоинства 2006/952 ЕС от 20.12.2006 г.

услуг и мер по обеспечению безопасности их использования несовершеннолетними; формирование ответственной позиции со стороны производителей, посредников и пользователей путем стимулирования бдительности пользователей и уведомления о страницах, предположительно нарушающих законодательство, и присуждение знака качества провайдером для оценки пользователями их соответствия этическому кодексу; создание возможностей уведомления пользователями о незаконной или подозрительной деятельности в интернете²⁰⁶.

Однако, как и в национальном законодательстве, некоторые формы оборота информации выпадают из области действия ограничений в связи с презумпцией экономической недоступности детям, например платный контент, индивидуальная доставка видеопродукции путем кабельного и спутникового вещания или «продаж, осуществляемых только в отсутствие несовершеннолетних»²⁰⁷. В целом, в международных документах прослеживается отход от принципов административного (институционального) регулирования в сторону конвенционального, осуществляемого на основе моральных оценок без вмешательства государства. Тенденция к смещению публичной ответственности в сторону частной и *сужение радиуса нормативного охвата* наблюдаются в текстах некоторых последних международно-правовых актов, касающихся регулирования медиапространства. Так, отмечается «безоговорочная» недопустимость мер, направленных на нарушение доступа к информации или возможностей ее распространения в режиме онлайн, одинаковый статус «офлайновых» и «онлайновых» прав²⁰⁸, право на доступ к интернету провозглашается неотъемлемым правом человека и правом ребенка²⁰⁹, выходящим из сферы национального регулирования подобно праву на жизнь.

²⁰⁶ Там же

²⁰⁷ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2010/13/ЕС от 10.03.2010 г. «О координации некоторых законодательных, регламентарных и административных положений, действующих в Государствах – членах ЕС, относительно оказания аудиовизуальных медиа-услуг» (Директива об аудиовизуальных медиа-услугах).

²⁰⁸ Резолюция ООН по поощрению, защите и осуществлению прав человека в Интернете, принята 27.06 2016.

²⁰⁹ Руководящие указания для детей по защите ребенка в онлайн-среде. 2020

Рассмотренные положения нормативных документов выражают официальную интерпретацию проблемы информационной безопасности детей или, выражаясь в принятых терминах рискологического подхода, фиксацию (оптику) рисков. Закреплённая норма, являясь важнейшим ресурсом института юридической ответственности, образует нормативный фундамент практической реализации управления информационной безопасностью детей.

Анализ правоприменительного опыта как практики рассматриваемого института позволит выявить его соответствие декларируемым в закреплённой норме принципам, то есть соответствие нормативного ресурса ресурсоёмкости рисков, дисфункции института и управленческие риски.

Интерес представляют факторы идентификации риска, интерпретации условий рискового поведения и правил определения ответственного за риск субъекта, органами трех ветвей государственной власти: законодательной власти – в лице государственной думы РФ и представителей регионального законодательного органа; исполнительной власти – в лице министерств и ведомств федерального и регионального значения и правоохранителей; судебной власти – в лице системы судов общей юрисдикции, апелляционной и кассационной инстанций. Важно изучение представлений акторов государственной власти об эффектах риска, понимание социальной опасности этих эффектов²¹⁰, а также характеристики коммуникаций между ними по поводу риска. Принимая во внимание, что реагирование на риск возможно только в виде ослабления разрушительных эффектов, но не полной ликвидации риска²¹¹, задача субъектов управления состоит в оценке вероятности возникновения угроз и выявлении их источника и субъекта риска.

Институт юридической ответственности есть один из четырёх выделяемых нами *интегральных субъектов* управления информационной безопасностью детей, он представляет собой межотраслевое охранительное средство правового

²¹⁰ Кузнецов В.Н. Теория коммуникационного общества 3.0: социологический гуманистический аспект. М.: Книга и бизнес, 2015. 488 с.

²¹¹ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity// Canadian Journal of Sociology/ Cahiers canadiens de sociologie. 1992. Vol. 19. № 4. 544 p.

регулирования, направленное на обеспечение правопорядка и законности через государственное принуждение. Главный ресурс института юридической ответственности в контексте нашего исследования сконцентрирован в *монополии государства на применение насилия* в виде соответствующей санкции. Ретроспективный характер санкции предполагает особое значение нарушенной нормы, её важность для социального порядка и охраняемых ценностей и благ. Сила социальной нормы и официальное признание её значимости в полной мере выражена в строгости юридической ответственности за её нарушение. Институт юридической ответственности выражает реакцию государства как воплощённой общей воли в отношении факта нарушения нормы, иными словами, реактивность социального порядка в отношении факта девиации. Анализ управленческих возможностей данного института как субъекта управления основывается на выделении таких элементов его структуры как: субъект ответственности, объект ответственности, отраслевой вид ответственности (уголовная, гражданско-правовая, административная, дисциплинарная, материальная), цель, принципы (справедливости, законности, неотвратимости, гуманизма, индивидуализации и виновности деяния). Субъектом ответственности в данном случае является субъект рискованного поведения, объектом – варианты поведения, видом ответственности – меры и порядок применения ответственности, целью – результат применения в карательно-компенсационной форме, в форме превенции подобных нарушений через устрашение нарушителя и его окружения. Различные комбинации элементов института юридической ответственности соответствуют направлениям управленческих усилий по минимизации риска вреда от информации, за которые принимаются этапы (звенья) коммуникативной цепи – создание (производство) информационной продукции, контента; распространение (оборот); администрирование доступа; потребление информации.

С социологической точки зрения важен факт монопольного положения юридической ответственности в части применения мер государственного

принуждения и, соответственно, монополии представителей этого института в отношении мер управления. Эта монополия, как и любая другая, сказывается на возможностях других субъектов управления и предполагает исключительную добросовестную (*bona fides*) реализацию возможностей и недопустимость «злоупотребления монопольным положением», выражаясь в терминах антимонопольного регулирования. Эти требования непосредственно связаны с мотивами «монопольных субъектов», в данном случае мотивами представителей института юридической ответственности. Такими мотивами, в частности, могут быть качественное выполнение должностной инструкции или коррупционные мотивы, указывающие на потенциальную слабость управленческой мотивации и на управленческие риски.

В целях оценки вышеупомянутых факторов и характеристики ресурсов института юридической ответственности по минимизации рисков вреда от информации был осуществлен анализ правоприменительных механизмов. За основу взят обзор статистической отчетности государственных органов, наделенных контрольно-надзорными функциями, и судебной практики в области защиты детей от информации. Дополнительно автором были специально организованы правореализационные прецеденты путем обращения в органы власти по поводу нарушений требований законодательства о защите детей при распространении отдельных видов информационной продукции: видеопродукции на телевидении, зрелищного мероприятия, книжной продукции.

В первом исследовании использован метод контент-анализа текстов постановлений судов первой инстанции с 2017 г. по 2020 г. в количестве 502²¹². Помимо судебных решений о признании информации запрещенной и включении её в соответствующий реестр, незначительная доля постановлений была посвящена проблеме нарушения порядка распространения информационной продукции, например отсутствие знака (маркировки) при распространении информационной продукции, отсутствие (или недостатки) систем фильтрации в

²¹² Полянина А.К. Государственный контроль над оборотом вредной для детей информации: анализ судебной практики// Социодинамика. 2021. № 11. С. 54–60.

образовательном учреждении. Доля таких текстов составила менее 2% от общего числа постановлений.

Определена статистика по таким значимым для целей исследования категориям (единицы анализа) как: виды вредного контента и динамика выявления по годам; мотивы распространителя информации (мотив предложения); мотивы потребителя информации (мотив спроса). Выделены аргументы (единицы счета) представителей государственных органов, регулирующих отношения в сфере оборота информации, например органов прокуратуры как основных инициаторов судебных разбирательств.

Аргументы правоохранителей и суда раскрывают представления о критериях вреда от информации, значимых для правоприменителя факторах рискового поведения и вероятности наступления ущерба, отношение к последствиям собственной активности. Используются опубликованные решения судов общей юрисдикции в первой инстанции²¹³.

Были выделены следующие укрупненные группы вредного контента: 1) «одурманивающие вещества» – информация о продаже алкогольной продукции, наркотических и иных одурманивающих веществ, табачных изделий включая снюс (жевательный табак), а также информация, пропагандирующая их потребление; 2) «секс» – информация порнографического содержания, детская порнография, информация о предоставлении за плату интимных услуг (проституции), о производстве абортов, а также информация, пропагандирующая нетрадиционные половые отношения (гомосексуализм); 3) «преступления» – информация, побуждающая к совершению преступления, включая описание способов преступления, демонстрация процесса и последствий преступлений, пропагандирующая преступный образ жизни (экстремизм, применение взрывчатых веществ и оружия, мошенничество, уголовная субкультура – «АУЕ»); 4) «насилие и жестокость» – информация, содержащая демонстрацию процесса причинения страданий людям или животным, побуждающая к таким действиям, включая информацию о

²¹³ Судебные и нормативные акты РФ. <https://sudact.ru/>

субкультурах, пропагандирующих насилие («Оффники», «Забивы»); 5) «самоубийство и селфхарм» (самоповреждение) – информация, побуждающая к суициду и членовредительству (самоудушение «Собачий кайф», «Лезвием по венам», «как заболеть, чтобы не ходить в школу»); 6) «риск» – информация, побуждающая к поведению, опасному для жизни и здоровья, с целью получения острых ощущений с риском для жизни («Руфинг» – проникновение на различные труднодоступные высотные объекты, крыши домов, «Зацепинг» – езда на крыше транспортных средств (электричек, вагонов метро, автобусов), между или под вагонами, замыкание рельсовой цепи – зарядка сотового телефона с помощью электрического тока, проходящего по рельсовой цепи, «Шоплифтинг» – кражи из магазинов, «Испытания», «Диггерство»); 7) «Азартные игры» – информация о возможности участия в азартных онлайн-играх; 8) «Комплекс» – информация, включающая несколько видов вредного контента (Приложение 1).

Определены количественные характеристики объединенных групп вредного контента в отношении общего числа исследованных текстов судебных постановлений. За весь исследуемый период лидером по числу принятых судебных постановлений о признании информации, распространяемой в сети Интернет, запрещенной, стала информация, касающаяся половых отношений – 36,3 % от общего числа. Далее следует группа вредного контента, обозначенная нами как «Одурманивающие вещества» – 32%. Третью позицию занимает группа «Преступления», включающая информацию, пропагандирующую разные виды правонарушений и преступный образ жизни – 15%. Оставшуюся долю делят между собой незначительные по объему группы, последовательно по убыванию представлены как: «Самоубийство и селфхарм» – 7 %, «Риск» – 5%; «Насилие и жестокость» – 3%, «Комплекс» – 1,3%, «Азартные игры» – 0,4%.

Большой процент информации связан с продажами товаров и услуг, сам оборот которых ограничен, что свидетельствует об огромном маркетинговом потенциале сети Интернет, который полноценно используется бизнес-структурами.

Проведен анализ динамики вынесения постановлений в отношении подгрупп каждой группы вредного контента. Обращает на себя внимание резкое изменение процентного соотношения выявления вредоносного контента в 2019 г., снижение выявления информации о продажах алкоголя с 30% в 2018 г. до 3,8% в 2019 г. и 5% в 2020 г. Отмечается резкий рост информации о предложениях интимных услуг (проституции) с 16% в 2018 г. до 30% в 2019 г. и 25% в 2020 г., рост выявления информации о продажах табака, включая снюс (жевательный табак) с 2% в 2018 г. до 19% в 2020 г. Неизменно высокий показатель выявления порнографических материалов около 12% говорит о стабильности доли пользователей, имеющих девиантные медийные потребности, независимо от экономико-правовых условий.

Из анализа аргументации правоприменителей при обращении к суду определены основные мотивы распространителя (создателя) информации, отнесенной судом к запрещенной, как их интерпретируют правоприменители – представители института юридической ответственности. Эти мотивы распространителя объединены нами в три группы: *коммерческий интерес* (прибыль); *политический мотив* (экстремизм); *мотив самовыражения или самопрезентации* (самоактуализации, сбор позитивных откликов («лайков», «репостов», «шеров», комментариев)). Каждая группа мотивов предполагает свойственный ей контент. Так, коммерческий мотив сопровождает распространение предложений товаров (одурманивающих веществ) или услуг (интимных услуг, азартные игры) и является доминирующим – 70% от всего числа запрещенного контента. Информация, имеющая в качестве основной причины политические, экстремистские мотивы, включает все виды контента, направленного на пропаганду преступлений, криминального образа жизни, создания взрывчатых веществ и оружия, её доля составляет около 15%. Такая же часть принадлежит разнообразным видам информации, чаще всего паразитирующей на потребности подростков в рисковом поведении и его репрезентации, вплоть до суицидального поведения (в том числе шантажного характера).

Аргументы правоохранителей при обращении к суду указывают на основные цели и средства распространителей вредного контента, которые нами также распределяются в соответствии с основным мотивом. Представляет интерес формулирование вреда правоохранителем при обращении к суду как характеристика мер по идентификации риска. В случае с коммерческим мотивом, осуществлении продаж товаров и услуг, формировании и повышении спроса на них при помощи интернет-площадки ущерб влечет само потребление этих товаров и услуг и сам факт их оборота. Поэтому возможность вреда формулируется правоохранителем через указание на способность площадки распространения привлекать потребительское внимание и декларировать потребительскую доступность товара/услуги: «красочное оформление, указание ассортимента, цен, акции на скидки, ссылки на то, как сделать заказ»; «стимуляция безнаказанности нарушения закона»; «создает образ приемлемого явления проституции, укоренения в обществе мнения о его обыденности и успешности лиц, занимающихся проституцией»; «способствует организации системы привлечения лиц к занятию проституцией и организации самой деятельности по занятию проституцией». А деструктивный контент выступает здесь либо в качестве шокирующего рекламного стоппера, либо непосредственно представляет товары, запрещенные или ограниченные в обороте.

В случае с *экстремистским контентом* вред обосновывается правоохранителем через *степень провокационности материала*, возможность «пропаганды действий, угрожающих государству и обществу в целом», когда «*информация может быть использована при совершении диверсионно-террористических актов, преступлений*», «*стимулировать интерес к преступлению*», «*пропагандировать совершение действий, унижающих честь и достоинство*», «*создавать угрозу конституционному строю РФ*, пропагандировать применение насилия, массовые драки, сопровождающиеся видеосъемкой, нецензурной бранью, совершением противоправных действий, расправой над сотрудниками правоохранительных органов»; «*вовлечь* путем

манипуляций, направленных на возбуждение интереса несовершеннолетнего к избиению детей, хулиганским действиям, в том числе на возбуждение интереса к совершению противоправных действий, провоцирование агрессии, включая *формирование ошибочных представлений об их безнаказанности*», «наглядно *демонстрировать способы* причинения вреда другому лицу при участии несовершеннолетних»; «*пропагандировать* тюремные традиции, асоциальное поведение, тунеядство, престижность совершения преступлений, неподчинение законным требованиям полиции, вымогательство у сверстников денежных средств, воровскую идеологию «философию воров в законе и тюремные понятия», ставя их выше законодательства», «*идеализировать* криминальный образ жизни, *подрывать* авторитет легитимных органов власти, создавать положительный имидж преступников и отрицательный – сотрудников правоохранительных органов, мотивировать на применение насилия к сотрудникам полиции, *призывать* к совершению преступлений, ориентировать на внедрение в повседневную жизнь «воровского и криминального» стиля общения и поведения, пренебрежение к институтам гражданского общества, *одобрять* антиобщественные действия, направленные против прав и свобод неопределенного круга лиц (правовой нигилизм)»²¹⁴.

В случае, когда мотивом распространения выступает личная *самоактуализация*, в том числе через демонстрацию сверхрискового поведения, вред от информации описывается правоохранителем через стимулирующую функцию контента, через «наличие инструкций по нанесению телесных повреждений, вследствие которых смерть человека наступает от побочных эффектов», через «романтизацию смерти», провокацию – «выполнение «потрясающего урока смирения» («оденься плохо и в течение получаса проси милостыню у входа в метро или крупный магазин»), через шок – «визуализацию процесса убийства разными способами посредством онлайн-игры («Накажи своего учителя») и т.д.

²¹⁴ Там же

Особенности интерпретации риска выражены в аргументах правоприменителей при обращении к суду. Отмечается, что при коммерческом мотиве рискованного поведения производителя и распространителя информации информация склоняет к наркомании, алкоголизму, табакокурению или оскорбляет и обесценивает; при экстремистском мотиве – пропагандирует, инструктирует, призывает, вовлекает; при мотиве самоактуализации – стимулирует, обольщает удовольствием и популярностью. Согласно мотивам объектами ущерба выступают, во-первых, жизнь и здоровье самого ребенка, во-вторых, жизнь и здоровье других людей, в-третьих, общественный порядок.

Анализ долей контента, соответствующего мотиву субъекта риска (распространителя), также выявил несовпадение адресата информации – того, кому она назначалась, и аудитории – круга её потребителей, которая значительно шире первого, то есть допускает восприятие контента без учета «нуждаемости» в нем аудитории, например в случае с предложениями товаров и услуг или, точнее, мотивом потребителя информации. Мотивы потребителя информации (спроса на контент), заключаются, во-первых, в спросе на товар или услугу, готовности их приобретения, во-вторых, в спросе на сам контент, обусловленный, например, девиантными медийными потребностями (порнография, жестокость), в-третьих, в естественном стремлении к самовыражению, в том числе через рискованное поведение, что особенно характерно для подростков. Исследователями отмечается, что сложившаяся практика поисковых сервисов «обеспечивает» случайные, незапланированные встречи ребенка с таким контентом через «всплывающие» окна, рассылку по электронной почте и т.п.²¹⁵. Частота появления в результатах поиска, частота «засвечивания» рекламы сама по себе является услугой и может быть заказана в маркетинговых или иных, в том числе политических, целях. Автоматизм встречи с девиантным контентом независимо от запроса может повлечь рост потребности в нём, то есть будет достигать маркетинговой цели.

²¹⁵ Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. Девиантный контент в интернете и его использование студенческой молодежью// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7. С. 22–27.

Квалифицирующим признаком при отнесении правоприменителем информации к вредной для детей или *фактором идентификации ими риска* выступает *режим доступности* информационного материала включая его параметры: открытость доступа ресурса для неопределенного круга лиц и отсутствие верификации возраста; отсутствие предупреждений об ограничениях доступа с учетом круга лиц, возраста; отсутствие требований предварительной регистрации и пароля; бесплатность; бессрочность пользования ресурсом; отсутствие ограничений на передачу, копирование и распространение. Правоохранители полагают, что платность ресурса, проверка (идентификация) возраста пользователя и предупреждение о наличии вреда способствуют защите детей от вредного контента. Кроме того, ограничение операций с ресурсом по сроку и действию (передача, копирование) снижает вероятность причинения ущерба. Критериями определения правоохранителями возможного ущерба от информации выступают её суггестивный потенциал, способность стимулировать, вовлекать и призывать, пропагандировать и обесценивать, являться способом самовыражения.

Определение мотивов распространителя и потребителя информации позволило выявить значительное преобладание маркетингового интереса при распространении вредной информации и несовпадение адресата информации (предполагаемого распространителем) и действительной аудитории, которая намного превосходит адресата. *Главенство маркетинговых целей при создании и размещении запрещенного контента указывает на необходимость воздействия на условия их реализации, то есть указывает на ресурсоемкость данного риска и вектор управления.*

Практика института юридической ответственности рассмотрена также на примере *трех правореализационных прецедентов*, специально организованных нами путем обращения в органы власти по поводу нарушения требований законодательства о защите детей при распространении видеопродукции на телевидении, книжной продукции и демонстрации зрелищного мероприятия с 2018 г. по 2020 г. Всего исследовано 36 текстов официальных постановлений и

ответов, среди которых четыре судебных постановления, из них два решения судов общей юрисдикции, одно постановление суда апелляционной инстанции, одно – кассационной инстанции (Приложение 2). Ресурсность рассматриваемого института выявляется, в том числе, путем рассмотрения аргументации, обосновывающей действия или бездействия органов власти по поводу обращения к ним.

Видеопродукция. Телевидение. Обращение с жалобой на деятельность телекоммуникационной компании (провайдера), предоставляющей населению услуги интерактивного телевидения, и её рассмотрение компетентными органами было обусловлено тем, что при подключении услуг телевидения договором на оказание услуг был определен доступ к пакету телеканалов, исключая «взрослые» телеканалы, но в маркетинговых целях провайдером временно был открыт доступ к каналам эротического содержания. Рисковое поведение было обусловлено мотивом получения провайдером прибыли от данной маркетинговой меры, направленной на стимулирование потребительского спроса на расширенный пакет каналов включая «взрослый контент». Представителем института СМИ – провайдером – в данном случае полностью проигнорирована оценка вероятности риска встречи детей с данной информацией.

Жалоба на действия оператора связи была направлена в соответствующее ведомство, а также должностным лицам законодательных органов власти как регионального, так и федерального уровня. Резюмируя ответы на обращения в надзорные органы, можно констатировать, что оснований для привлечения к ответственности провайдера они не нашли, поскольку услуги связи оказываются на основании договора, а договором предусматривается *возможность* абонента самостоятельно ограничивать доступ к услуге путем смены пароля, поэтому ответственность за наступление рискованного события – получение ребенком вреда – лежит на абоненте. Ответы на жалобу в органы представительной власти можно свести к тому, что контрольная и надзорная деятельность не входит в

компетенцию представительных органов власти, и в случае нарушения прав гражданину необходимо обращаться за судебной защитой.

В результате рассмотрения этого дела последовательно в суде общей юрисдикции, апелляционной и кассационной инстанциях, судебные органы сочли возможность перенастройки учетной записи, предусмотренной договором, обязанностью абонента и согласились «с мнением ответчика относительно того, что Услуга телевидения предполагает, что Абонент контролирует пользование услугой совместно проживающими с ним лицами, включая детей, что позволяет предусмотреть невозможность совершения ими действий по подключению каналов, либо по просмотру фильмов категории “для взрослых”» и, таким образом, абонент «был обязан принять все меры для ограничения доступа к просмотру телеканалов». Именно с наличием этой возможности суд связывает отсутствие ответственности распространителя.

Таким образом, с точки зрения органов судебной власти, возможность *ограничить доступность каналов влечет обязанность абонента (родителя) это сделать* и одновременно снимает ответственность с распространителя. Изъян этой логической цепи заключается в асимметричности самих понятий «возможность» и «обязанность». *Возможность не может означать обязанность ею воспользоваться, это лишь вариант поведения.* Следуя этой логике существование возможности, например, подключения к смартфону, которым пользуется ребенок, *программы «родительский контроль» обуславливает обязанность родителей* подключить эту платную услугу, а невыполнение этой обязанности должно влечь за собой юридическую ответственность родителя. Расширительное толкование возможности абонента как обязанности ограничить доступ к пользованию услугой связи означает искаженное понимание публичных функций по обеспечению безопасности, когда публичные интересы в защищенности детей от информационных угроз уходят в область частных договорных отношений. Ответственность абонента связана с переходом к нему компетенции распространителя в порядке преемства прав, путем приобретения услуги, которое можно рассматривать как *преемство*

обязанностей и ответственности распространителя абоненту (приобретателю информационной продукции).

С точки зрения рискологического подхода *искажение представлений о социальности риска* причинения информацией вреда демонстрирует ущербность интерпретации риска органами власти как социального риска, недооценку социальной опасности последствий, а также неправильное определение субъекта рискованного поведения.

Рассмотренный правоприменительный прецедент иллюстрирует конфликт публичных интересов в сфере информационной безопасности детей и частных интересов включая экономические интересы медиабизнеса. Временно открывая доступ к просмотру каналов «для взрослых», оператор связи надеется на бездействие абонента, на случайную встречу и заинтересованность. Открытый доступ к «взрослым» каналам признается им в качестве бонуса и лояльности к клиенту. Доступность к большому количеству информации рассматривается как благо независимо от её качества.

Отсутствие реакции института юридической ответственности в рассмотренном случае означает дисфункцию как искажение главной функции данного института – обеспечение публичных интересов. Эта дисфункция влечет снижение его ресурсности в отношении рисков, возникающих на этапе потребления информации. Таким образом, обнаруживается ресурсоёмкость данного риска, которая заключается в востребовании ресурсов семьи, а не института юридической ответственности. Поскольку родительская обязанность не может основываться на договоре, а лишь на законе, то вменение обязанности использовать механизмы (программы, техсредства) родительского контроля во всех случаях, предполагающих такое использование, неправомерно, то есть также являет собою дисфункцию рассматриваемого института в виде неправильного (нелогичного) понимания нормы. При отсутствии законодательного закрепления этой обязанности обеспечение потребности общества в информационной безопасности детей находится в сфере публичных правоотношений. Необоснованное смещение публичной ответственности

распространителя к частной ответственности сторон договора означает искажение представлений о пределах социальной ответственности и в широком смысле указывает на создание рисков ситуации через бездействие представителей института юридической ответственности и управленческий риск.

Зрелищное мероприятие. На примере второго правореализационного эксперимента проведен анализ практики рассматриваемого института при публичной демонстрации зрелищного мероприятия. Так называемый «Чемпионат по стриптизу», зрелищное мероприятие, проводилось без применения необходимых для демонстрации мероприятия мер ограничения доступа детей. Кроме того, организатором мероприятия присвоена недопустимая возрастная маркировка, а именно «21+». Афиши зрелищного мероприятия содержали изображение, запрещённое для распространения среди детей, и были выставлены на улице в виде отдельно стоящих конструкций (сити-формата) и плакатов для обозрения неопределенным кругом лиц включая детей. В ответе на жалобу контролирующей орган указывал на отсутствие возможности установить обстоятельства правонарушения и на то, что «представленные копии афиши и рекламного флаера не содержат неправильного (заниженного) возраста, так как знак информационной продукции находится в категории, запрещенной для детей».

В ходе проверки было отказано в привлечении организаторов мероприятия к ответственности в связи с отсутствием возможности установить факт нахождения несовершеннолетних лиц на данном мероприятии и с «отсутствием жалоб и заявлений со стороны других лиц», а «общественный порядок грубо нарушен не был». Обстоятельство распространения афиш вовсе выпало из внимания правоохранителей. Заявителю предлагалась возможность в частном порядке обратиться за экспертизой зрелищного мероприятия.

Обобщая доводы, изложенные контролирующими ведомствами и надзорным органом, можно заключить, что при анализе материалов жалобы, во-первых, были допущены логические ошибки в толковании нормативных

положений – интерпретация маркировки «21+» как знака информационной продукции, вопреки отсутствию такого знака в перечне знаков информационной продукции, установленных законом; во-вторых, пересылка жалобы от одного органа другому и обратно указывает на пробелы в нормативном определении компетенций и недостатки ведомственных коммуникаций; в-третьих, отсылка должностных лиц к необходимости применения заявителем мер частноправовой защиты в суде, в том числе при помощи экспертизы, так же как и в предыдущем примере указывает на недооценку социальности риска.

Печатное издание. В контролирующей орган была направлена жалоба на несоответствие содержания учебника по английскому языку требованиям законодательства о защите детей в связи с наличием контента, не соответствующего присвоенной категории «12+». Учебник содержал изображение афиш и описание кинопродукции, которой была присвоена возрастная категория «запрещено для детей (18+)». Эти изображения обучающимся предлагалось описать на английском языке. В ответ на обращение государственный регулятор в сфере общего и среднего профессионального образования пояснил, что федеральный перечень учебников, к которому принадлежит обжалуемый учебник, формируется в соответствии с рекомендациями Научно-методического совета по учебникам Минобрнауки России. Порядок формирования федерального перечня учебников был изменен только в феврале 2020 г. До этого времени проведение экспертизы учебников осуществлялось за счет издательств, при этом учебник поступал на экспертизу вместе с рецензией от того же издательства. Заявителю также предлагалось самостоятельно обратиться к экспертам и (или) экспертным организациям для доказывания факта несоответствия учебника возрастной маркировке. Подобно другим примерам, значение предмета обжалования намеренно смещается государственными регуляторами от публичного к частному, занижается или игнорируется социальная опасность.

Итак, перелагая выявленные результаты исследования на язык рискологического подхода, можно отметить следующее. Дисфункции института

выразились: 1) в искажении представления о социальности риска, в результате чего ответственность за вред смещается от публичной к частной, имеющей компенсаторный (имущественный) характер; 2) в ошибочности толкования текста нормативных и договорных положений (например понимание возможности как обязанности, расширительное толкование знака запрещённой для детей продукции); 3) в неверном установлении субъекта рискового поведения (например в установление родительских обязанностей, не предусмотренных законом при отсутствии механизма преемства ответственности распространителя в случае приобретения полномочий по администрированию доступа к информации). К дисфункциям данного института относятся уязвимость мотивации его представителей и появление так называемых управленческих рисков.

Анализ практики института юридической ответственности позволил оценить особенности его ресурсов для воздействия на факторы риска от информации – мотивы рискового поведения участников коммуникативной цепи (субъективные факторы) и условия реализации девиантных мотивов (объективные факторы). Отмечается *зависимость ресурсного потенциала института юридической ответственности от этапа управления риском, от звена коммуникативной цепи*. Так, наиболее выраженное действие этот субъект имеет на стадии распространения (оборота) информации. Слабость его ресурсов обнаруживается на этапе идентификации (оценки) риска и на стадиях создания, организации доступа к информации и потребления информации. Слабость идентификации риска, выраженная в указанных выше фактах, объясняется несколькими взаимосвязанными причинами: объективными пределами правового регулирования, в том числе недоступностью семейного пространства и контроля качества выполнения родителями обязанностей по защите своих детей от вредного контента; строгостью правового формулирования дефиниций, лежащих в основе правовой концептуализации информационной безопасности детей; недостатками мотивационной сферы представителей института юридической ответственности, слабой интенсивностью мотивов (отсутствием

личных мотивов защиты детей, например таких, которые присущи членам семьи) и их неустойчивостью, потенциальной возможностью коррупционных мотивов, например при взаимодействии с медиабизнесом, халатностью при исполнении должностных обязанностей.

Названные проблемы вызваны, в частности, *несовпадающей морфологией субъекта воздействия – государства, как предельно институализированного и иерархически структурированного, и объекта воздействия – медиасети, как потоковой и ризоморфной*. Как показал вышеизложенный анализ, воплощение идей, заложенных в стратегических документах, в реальность государственно-правового регулирования информационной среды демонстрирует его уязвимость перед технологиями. Среди эффектов уязвимости и слабости ресурсного потенциала института юридической ответственности значится иммунитет сетевого пространства, его автономизация как источника власти; устаревание принципов пространственно-временной локализации вредной информации и следующего за ним устаревания принципов регулирования; фрагментарность субъектного состава ответственных лиц за получение детьми вреда от информации; исключение функционала социальной защиты из системы обеспечения информационной безопасности детей, несмотря на охранительные полномочия во всей совокупности параметров, прямо предусмотренные законом²¹⁶; необоснованность исключения из нормирующего действия некоторых видов информационной продукции; девальвация маркировки продукции в условиях доступности информации, транслируемой в сети без экономических и временных ограничений; противоречие частно-правовой процедуры доказывания социальной природе вреда от информации в отношении детей. Однбокость и фрагментарность мер управления свидетельствуют о кризисе государственного управления информационным пространством, а утрата международно-правовыми и конвенциональными документами стандартизирующего значения в условиях интенсификации и «уплотнения

²¹⁶ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»

коммуникаций», увеличения частоты и концентрации девиантноориентированного контента в общемировом масштабе указывает на глобальный характер этого кризиса.

Резюмируя изложенное, отметим, что к институциональным ресурсам рассматриваемого института как субъекта управления информационной безопасностью детей относятся монополия на принуждение и обязательность исполнения управленческих решений всеми лицами и публичными образованиями, структурная устойчивость, а к институциональным рискам – низкая интенсивность и нестабильность мотивов, суженная зона управленческого воздействия и невостребованность функционала института за пределами правового регулирования.

Поскольку реализация мер юридической ответственности непосредственным образом связана с монополией государства на применение принуждения, данный субъект управления может быть представлен скорее средством, инструментом для других субъектов, *резервуаром необходимых ресурсов принуждения и пресечения*. Вероятностный характер вреда от информации обуславливает необходимость всестороннего «проникающего» контроля во всех звеньях коммуникативной цепи, доступного для субъектов, не связанных рамками жесткой структурности, подчиненностью нормативным установлениям, ролевой статусности. Кроме того, необходим пересмотр презумпции добросовестности всех участников оборота информации. Последнее видение (оптику) возможных угроз через сомнение в отношении добросовестности намерений создателей и распространителей контента, что соответствует вероятностной природе риска. В этом смысле производство и применение экспертного знания приобретает особое значение в процессе управления информационной безопасностью детей и требует отдельного рассмотрения.

2.2. Практика института экспертизы информационной продукции и рекламы

Экспертное мнение признается авторитетным суждением лиц, обладающих недоступными другим знаниями и опытом, лиц, которым общество доверяет оценку явлений и фактов общественной жизни. Функцией экспертизы признается «сужение диапазона возможных решений», необходимых в неопределенных условиях²¹⁷. Экспертиза понимается как составляющая властного решения или способа оказания влияния на сознание, поведение и деятельность отдельных социальных групп и общества в целом, как управляющая стратегия²¹⁸. Экспертиза информационной продукции входит в систему управления информационной безопасностью детей, а эксперты являются субъектами управления. Особенность этой составляющей системы управления заключается в том, что только экспертизе доступен анализ вреда, связанного с контекстуальным содержанием информационной продукции, не поддающегося строгой нормативной параметризации.

При этом экспертная практика, хотя и относится к институализированным формам контроля, несет в себе начала общественного неформального контроля хотя бы потому, что сами эксперты выражают личное отношение и могут входить в состав общественных организаций. Иными словами, экспертная практика подобна правоохранительной по последствиям, а гражданской активности – по субъектному составу. Задачами экспертной деятельности, формулируемыми через категории рискологического направления, являются идентификация, диагностика и оценка риска.

Предмет предпринятого исследования экспертной практики составляют: организация и нормирование экспертной деятельности; правила формирования экспертного сообщества; аргументация экспертов, отражающая представления о нормативности поведения в информационном пространстве и о пределах

²¹⁷ Филиппов А.Ф. Участь эксперта// Отечественные записки. 2003. № 1. С. 7–15.

²¹⁸ Сунгуров А.Ю. Экспертная деятельность как форма участия в процессе государственного управления. Экспертные сети// Политическая наука. 2015. № 3. С. 53–70.

допустимости социально табуированного контента; выявление потенциала экспертизы по координации противоречивых интересов социальных групп и достижению компромисса между ними через возможности экспертизы «доставлять» авторитетные доводы. Конечной целью исследования явилось формулирование вывода о ресурсности института экспертизы как субъекта управления информационной безопасностью детей.

В управленческом смысле любая экспертная деятельность заключается в научном, авторитетном и ответственном обосновании управленческих решений, выстраивающем диалог между управляющим и управляемым. В случае с экспертизой информационной продукции речь идет об обосновании решений по ограничению распространения определенной информации, то есть об обосновании ограничения интересов одной социальной группы в пользу другой. Социальной группой, интересы которой могут быть ущемлены в результате ограничения оборота вредной для детей информации, являются бизнес-субъекты (СМИ, рекламная индустрия и другие производители и распространители), а также люди со специфическими (девиантными) медийными потребностями. Стремление к удовлетворению этих потребностей стимулирует их готовность нести экономические издержки, то есть опосредует спрос и создает рыночные предпосылки возникновения индустрии, обеспечивающей эти потребности (рыночное предложение). Конфликт интересов возникает на фоне столкновения потребностей этой группы и потребностей детей в благоприятной информационной среде.

Коллизия целей восходит к этическим проблемам, регулярно обсуждаемым в научных кругах и представленным в зарубежных исследованиях. Это такие проблемы как: баланс между гарантией права индивида на свободу слова, включая доступ к порнографии, и потребностью общества в защите детей от вредного контента, относящийся к конфронтации между социальными благами²¹⁹; конфликт между признанием традиционных ценностей и

²¹⁹ Hindman Elizabeth. Protecting Childhood: Rights, Social Goals and the First Amendment in the Context of the Child Online Protection Act. //Communication Law and Policy. 2009. № 15. P. 1–23.

дискриминацией меньшинств²²⁰; баланс между риском потребления вредного контента и возможностями детей в цифровую эпоху²²¹; эффект запретного плода («forbidden fruit»), когда высокий возрастной рейтинг воспринимается детьми как угроза свободе и возбуждает реактивное сопротивление²²² и даже стимулирует интерес к медиапродукции²²³; проблема межстрановых различий в толковании вредного контента²²⁴ и «ползучести рейтингов» – увеличении «снисходительности» к одному из вредных критериев (например сцен насилия в США)²²⁵; намеренное занижение возрастного рейтинга²²⁶; проблема низкого доверия родителей к рейтинговой системе²²⁷, государственному регулированию и саморегулированию в медиаиндустрии²²⁸.

Распространено мнение, что обсуждение проблемы защиты детей от рисков, связанных с медиа, выходит за рамки управления оборотом информации и даже может служить поводом, используемым властями для ограничения демократических начал²²⁹. Проблемы социального контроля за оборотом медиапродукции носят международный характер, обнаруживают себя в обществах с разными культурными особенностями, предстают в качестве глобального дискурса развития и безопасности.

Предпринятый анализ экспертной практики предполагает изучение двух типов экспертизы: во-первых, экспертизы информационной продукции, учреждённой в рамках ФЗ № 436 «О защите детей от информации, причиняющей

²²⁰ Bruce E. Of Letters and Lists: How the MPAA Puts Films Recommended for LGBTQ Adolescents Out of Reach// *Journal of Homosexuality*. 2020. № 67. P. 1–15.

²²¹ Livingstone S., Bulger M. A Global Research Agenda for Children's Rights in the Digital Age// *Journal of Children and Media*. 2014. № 8. P. 317–335.

²²² Varava K., Quick B. Adolescents and Movie Ratings: Is Psychological Reactance a Theoretical Explanation for the Forbidden Fruit Effect?// *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2015. № 59 (1). P. 149–168.

²²³ Dalton D., Schubert C. When Classification Becomes Censorship// *Griffith Law Review*. 2011. № 20(1) P. 31–66.

²²⁴ Price J., Palsson C., Gentile D. What Matters in Movie Ratings? Cross-country Differences in how Content Influences Mature Movie Ratings// *Journal of Children and Media*. 2014. № 8(3). P. 240–252.

²²⁵ Leone R., Barowski L. MPAA Ratings Creep// *Journal of Children and Media*. 2011. № 5(1). P. 53–68.

²²⁶ Brown T., Vodopyanova N. Is what you see what you get? A content analysis of the indicative nature of self-regulated comic book covers and their content// *Journal of Graphic Novels and Comics*. 2018. № 9(2). P. 137–156.

²²⁷ Vaala S., Bleakley A., Castonguay J., Jordan A. Parents' Use of the V-Chip and Perceptions of Television Ratings: The Role of Family Characteristics and the Home Media Environment// *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2017. № 61(3). P. 518–537.

²²⁸ Newell J., Blevins J., Bugeja M. Tragedies of the Broadcast Commons: Consumer Perspectives on the Ethics of Product Placement and Video News Releases// *Journal of Mass Media Ethics*. 2009. № 24(4). P. 201–219.

²²⁹ Staksrud E., Milosevic T. Adolescents and children in global media landscape: from risks to rights// *Annals of the International Communication Association*. 2017. № 41(3-4). P.1–7; Livingstone S. *Children and the Internet. Great Expectations, Challenging Realities*, Polity Press, Cambridge, 2009. 301 p.

вред здоровью и развитию детей», и, во-вторых, экспертизы рекламы, осуществляемой на базе управлений Федеральной антимонопольной службы.

Статус первого типа экспертизы как дополнительной меры регулирования оборота информации в целях защиты детей определен законодательно и предусматривает дифференцированный подход к регулированию и учет нормативного уровня биологического, психофизиологического и психического развития ребенка при установлении пяти возрастных категорий информационной продукции. Возможный вред от потребления информационной продукции детьми разных возрастных категорий оценивается самим производителем или распространителем исходя из контента, особенностей его восприятия детьми и вероятности причинения им вреда. В случае возникновения у производителя сомнений при оценке вероятности причинения вреда детям на договорной основе привлекаются аккредитованные ведомством (Роскомнадзором) эксперты.

В определенном смысле государство делегирует часть властных полномочий экспертному сообществу в виде возможности интерпретации вредного контента, особенно в отношении «пластичных» законодательных формулировок, таких как «оправданность» опасного контента сюжетом и жанром; «осуждение насилия»; «кратковременность и эпизодичность» демонстрации; «побудительная сила»; «выраженность отрицательного отношения к антиобщественным действиям»; «выраженность сострадания к жертве»; «эксплуатация интереса к сексу»; «возбуждающий или оскорбительный характер»; «способность вызвать желание»; «отрицание семейных ценностей»; «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений»; «формирование неуважения к родителям и членам семьи». Именно в возможности трактовки этих пластичных параметров вредного контента и заключается власть экспертов. При этом диапазон интерпретации таких параметров определяет пределы полномочий эксперта и одновременно открывает простор для злоупотребления ими в угоду инвестору экспертизы (заказчику). Следовательно, эффективность

данного института непосредственно соотносится с качеством экспертной оценки (интерпретации вреда), то есть идентификации риска.

Показателями эффективности экспертной деятельности можно считать правила её организации, содействующие возможности контроля качества, а также координацию социальных отношений по поводу проведения экспертизы в целях поиска и формулирования верных и обоснованных выводов. В качестве общих требований к кандидатам в эксперты значится наличие профессионального образования и специальных знаний, в том числе в области педагогики, возрастной психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии, а с 2023 года – также и в области культурологии, искусствознания и искусствоведения. Имеет значение и опыт работы по специальности. Экспертные мероприятия осуществляются на основе договора, заключаемого между заказчиком и экспертом (экспертной организацией), и оплачиваются заказчиком. Фиксированных тарифов на услуги эксперта не предусмотрено. Законодательно закрепляется принцип независимости экспертов от государственного регулятора. Полный текст экспертных заключений до декабря 2019 года содержался на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

С августа 2019 г. по декабрь 2019 г. было проведено исследование данной экспертной практики. Эмпирической базой выступили тексты всех экспертных заключений за период с 2013 г. по 2019 г. Охвачено 172 экспертных заключения. Использовался метод контент-анализа. Исследование включало определение наиболее распространенных видов оцениваемых продуктов (кинофильм, печатная продукция, зрелищное мероприятие и т.д.) по двум критериям: общее количество обращений и количество выявленных нарушений²³⁰. «Пакетные» экспертизы, проведенные одним экспертом или экспертной организацией в отношении информационной продукции одного типа (например видеороликов), засчитывались в качестве одной экспертизы. Экспертные заключения

²³⁰ Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей// Социологические исследования. 2021. № 7. С. 83–89.

подвергались оценке также с точки зрения используемых экспертами аргументов. Исследование предполагало определение наиболее распространенного типа информационной продукции (кинофильм, печатная продукция, зрелищное мероприятие и т.д.) по критериям: общее количество обращений; количество выявленных нарушений; обстоятельства (место) распространения и возможной встречи ребёнка с этой информацией и другие.

Одним из показателей общей продуктивности экспертизы выступает стабильность доли экспертиз, по результатам которых выявлена информация, запрещенная для распространения среди детей, по отношению к количеству всех экспертиз за данный период. Так, в среднем в 30% экспертиз экспертами был обнаружен вредный для детей определенных возрастных категорий контент. Этот показатель существенно не менялся с 2012 г., что может свидетельствовать о формальном характере проведения экспертизы по инициативе распространителя. Целью распространителя являлось не выявление вредной информации, а уход от ответственности за нарушение требований при распространении информации, например занижение возрастной категории (если речь идет о возрастной категории от «12+» до «18+»), или разрешение на расширение возможности распространения информационной продукции как в пространственном аспекте (например, около детских учреждений), так и во временном (например, демонстрация фильма по телевидению в дневное время). Формальный характер инициирования экспертизы подобен получению документа, разрешающего оборот товара, например лицензии.

Показательно, что доля продукции, в отношении которой не выявлено информации, вредной для детей, почти совпадает с долей экспертиз, заказанных распространителями. Так, 70% проведённых за всё время экспертиз, в результате которых не было выявлено нарушений, осуществлялись по заказу распространителя с целью получения официального экспертного заключения о соответствии продукции определенной возрастной категории.

С 2012 г. подавляющее число экспертиз проводилось по инициативе распространителей, доля варьируется от 58% до 80% от всего числа проведенных

экспертиз. Доля экспертиз, инициируемых заинтересованной общественностью, с 2012 г. снижается с 25% в 2015–2016 гг. до 5% в 2019 г. Это может указывать на общую разочарованность в экспертизе со стороны гражданского общества.

Со стороны правоохранителей доля обращений за экспертизой за всё время не превышает в среднем 13% от всего числа экспертиз. При этом изначально инициаторами дел, рассматриваемых правоохранителями с привлечением экспертного мнения, являются общественники. Но и при сложении этой доли с долей экспертиз, инициируемых общественностью на конец 2019 г., они составляют не более пятой части от всего числа.

Большое число заказов на экспертизу от представителей медиаиндустрии (при том, что у них есть право самостоятельно устанавливать возрастную категорию) может указывать на желание избежать репутационных издержек, связанных с занижением возрастной маркировки, и получить «официальное мнение», которое в сознании потребителя ассоциируется с государственной оценкой продукции, поскольку эксперт был аккредитован государственным органом. В сочетании с размером доли выявленных нарушений среди всего количества экспертиз, этот факт указывает на смещение основной цели экспертизы от изначально полагаемой законодателем.

Значимым представляется отношение числа экспертиз, инициируемых тремя сформулированными нами типами заказчиков: Распространителями, Общественниками и Правоохранителями, к числу экспертиз, по результатам которых выявлена информация, запрещенная для детей. Так, количество экспертиз с выявленной запрещенной для детей информацией из числа инициируемых конкретным типом заказчика свидетельствует о положительной связи результата экспертизы с намерением заказчика как инвестора экспертных мероприятий. В ходе инициируемых распространителями экспертиз запрещенная информация на протяжении семи лет выявлялась экспертами не более чем в пятой части экспертиз. Из инициируемых правоохранителями в трети случаев выявлялась запрещенная информация, что вполне логично, если рассматривать результаты экспертизы в качестве доказательной базы для

основания привлечения к юридической ответственности. Число экспертиз, проводимых по заказам общественных организаций и граждан, по результатам которых была выявлена запрещенная для детей информация, составляет в среднем более половины случаев. При этом часто экспертиза по заказу правоохранителей предполагает обращение общественников к надзорным или судебным органам и, в действительности, изначально инициирована ими. Как представлено на таблице 1 стабильность этих долей на протяжении исследуемого периода означает существование *прочной связи между мотивом заказчика и результатом экспертизы*, что прямо указывает на нарушение принципа объективности в экспертной деятельности, на *зависимость выводов от инвестора экспертизы* и, в целом, *девальвирует экспертную практику как инструмент объективной оценки информационной продукции*, дискредитирует экспертное мнение как авторитетное и надёжное.

Таблица 1

Распределение результатов экспертных заключений по типам заказчиков
(в % от общего числа экспертиз, равного 172)

	Типы заказчиков экспертизы		
	Распространители	Общественники	Правоохранители
Инициировано экспертиз	69	13	18
Выявлена запрещенная информация	20	52	35

Причина такого положения дел кроется в ущербности принципа платности экспертных мероприятий, на сегодняшний день допускающих финансовое давление на результаты экспертизы, имеющие значимые правовые последствия. Например, установление в отношении художественного фильма заниженной категории, чаще всего «12+» или «16+» вместо «18+» (запрещено для детей) означает просмотр его детьми в дневное время беспрепятственно и проход детей в зрительный зал.

Особое значение экспертизе придает способность разрешения сомнений в отношении вредоносности информационной продукции, связанной с латентным смыслом или коннотацией, значением, надстраиваемым или даже заменяющим основное. Роль коннотации, используемой при создании информационной продукции, обусловлена функцией, маскирующей обценный смысл, табуированную тему или недопустимое с точки зрения закона и общественной нравственности содержание. Денотативное (основное) значение текста или изображения, перестает выполнять главную роль и становится фоном для вредоносной коннотации. Интертекстуальность выражает замысел автора донести смысл, не рискуя быть уличенным в распространении и пропаганде запрещенного содержания. Двусмысленность текста, его семантическое непостоянство обеспечивает превращение смысла в заданный автором²³¹, *то есть интертекстуальность кодирует латентный смысл*. Питательной средой обценных и вредоносных коннотаций выступают контекстно-зависимые значения единиц текста, нуждающихся для декодирования в соответствующем контексте или определенной заданности семантического поля окружения контекста. Коннотации «могут иметь форму ассоциаций, ...они могут представлять также в форме реляций, когда устанавливается определенное отношение между двумя местами текста, иногда очень удаленными друг от друга»²³². Донесение вредоносного смысла до адресата требует от самого адресата соответствующей компетенции по дешифрованию коннотации, которая преследует цель избегания юридической ответственности за распространение вредной для детей или запрещенной информации.

Возможность уклонения от признания коннотации информацией, оборот которой запрещен или ограничен, определяется ограниченностью юридических дефиниций вреда. Например, характерная для лингвистической экспертизы диагностика признаков маскировки рекламного текста использует следующие характеристики для квалификации: адресность и целевая направленность,

²³¹ Стогний И.С. Коннотативные свойства музыкального свойства. М.: РАМ им. Гнесиных, 2013. 223 с.

²³² Лотман Ю., Успенский Б. Миф – имя – культура// Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 308. Тарту: Тартуский университет, 1973. С. 282–303.

мотивация (эмоциональные аргументы), связи между этими данными. Интегрирование опасного или запрещенного контента в денотативное содержание креолизованного текста вызывает к необходимости специфической оценки текста, не ограничиваемой формулировкой правовой нормы.

Формальная параметризация вреда от информации и тем более градации его степени в зависимости от возраста воспринимающего субъекта есть камень преткновения, лежащий в основании критики в отношении всей системы возрастной классификации информационной продукции. Если главной задачей экспертизы является анализ конфликтного текста²³³, в том числе визуального, через буквальное значение конкретной нормы закона, то и сама норма должна выглядеть настолько обширной, чтобы охватывать все возможные проявления вредных феноменов. Однако тогда расширению перечня «вредных» категорий не будет конца, а закон утратит свойство общедоступности из-за невероятно большого объема и постоянства применимости в течение длительного времени²³⁴. Поэтому сложность юридической параметризации феномена вреда от информации, особенно замаскированного в коннотациях, вызывает необходимость обращения к особому механизму оценивания доказательств, широко применяющемуся в судопроизводстве, а именно – к внутреннему убеждению лица, принимающего решение. Современное российское процессуальное законодательство описывает этот механизм в принципе свободы оценки доказательств (Статья 17 УПК РФ), выражающемся в способе оценивания через *своё внутреннее убеждение* под руководством *совести*. Подобная норма содержится также в 67-й статье Гражданского процессуального кодекса РФ. Совесть лица, оценивающего доказательства, есть ориентир действия, определяемый чувством нравственной ответственности, его личностью, выступающей «гарантией справедливости судебного процесса»²³⁵.

²³³ Меликян В.Ю. Методология и практика юридизации инвективной лексики// Материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов-на-Дону: Дониздат, 2019. С. 5–26.

²³⁴ Фуллер Лон Л. (1902–1978). Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 305 с.

²³⁵ Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. 703 с.

«Жизненный и профессиональный опыт судьи, его здравый смысл»²³⁶ имеют решающее значение при применении любой нормы закона, а «судебная функция не сводится исключительно к ориентации среди статей кодекса»²³⁷. Очевидно, что степень неопределенности правовых дефиниций, пластичность категорий и параметров, характеризующих пробелы регулирования, прямо пропорциональны значению судебскому, а в нашем случае – экспертного усмотрения для вынесения решения в рамках конкретного дела. Однако данное обстоятельство открывает простор для произвола и влияния внешних факторов, не связанных с делом (конфликтным текстом), а также для инерции, когда проще принять решение по шаблону, не вникая в суть дела. Единственным надежным средством проверки качества «оценки по совести» представляется *высвечивание решения коллегиальной совестью и персональной ответственностью перед профессиональным сообществом*, чтобы «отказ от системы формальных доказательств» не заключался в «отрицании этой обязательности»²³⁸.

Во избежание ошибок, возможных вследствие отмеченных выше факторов, существует правило пределов доказывания, представляющих собой границы обстоятельств, которые необходимо установить для принятия решения. Именно пределы доказывания не позволяют оценивающему лицу «подогнать» реальные фактические обстоятельства под известную норму²³⁹. Платформой для обоснованности решения служат необходимость и достаточность обстоятельств для того или иного вывода²⁴⁰. При этом в правовой норме нельзя заранее установить универсальный для всех случаев перечень этих необходимых и достаточных обстоятельств: в каждом конкретном случае их набор и сочетание будут различны. Например, этими обстоятельствами могут быть и мотив

²³⁶ Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 87–96.

²³⁷ Herget J.E., Wallace S. The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism. Virginia, 1987. P. 451.

²³⁸ Гродзинский М.М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 20 с.

²³⁹ Масленникова Л.Н. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве. М: Норма: Инфра-М, 2017. 384 с.

²⁴⁰ Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 217 с.

распространителя, как нами отмечено выше (коммерческий, экстремистский или мотив самопрезентации), и адресат информации (дети или взрослые), и характеристики публичности представления (пользовательский контент, реклама, кинопродукция). Как видим, все *характеристики достаточных и необходимых для вывода обстоятельств указать в нормативном порядке не представляется возможным, а потому попытки юридизации всех условий вредности информационной продукции обречены.*

Невозможность и нецелесообразность²⁴¹ признаны рубежами правового регулирования, где верхний предел – это отношения за границами государственной власти, регулируемые иными, неправовыми нормами, а нижний – минимальная важность регулируемых отношений для общества и государства²⁴². Исходя из этого, правовому формулированию поддается лишь небольшой перечень явных характеристик вредного контента, а контекст и констатации остаются вне поля зрения законодателя, поскольку либо выходят за пределы правового регулирования, либо не поддаются универсальному формулированию.

Случаи возможного «приложения совести и личного убеждения» к анализу информационной продукции требуют особых условий или, иначе говоря, *признаков ситуации, которая допускает применение этого механизма.* Среди таких признаков можно выделить: 1) двусмысленность образа или описания, вызывающую сомнения при интерпретации (декодировании) текста (образа), когда общая идея отсылает к общенному смыслу, в том числе через ассоциации и коннотации, что делает невозможным автоматическую (машинную) фильтрацию; 2) отсутствие нормативных формулировок в отношении обстоятельств, фактов, вызывающих сомнение (например внешний вид, сленговые неустоявшиеся значения лексики, мемы, применяемые для схематического упрощения смысла явления, события, человека, однозначно интерпретируемого некой социальной группой); 3) отсутствие прецедентов в

²⁴¹ Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1896. 466 с.

²⁴² Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя// Государство и право. 1991. № 8. С. 14–23.

информационном пространстве или их малочисленность; 4) соответствие одному из перечисленных в законе критериев вредной информации: порнография, экстремизм, насилие и т.д.; 5) типичность ассоциаций, когда образ или описание обычно воспринимается адресатом в соответствующем смысле; б) выпадение образа или описания из логики текста (образного ряда), «искусственность» вставки, имеющей собственную цель, немотивированность сцен и эпизодов, в том числе формальное использование антуража, костюмов, музыкального фона, наличие «аксиологической дистанции между первичным и вторичным значением»; 7) направленность на эмоциональный (не критический) тип оценки; 8) расчет на соответствующую «интенцию адресанта, его возрастные, гендерные, социальные, интеллектуальные, культурные, национальные, религиозные и иные параметры» темы, места и времени коммуникации персонажей; 9) отсутствие адресации²⁴³ или её неопределенность (например мультфильм с порнографическими коннотациями формально адресован детям, а фактически взрослым). Уподобление экспертной практики судебной делает возможным распространение не только действия принципа свободы оценки доказательств, но и правил обжалования результатов экспертизы подобно кассационному производству, то есть через обращение к коллегиальному мнению.

Таким образом, обценный и иной вредоносный смысл коннотационной маскировки и эвфемизации контента требует применения в рамках института экспертизы уже известных практике механизмов, принципов и презумпций включая свободу оценки доказательств, механизмов обжалования и коллегиального рассмотрения, сочетания духа и буквы закона, морали и нормы, личной и общей воли. Речь идет о заимствовании институтом экспертизы ресурсов института юридической ответственности в виде нормативных презумпций и принципов.

²⁴³ Меликян В.Ю. Методология и практика юридизации инвективной лексики// Материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов-на-Дону: Дониздат, 2019. С. 5–26.

Исследование также показало, что частота выявления определенных групп вредного контента зависит от степени его пластичности. Очевидно, что наиболее эластичные категории, например «отрицание семейных ценностей», при отсутствии как законодательного закрепления перечня ценностей, так и общественного консенсуса по этому поводу, являются лидерами по количеству выявлений опасного для детей контента.

Среди способов распространения информации (типов информационной продукции) по числу выявленных нарушений лидирует видеопродукция, однако по числу выявленной информации категории «18+» первое место занимают печатные издания – более половины от всех экспертиз, выявивших запрещенную для детей информацию за 2019 г. По сравнению с предшествующими годами, чаще других видов информационной продукции экспертному анализу подвергалась видеопродукция (кинофильмы) и печатная продукция (2017 г. – 35%), а более всего нарушений выявлено в интернет-контенте: 2018 г – 43%., 2017 г. – среди печатной продукции – 50%.

В предшествующие периоды с 2012 г. по 2016 г. чаще остальных экспертизу проводили в отношении зрелищных мероприятий (2012–2014 гг. – 30%), печатных изданий (2015 г. – 34%), а к 2016 г. – интернет-контента (23%). При этом информация, запрещенная для детей в эти ранние периоды, чаще других выявлялась в зрелищных мероприятиях (2012–2014 гг. – 50%), печатных изданиях (2015 г, – 51%) и в сети Интернет (2016 г. – 42%). Информация, распространяемая в форме видеопродукции, выходит на первое место по числу выявленных нарушений.

Тенденции изменения этих вариантов долей с 2012 г. по 2019 г. указывают на изменение мотивации инициаторов (заказчиков) экспертизы. Увеличение доли экспертиз видеопродукции (кинофильмов) в общем количестве проводимых экспертиз может означать намерение распространителей (или производителей) информации получить экспертное заключение как официальный документ, подтверждающий соответствующую возрастную категорию фильма и возможность распространять его по территории РФ без

ограничений, предусмотренных для фильмов «18+» как в кинотеатрах, так и по телевидению (исключая платное ТВ). Рост доли видеопродукции по количеству выявленных нарушений требований к распространению говорит о её наиболее высоком потенциале по удовлетворению специфических медийных потребностей во «взрослом» контенте и о соответствующей реакции общественности.

Постепенное выдвигание информации, распространяемой на интернет-платформах, на первое место в числе экспертиз, выявивших запрещенный контент, может говорить о вполне логичной и давно наметившейся тенденции поглощения классических медиа сетью Интернет.

Значение возрастной маркировки для печатной продукции, которая более всего представлена художественной литературой, связано с технологией её распространения, прежде всего, в торговых организациях, обязанных соблюдать требования маркировки, а в случае обнаружения информации, запрещенной для детей, дополнить издание запечатанной упаковкой. Незначительность и простота соблюдения таких требований, которые не влекут экономических издержек, а в некоторых случаях даже способны привлечь внимание, и повлияли на высокий процент выявленной запрещенной информации в печатной продукции, поскольку это не приводит к значительным ограничениям и рискам в отношении спроса. Так, если сравнить законодательные требования к распространению кинофильма категории «18+» и книги «18+», то в отношении фильма требования к распространению гораздо строже: это и время распространения, и организация просмотра, недоступного для детей (например проверка документов на входе в кинозал), а в отношении книги – это только требование запечатанной упаковки.

Динамика типов распространения информации, лидирующих по числу выявляемых нарушений, указывает на *повышение спроса на экспертизу* в отношении той информационной продукции, которая предполагает наиболее массовое распространение, и *невыполнение требований к возрастной маркировке* которой, во-первых, *легко обнаруживается*, во-вторых, *влечёт прекращение распространения (демонстрации) или ответственность*,

имиджевые издержки и финансовые потери. Например, кинофильм, по сравнению с печатной продукцией – книгой, имеет несравненно большую аудиторию, наличие «взрослого» контента подтверждается видеорядом с более выраженным суггестивным воздействием по сравнению с текстом, а занижение возрастной маркировки приостанавливает прокат фильма с вытекающими отсюда репутационными и финансовыми потерями для всей кинокомпании. Иными словами, спрос на экспертизу обусловлен не стремлением получить профессиональную оценку, а строгостью юридической ответственности, возможным наказанием.

В результате анализа текстов экспертных заключений выявлены наиболее распространенные ошибки как формального, так и содержательного характера. Определяется и частота их обнаружения в текстах заключений в процентном отношении к количеству экспертиз за период. Так, использование спорной, ненаучной терминологии чаще, чем в иные периоды, обнаруживается в 2016 г. и снижается к концу исследуемого периода. Прямое игнорирование вредного контента выявляется более всего в 2018 г. и составляет 5%. Например, нецензурные слова и их эвфемизмы не были выявлены экспертом в текстах песен, которым была присвоена категория «12+», при этом заказчиком этой экспертизы был распространитель. И, наконец, логическая ошибка была обнаружена в 2% текстов за 2019 г., а именно, при оценке издания эротического характера и признании правильной маркировки «18+», экспертом делается парадоксальный вывод об отсутствии информации, запрещенной для детей. Отмеченные ошибки указывают на недостаточность контроля качества экспертизы, отсутствие механизма оценки результатов экспертным сообществом и коллективной ответственности.

Качество экспертизы зависит от обоюдной ответственности власти и экспертного сообщества. Отсутствие такой ответственности ведет к низкому качеству экспертизы, а также к имитации экспертной деятельности²⁴⁴.

²⁴⁴ Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. 2015. № 3. С. 53–70; Косолапов Н.А. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. 2003. № 2. С. 18–31.

Экспертиза информационной продукции стала средством «преодоления» законодательных барьеров для оборота информации и снятия ответственности, поскольку эксперт не «наследует» ответственность, не перенимает её от распространителя, если тот выступает ее заказчиком. В настоящее время ответственность эксперта сводится лишь к лишению аттестата аккредитации. Инвестирование заказчиком экспертной деятельности уподоблено страхованию ответственности в мире случайности и риска²⁴⁵. Представляется неправильным сам принцип назначаемости эксперта, в то время как «поставлять» экспертов должно авторитетное научное сообщество.

Проблемы экспертной практики представляются не чем иным, как «эффектом зоны неразличения»²⁴⁶, представленным в виде: 1) стирания границ между экспертизой и властью (аккредитация эксперта государственным ведомством, а не признание его профессиональным сообществом); 2) «феномена искажения», то есть искажения выводов экспертизы в соответствии с сущностью заказчика; 3) «феномена символизации» (экспертиза символизирует демократическую природу власти, имитирует «научообразность» управленческого решения). Экспертиза утрачивает статус независимого и объективного посредника между субъектами распространения информации. В некотором смысле, экспертная деятельность паразитирует на законодательных требованиях к обороту информации. Социальные установки в отношении степени вредности той или иной тематики влияют на объем авторитетности экспертного мнения, «снимающего бремя неуверенности»²⁴⁷. Чем слабее социальный консенсус в отношении опасности контента или темы, тем сложнее юридизация критериев вреда, и тем выше власть экспертного суждения.

Коллизии, заданные законодателем в дизайне этого типа экспертизы, явлены в отсутствии «контроля со стороны самого экспертного сообщества или государства как основного потребителя», «фиктивности данного института в

²⁴⁵ Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age // Cambridge: Polity Press, 1991. No 5. P. 107–134.

²⁴⁶ Макарычев А.С. Экспертное сообщество России при президентстве В.Путина: проблемы внутренней и внешней субъектности// Публичная политика. 2006. № 1. С. 102–107.

²⁴⁷ Филипов А.Ф. Участь эксперта// Отечественные записки. 2003. № 1. С. 7–15.

целом»²⁴⁸, имитирующего социальный контроль. Особенно это проявляется в порочности правил финансирования экспертизы, частно-договорном характере, противоречащим статусу объекта защиты, а именно здоровья и развития детей, то есть социальности риска.

Отсутствие механизма проверки качества экспертизы как на уровне государственного регулятора, так и на уровне саморегулирования благоприятствует злоупотреблениям полномочиями, нарушению требований беспристрастности и независимости экспертизы. В итоге, проблемы экспертной практики концентрируются вокруг ошибочности правил финансирования экспертных мероприятий и отсутствия механизмов контроля качества. В отношении последнего выделяются два вида контроля качества: предварительный, осуществляемый на этапе аккредитации, и последующий – в случае оспаривания результатов экспертизы в судебном порядке и/или повторной экспертизы.

С целью анализа институциональных рисков экспертизы информационной продукции, выраженных в дисфункциях этого института, осуществлено изучение основных проблем реализации экспертных мероприятий и статуса эксперта с точки зрения самих экспертов. Проведён опрос экспертов, аккредитованных в разное время. *Генеральную совокупность* составили все аккредитованные эксперты по состоянию на 14.01.2021 г. в количестве 91 человека; 32 эксперта приняли участие в опросе. *Задачами* опроса экспертов являлись сопоставление мнений представителей экспертного сообщества с выводами предыдущего исследования, оценка мотивационных аспектов института экспертизы как субъекта управления и готовности экспертов к ответственности за качество экспертизы, а также выявление сложностей при оценке информационной продукции как показателя снижения ресурсности института экспертизы.

Вопросы к экспертам направлены на выявление мнения экспертов относительно процедуры вступления в экспертное сообщество, присвоения

²⁴⁸ Крашенинникова Ю.А. Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ) // Отечественные записки. 2019. № 3(123). С. 87–103.

статуса, экономических оснований деятельности, отношений с заказчиком, сложностей категоризации продукции, полномочий эксперта, возможностей консолидации сообщества и саморегулирования, а также в целом относительно законодательства и механизмов защиты детей от вредной информации.

Так, требования, предъявляемые к кандидатам в эксперты при аккредитации, 73% опрошенных считают достаточными, а 27% – слишком мягкими. 87% считают правильным и порядок проведения экспертизы. Только 13% считают его неправильным либо в связи с осуществлением аккредитации ненадлежащим органом, либо поскольку аккредитация происходит без широкого привлечения научного сообщества (в равных долях по 6,5%). Лишь 8% респондентов хотели бы, чтобы при аккредитации «оценивались профессиональные компетенции и опыт научной/экспертной работы». Небольшое число экспертов, недовольных правилами присвоения статуса эксперта, может указывать на то, что при ужесточении требований участвующим в опросе не удалось бы получить аттестат аккредитации.

Подавляющее большинство экспертов считают правильным порядок финансирования экспертных мероприятий, и только 27% заявили о целесообразности оплаты экспертизы из государственного бюджета. Никто из опрошенных не согласился с принципом бесплатности экспертизы. 60% заявили об оптимальной стоимости услуг эксперта и 40% – о заниженной. При этом 53% высказались о совпадении выводов экспертизы с ожиданиями заказчика в половине случаев, 33% – о совпадении в большинстве случаев и 14% – о несовпадении. Закономерность таких ответов на вопросы о финансовой стороне экспертизы объясняется субъективным отношением как к стоимостной оценке своих усилий при проведении анализа информационной продукции, так и её соотношению со спросом на услуги экспертов. Именно рыночные механизмы соотношения спроса на услуги, то есть величины затрат заказчика, на которые он готов пойти ради получения заключения, и средней стоимости предлагаемых коллегами услуг, *не соответствующей субъективной оценке своих усилий*, определяют ответ на данный вопрос. Особенно интересна высокая доля случаев,

когда выводы эксперта совпадают с ожиданием (желанием) заказчика. При этом среди экспертов, работающих в основном с распространителями продукции, доля совпадения с мнением заказчика составляет уже 53%.

На вопрос об отношении к формулировкам параметров вредной информации, по мнению 27% респондентов в конкретизации нуждается такой критерий как «дискредитация семейных ценностей», и в равных долях (по 13%) требуют более точного формулирования такие группы как «Страх, ужас, паника», «Побуждение к самоубийству», «Пропаганда употребления алкоголя, наркотиков, курения», «Половые отношения». У экспертов почти не вызывает трудностей идентификация контента, связанного с «Насилием и жестокостью», «Бранными словами», «Оправданием асоциального, преступного поведения и правонарушения» и «Пропагандой гомосексуализма».

Среди пластичных параметров вреда более всего сложностей появляется в связи с выявлением «оправданности» опасного контента, например насилия, сюжетом и жанром (40% опрошенных), за ним следует «эпизодичность и кратковременность демонстрации (описания) вредного контента» (20%). В незначительной степени вызывает трудности определение: степени «осуждения» насилия, «выраженности отрицательного отношения к антиобщественным действиям» и сострадания к жертве, эксплуатации интереса к сексу (возбуждающий характер), оскорбительного характера информации, побудительной силы информации (способность информации «вызвать желание»), а также степени натуралистичности изображения.

По мнению 67% экспертов, круг полномочий эксперта, а именно, перечень вопросов, возможных при обращении за экспертизой, не нуждается в расширении. 33% опрошенных считают целесообразным дополнить перечень вопросов полномочиями оценивать и другие аспекты вреда от информации, например наличие порнографии, экстремизма. При этом 40% заявивших о желании расширить полномочия не согласны на установление какого-либо контроля качества экспертизы, при том что 80% не против внешнего контроля. Это косвенно свидетельствует о том, что стремление расширить полномочия

связано с желанием увеличить «рыночную власть» эксперта и спрос на его услуги. Оценка качества в этом смысле выступает фактором, уменьшающим эту власть, по аналогии с антимонопольным воздействием, нивелирующим доминирующее положение экспертов.

Обращает на себя внимание тот факт, что 60% опрошенных приходилось оценивать продукцию, в отношении которой ранее уже была проведена экспертиза, то есть приходилось дублировать экспертные мероприятия. Такой показатель повторности экспертизы прямо указывает на дисфункции института экспертизы данного типа. По общему правилу, применяемому, например, в отношении судебных экспертиз, основанием для повторной экспертизы могут служить только сомнения в правильности или обоснованности составленного ранее заключения и наличие противоречий²⁴⁹, а в случае с рассматриваемым типом экспертизы – это нарушение принципов объективности, всесторонности и полноты проводимых исследований²⁵⁰. Само явление повторной экспертизы свидетельствует либо о многочисленных случаях компрометации экспертного мнения, квалификации и профессионализма экспертов, чьи выводы подвергаются сомнению, либо о фиктивности экспертизы, результаты которой зависят от заказчика, состоящего с экспертом в экономической связи. Доля экспертов, проводивших повторную экспертизу, говорит о том, что в некоторой степени последующий контроль со стороны профессионального сообщества уже реализуется, но вне институциональных форм.

В качестве недостатков нормативного устройства института экспертизы информационной продукции 53% опрошенных выделили размытость формулировок критериев вредной информации, далее отмечалось отсутствие механизмов саморегулирования экспертного сообщества и социального партнерства (20%), третье место занимает отсутствие стандартов и алгоритмов

²⁴⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) Федеральный закон от 31 мая 2001 года N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

²⁵⁰ Порядок проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей (утв. приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29 августа 2012 г. N 217).

проведения экспертизы (13%), четвертое место (по 7%) делят такие недостатки как «отсутствие обязательности экспертизы в отношении информационной продукции» и «отсутствие четких и однозначных требований к психологическому образованию эксперта». Данные говорят о наличии запроса на саморегулирование экспертного сообщества.

К основным полномочиям структуры саморегулирования эксперты отнесли разработку методических стандартов и проверку соответствия кандидатов в эксперты при их аккредитации. Среди форм контроля качества экспертизы и экспертных заключений 34% опрошенных указали «оценку качества экспертиз самим экспертным сообществом (коллегами)» или «путем рецензирования экспертизы», 27% – «общественное обсуждение через открытый доступ к текстам экспертных заключений», 13% – оценку уполномоченным государственным органом, 20% высказались против установления дополнительного (внешнего) контроля качества экспертизы.

Возможными мерами совершенствования экспертной деятельности названы: «публичное размещение материалов, подлежащих экспертизе, в едином реестре и базе данных, чтобы была возможность проведения кросс-экспертизы разными экспертами, а не только ангажированными (кому оплачен заказ на экспертизу)»; «создание единой структуры самоуправления (саморегулирования) экспертного сообщества, создание единого закрытого форума для аттестованных экспертов», «создание и представление образцов документов, с которыми приходится работать эксперту»; «предоставление курсов повышения квалификации (возможно, на платной основе) с выдачей сертификатов соответствия» и т.д.

Большинство опрошенных готовы к возможной проверке качества услуг коллегами и к критике с их стороны. Готовность к открытому общественному обсуждению проявили те эксперты, которые проводят экспертизу обычно по инициативе правоохранителей и общественных организаций (граждан), при этом все они считают стоимость своих услуг оптимальной. Отсюда мы можем

заклучить, что мотив проведения экспертизы у этих экспертов в меньшей степени связан с коммерческой выгодой.

Таким образом, *выделяются основания для градации внутри самого экспертного сообщества, его неоднородности*. Одну группу экспертов характеризует удовлетворенность стоимостью их услуг, готовность к строгой проверке заключений, стремление к объединению и коллективной ответственности, сотрудничеству и партнерству, а другую – отрицание необходимости в каком-либо дополнительном контроле качества их деятельности, неудовлетворенность стоимостью услуг, на которую они «вынуждены соглашаться», отсутствие стремления к интеграции в самоорганизующиеся формы партнерства с соответствующей ответственностью.

Выводы проведенного нами исследования в целом соответствуют результатам сторонних исследований за тот же период. Ю.А. Крашенинниковой в целях определения функций данного типа экспертизы как правового института, её востребованности, особенностей экспертного корпуса, а также соответствия начальным ожиданиям инициаторов законодательства о защите детей был осуществлён анализ информации о составе экспертов и о результатах экспертиз²⁵¹. Для оценки мотивации экспертов ею проведены полуструктурированные интервью. Основной вывод данного исследования заключается в том, что институт экспертизы обнаруживает существенные дефекты, вытекающие из противоречивости правовых параметров её устройства и применения, *коллизии мотивов лиц, получающих аккредитацию эксперта, и миссией независимого арбитра*, влекущей профанацию экспертного статуса. Отмечается также, что «задача легитимации мнения заказчика превалирует над задачей предоставления специализированного знания». Интересно не только совпадение выделяемой типологии заказчиков, но и в целом статистических данных о долях инициаторов экспертиз с нашими выводами. Так, определено, что самой активной и многочисленной группой заказчиков являются участники

²⁵¹ Крашенинникова Ю.А. Замысел и практики экспертизы в российской системе возрастной классификации медиаконтента // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 95–104.

медиарынка, на них приходится 74% экспертиз. Похожие данные и в отношении долей двух других типов заказчиков – правоохранителей и НКО.

Подтверждается исследованием и вывод о неоднородности экспертного сообщества и его условном характере, обусловленном, с одной стороны, расхождением мотивации экспертов, относящихся к типу «Профессиональные», и заявленной цели данной экспертизы, и, с другой стороны, нормативными требованиями присвоения экспертного статуса, позволяющими аккредитовывать лиц, чьи компетенции «не отличаются от носителей *профанного* знания». Между тем, как отмечают также и зарубежные исследования возрастной классификации фильмов и рейтингов медиаконтента, результат экспертизы всегда зависит от личности оценщика – родителя, участника медиарынка или представителя академической среды²⁵². Иными словами, *идентификация риска вреда от информации напрямую связана с мотивами оценщика*, что, в свою очередь, определяет личность эксперта не только как представителя субъекта управления информационной безопасностью, но и как субъекта рискованного поведения. Гетерогенность экспертного сообщества, обусловленная разнородностью мотивационных установок экспертов, среди которых наблюдаются имеющие исключительно коммерческие мотивы, подкрепляемые законодательными положениями о договоре с заказчиком. В этом заключаются причины разности мнений респондентов относительно существа и организации экспертизы, полномочий экспертов, а также подтверждается гипотеза об определяющей роли мотивов субъектов управления информационной безопасностью детей, мотивов представителей социальных институтов, имеющих функции оптимизации рисков.

Итак, значение экспертной деятельности в системе управления информационной безопасностью детей заключается в идентификации (диагностике) и оценке (калькуляции) рисков, а последствия экспертизы,

²⁵² Leenders M.A.A.M., Eliashberg J. The antecedents and consequences of restrictive age-based ratings in the global motion picture industry // International Journal of Research in Marketing. 2011. Vol. 28. № 4. P. 367–377.

выраженные в выводах экспертного заключения, есть мера по снижению риска через ограничение оборота информационной продукции.

Эффективность института экспертизы определяется методами и правилами организации экспертной деятельности, порядком её финансирования, партнерством и координацией социальных отношений по поводу проведения экспертизы, наличием взаимной ответственности всех участников экспертного мероприятия: эксперта, заказчика, государства. Выявленные недостатки не только негативно влияют на научную доброкачественность выводов экспертизы, но и искажают заложенный законодателем смысл экспертизы, низводят её до уровня особого рода бизнеса, паразитирующего на законодательных требованиях, и в целом порождают недоверие общества к экспертному мнению и фиктивность института экспертизы информационной продукции.

Ресурсы экспертизы как института управления информационной безопасностью детей аккумулируются на этапе создания и распространения контента, то есть как до, так и после явления контента в информационном пространстве. *Ресурсность* данного субъекта управления заключается в наличии особых компетенций по диагностике риска, оценке вероятности вреда. *Слабость управленческого потенциала* института экспертизы выражена в недостаточной востребованности основным потребителем – государством как главным представителем публичного интереса в информационной защищённости детей, а также в высокой уязвимости мотивационной сферы самих экспертов.

К *дисфункциям* рассмотренного института экспертизы можно отнести слабость организационной структуры, порождающей шаткость социальной роли и статуса эксперта, не подкрепляемого «общественным» и научным авторитетом среди этого профсообщества. К *институциональным рискам* относятся зависимость производства экспертного мнения от экономической связи с заказчиком и отсутствие и/или слабость санкций в отношении представителей института экспертизы (экспертов), допустивших нарушение. В институциональные ресурсы включаются профессиональные компетенции и открытость для участия представителей гражданской активности.

Практика защиты детей от рекламной информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, является, как было отмечено выше, одним из двух типов экспертиз и имеет институциональные особенности. Информационное пространство, окружающее ребенка, наполнено информационными сигналами различного происхождения и разной направленности. Те из них, которые имеют целью формирование потребительского спроса, принято называть рекламой. Именно *публичность, воплощенная через наружность и аудиальную досягаемость текста и образа*, выступает главным условием потенциальной опасности рекламы в отношении детей.

Рекламное сообщение, проникая в другие медиа, растворяется в медиасреде. Его диффузия в медиaprостранстве, контекстуальная и конситуативная встраиваемость и нативность рекламы представляют, с одной стороны, ценнейшее качество для рекламодателя, а с другой – наиболее опасное для детей, так как делают возможным латентное «производство, эстетизацию и трансляцию культурных кодов»²⁵³. Будучи «инфицирована» рекламой, информационная продукция становится носителем рекламы, служит её цели, то есть формирует представление, содействующее росту потребительского спроса.

Реклама признается «формой современного мифотворчества»²⁵⁴ и инструментом «мифологизации реальности»²⁵⁵ и отличается от иных видов информационной продукции силой воздействия, *заранее заданной целью* своего существования, без которой она не имела бы смысла. Иными словами, рекламную информацию следует признать *потенциально более опасной, чем собственно информационную продукцию, благодаря изначальной заданности суггестивного воздействия*. Тактическая задача рекламы заключена в постоянном поддержании ситуации соблазна любыми средствами, «незаметным

²⁵³ Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. Проект, 2005. 445 с.

²⁵⁴ Афонькина Т.М. Рекламное мифотворчество как способ конструирования реальности (по материалам российской рекламы 2010–2011 гг.)// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 16–19.

²⁵⁵ Уралева Е.Е. Реклама как социальный институт// Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 588–593.

внушением»²⁵⁶, через «аллегоричность образов и слов реклама способна лучше всех сказать нам, что же именно мы потребляем через вещи»²⁵⁷. Реклама, как любые медиа, является «бесконечно саморазвивающейся средой»²⁵⁸, приобретающей «всё более высокую температуру, освобождающую человека от трудности расшифровки» кода, то есть постоянно *увеличивает потенциал вредного воздействия на детей*.

Технологизация рисков вреда от рекламы связана с общей интенсификацией коммуникаций, что «вынуждает» рекламу становиться «горячее»²⁵⁹, чтобы выделиться на фоне высококонцентрированной информационной сферы. Логическим следствием этой динамики следует признать появление шокирующего рекламного сообщения как средства привлечения внимания.

Размытость рекламы в контексте и конситуации информационной продукции, когда её цели имплицитны окружающему пространству или денотативному (основному) значению контента, *снижает возможности дифференциации информационной и рекламной продукции*, её идентификации, и поэтому представляет собой особый фактор повышения вероятности вреда, поскольку на рекламу не распространяются требования возрастной маркировки согласно рассмотренному выше законодательству.

Суггестивный потенциал рекламных коммуникаций, их директивная и ценностно-ориентирующая функция указывают на социолого-управленческий дискурс проблемы рекламы и информационной безопасности детей, отодвигая «товарный» аспект на второй план. Реклама рассматривается как источник социального конфликта, в связи с «масштабным несовпадением целевых и нецелевых аудиторий рекламы», которое, как утверждает О.О. Савельева, никак «не рефлексится рекламистом и не принимается им в расчет» при создании и

²⁵⁶ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Культурная революция. 2006. 268 с.

²⁵⁷ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино. 1995. 168 с.

²⁵⁸ Жилавская И.В. Общая теория медиа: опыт обоснования// Актуальные проблемы медиаисследований–2018. Материалы VII Международной научно-практической конференции НАММИ. 2018. С. 68–70.

²⁵⁹ McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge; London: MIT Press, 1994. 355 p.

размещении рекламы²⁶⁰. Такой нецелевой аудиторией, особенно в случае неэтичной рекламы, является детская группа.

Контроль за рекламной сферой в целом и качеством рекламы в частности осуществляется Федеральной антимонопольной службой (ФАС). Для оценки качества рекламы ФАС задействует работу экспертных советов и онлайн-опросы общественного мнения. В задачи экспертных советов входит оценка содержания рекламы и его потенциального воздействия на потребителей²⁶¹. В целях защиты детей от негативного воздействия учитываются положения законодательных требований к рекламе, в том числе параметры «неэтичности» рекламы.

Трудности отнесения рекламы к недопустимой, в связи с непристойным или оскорбительным содержанием, связаны с отсутствием и невозможностью точного нормативного формулирования параметров неэтичности. Это и вызывает необходимость получения общественного мнения или экспертной оценки рекламы. Для признания рекламы неэтичной «достаточно установить наличие значимого количества людей, воспринимающих рекламу как неэтичную», то есть организовать опрос. Подобную рекламу рекомендуется «оценивать в совокупности с обстоятельствами ее размещения (например место расположения рекламной конструкции с учетом близости к учреждениям культуры, объектам культа, кладбищам и т.п.)»²⁶².

По мнению специалистов в области психологии рекламы, оценка рекламы на предмет её этической корректности начинается «с анализа непосредственной аффективной реакции на рекламное сообщение»²⁶³ в виде негативных или амбивалентных (двойственных, зачастую противоречивых) эмоций, которые она вызывает у потребителя. Негативное аффективное реагирование на рекламу может возникать «в случае интуитивно ощущаемой угрозы витальным установкам, образу – Я, внутренне непротиворечивой системе ценностей», при

²⁶⁰ Савельева О.О. Социология рекламного воздействия. М.: РИП-холдинг, 2006. 283 с.

²⁶¹ Положение об Экспертном совете по применению законодательства о рекламе и защите от недобросовестной конкуренции при Федеральной антимонопольной службе (утв. Приказом № 1736/17 от 19.12.2017 г.).

²⁶² Письмо ФАС России № АД/17355/13 от 29.04.2013г. «О порядке применения части 6 статьи 5 ФЗ «О рекламе» (утратило силу).

²⁶³ Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000. 96 с.

этом амбивалентные эмоции связываются с «начинающейся личностной диссоциацией, когнитивным диссонансом, перестройкой ценностей»²⁶⁴. Аффективная эмоциональная реакция возможна в результате «встречи» со «стоппером» – способом подачи информации, привлекающим внимание, «останавливающим», отвлекающим на себя, часто имеющим шокирующий эффект. В роли таких стопперов часто применяются образы и выражения, противоречащие общественной нравственности, имеющие табуированную тематику или содержащие ненормативную лексику.

Поскольку реклама исключена из сферы регулирования ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей», содержащего детализированные параметры вредной для детей информации, оценка содержания рекламы невозможна экспертами первого типа экспертизы (экспертами Роскомнадзора), также невозможно и применение установленных критериев вреда и возрастной классификации информации.

В целях оценки ресурсного потенциала экспертизы рекламной продукции было предпринято изучение опыта экспертных советов при территориальных управлениях ФАС, осуществлен анализ критериев и порядок отнесения рекламы к недопустимой по данному основанию, анализ качественного состава участников экспертных советов, правил формирования и функционирования советов²⁶⁵. Одной из задач исследования стало определение универсальных критериев неэтичности, используемых членами экспертных советов.

Эмпирической базой исследования стали информационные материалы, представленные на официальных сайтах территориальных органов ФАС²⁶⁶, данные о проведенных УФАС опросах общественного мнения и протоколы заседаний экспертных советов с января 2013 г. по январь 2021 г. Исследование охватило все 84 территориальных подразделения Федеральной

²⁶⁴ Там же

²⁶⁵ Полянина А.К., Грудзинский А.О. Анализ практики государственного и общественного контроля рекламы и подходов к выявлению непристойного в рекламной продукции// Общественно-научный журнал «Власть». 2019. Т. 27. № 3. С. 155–160.

²⁶⁶ Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/units> (Проверено 02.12.2022).

антимонопольной службы в России. Использован метод контент-анализа протоколов заседаний экспертных советов. Генеральной совокупностью, совпадающей с выборочной, являются протоколы экспертных советов, содержащие оценку рекламы на соответствие «общепринятым нормам и принципам поведения в обществе с точки зрения морали и нравственности». Исследованием охвачено 144 протокола, каждый из которых включает анализ от двух до шести образцов рекламной продукции. Единицей текста выступает формулировка аргумента члена совета в пользу признания рекламы непристойной.

Аргументы, используемые членами экспертных советов для оценки рекламы, сгруппированы в смысловые категории (концепт): «традиционные ценности», «городская среда», «единое языковое пространство», «эксплуатация сексуального инстинкта». Единица текста конкретизирует эти укрупненные категории.

Выявлено, что решающим фактором отнесения рекламы к нарушающей общепринятые нормы морали и нравственности является доступность рекламы в условиях городской среды, за ней следует доступность в связи с единством языкового пространства, на третьем месте находится эксплуатация сексуального инстинкта, действующего как стоппер, замыкает ряд демонстративное нарушение традиционных ценностей.

Внутри данных четырех групп факторов установлено преобладание числа критериев, чаще других выявляемых экспертными советами. Так, в группе «Городская среда» на первый план выходят два критерия: «Доступность для восприятия детьми» и «Восприятие детьми публичной информации как нормы поведения или модели для подражания», в группе «Единство языкового пространства» – «Сочетание образа и текста, которое создает ассоциации с непристойным поведением, метафорическую эротическую трактовку рекламы» и «Использование слов и выражений, узнаваемых как бранные, обценные, просторечные, пошлые и вульгарные», в группе «Эксплуатация сексуального инстинкта» – «Недопустимая степень оголенности», в группе «Традиционные

ценности» – «Дискредитация семейных отношений (супружеской верности)»
(Таблица 2).

Таблица 2

Аргументы членов экспертных советов

Концепт (категория)	Единицы текста (подкатегории)	Количество упоминаний	Частота упоминаний, в % к итогу
Эксплуатация сексуального инстинкта	Недопустимая степень оголенности	42	43
	Изображение или описание интимных мест тела или интимного физиологического акта	29	30
	Скрытое воздействие на бессознательное при использовании символов и знаков	26	27
	Всего	97	100
Городская среда	Доступность для восприятия детьми	55	25
	Восприятие детьми публичной информации как нормы поведения или модели для подражания	56	25
	Близость к детским учреждениям, учреждениям культуры и науки, культовым строениям	49	22
	Принуждающая реклама в замкнутом пространстве (лифт, транспорт)	28	13
	Популяризация заниженных культурных стандартов в области общения и образа жизни	35	16
	Всего	223	100
Традиционные ценности	Дискредитация семейных отношений (верности)	26	49
	Искажение образа женщины (матери), мужчины (отца)	17	32
	Особенности (строгость) этических норм в конкретном регионе страны	10	19
	Всего	53	100
Единство языкового пространства	Использование слов и выражений, узнаваемых как бранные, обценные, просторечные, пошлые и вульгарные	74	34
	Использование букв иностранного алфавита для написания непристойного слова	15	7
	Пропуск букв или сочетание слов с целью прочтения нецензурного, жаргонного или грубо-просторечного слова	35	16
	Сочетание образа и текста, которое создает ассоциации с непристойным поведением, метафорическую эротическую трактовку	82	38
	Использование криминальной атрибутики	9	4
	Всего	215	100

Неэтичная реклама разделена на два вида: 1) реклама, содержащая непристойные образы и выражения; 2) реклама, содержащая бранные слова и

выражения (не относящиеся к нецензурной брани), завуалированную нецензурную брань или иную обценную лексику. К каждому из них отнесена соответствующая аргументация членов экспертных советов.

Так, наличие непристойного образа или выражения усматривалось членами экспертных советов при *отсутствии связи* рекламируемого товара (услуги) и спорного образа, который «служит только для привлечения внимания», при том, что есть возможность использовать образ (текст), соответствующий общественной нравственности без ущерба для понимания сути рекламируемого товара (услуги), то есть наличие цензурной альтернативы спорному контенту. Это указывает на *намеренное* использование рекламодателем образа и текста, вызывающего непристойные ассоциации.

При обсуждении негативного влияния изображений в рекламе на детей членами экспертных советов отмечалась опасность так называемых *мемов* – графических образов с устоявшимся значением, служащих для схематического упрощения смысла явления, события, человека, однозначно интерпретируемых большинством интернет-пользователей и рассчитанных на актуализацию соответствующего ассоциативного ряда. Опасность использования в рекламе *мема* заключена в сложности раскодирования его значения, доступного лишь части аудитории, активно включенной в интернет-коммуникацию. Отмечается также, что непристойность образа может быть выражена в виде *узнаваемого жеста*, то есть «*паттерна-жеста*»²⁶⁷.

Обнаружение непристойности выражения в рекламе, включая аудиорекламу, аргументировалась членами советов в связи с существованием общего для населения языкового пространства (речевой среды) и речевых паттернов, имеющих три основных признака: устойчивость, повторяемость и повсеместность²⁶⁸. Непристойность выражения, не относящегося к бранным словам и нецензурной лексике, идентифицировалась через выявление как *неприличности смысла выражения* *благодаря относимости потребителя*

²⁶⁷ Стахорский С.В. Архаические паттерны в современной речевой среде// Наука телевидения. 2013. Т. 10. С. 126–138.

²⁶⁸ Там же

рекламы к единому языковому пространству, так и самой тематики теста, табуированной в общественном сознании, например «сексуальной объективации». Именно это свойство роднит данный вид неэтичной рекламы с вредом от коннотаций в информационной продукции и требует схожих механизмов оценивания, например, использование «устоявшейся словесной конструкции, ассоциирующейся с бранным оборотом речи», в связи с чем «срабатывает стереотип восприятия некультурного слова».

Общими признаками непристойности выражения, выявленными на основе обобщения аргументов экспертов, являются: *провокационность рекламы* через «игру слов, сленг»; распространение рекламы в публичном информационном пространстве и, соответственно, способность «*формировать среду для следующего поколения, нравственный облик человека*»; отсутствие смысловой нагрузки спорного текста (выражения) и образа; «явное неуважение к потребителям»; противоречие *нормам этики, сформировавшимся в регионе* (экспертный совет при УФАС Башкортостана).

Другой выделенный вид неэтичной рекламы, *бранные слова и выражения*, выявлялись членами экспертных советов на основании наличия приема *амфиболии* (греч. *amphibolia* – двусмысленность, двойственность), «использования завуалированной формы бранного слова», *неоднозначности фонетики*, «*нарушения тождества семантики слова посредством постановки его в такой контекст*» и *ассоциативного созвучия*; языковых единиц, содержащих корни нецензурных слов; созданных путем нарушения языковых законов и использования букв иностранного алфавита и символов, заменяющих одну или несколько букв, окказионализмов; «*общей рифмы и ритмики слогана*, когда слово воспринимается как нецензурное»; *недоговоренного бранного слова*, легко считываемого потребителем, «*обеспечивающего его узнаваемость*» за счет *апперцептивности* восприятия, заставляющей подбирать подходящие слова (заполнять пробелы, точки, знаки).

Анализ организации *опросов общественного мнения*, размещаемых на официальных сайтах УФАС или страницах в известных социальных сетях, для

оценки спорного рекламного образца показал возможность дифференциации количества участников опросов в зависимости от, во-первых, доступности населению информации о проводимых опросах, а во-вторых, вовлеченности в результат опросов, аффилированности и связи участников опросов с рекламодателем (сотрудников, клиентов, партнеров), нацеленности на избегание юридической ответственности за ненадлежащую рекламу²⁶⁹.

Указание на вред от рекламной информации детям сопровождалось такими аргументами членов советов как: оценка детьми изображения в рекламе в качестве нормы поведения или модели для подражания; опасность извращенного образа мужчины или женщины для формирования внутренних установок ребёнка; принуждение восприятия путем размещения рекламы в замкнутом пространстве (лифте, транспорте); обусловленность единой *«языковой картиной мира»* одинаковых ассоциаций от сочетания вербального и невербального образа, которые противоречат этическим устоям, *«сложившимся в данном языковом коллективе»*; размещение рекламы *«взрослых»* (стриптиз) услуг на центральной улице города, где ежедневно появляется большое количество детей; кощунственная реклама с использованием *«знаков, бессознательно считываемых как символ»* половой распущенности.

Помимо изучения аргументации членов экспертных советов, в целях оценки управленческого ресурса экспертных советов был проведен анализ количественных показателей их деятельности при всех 84 территориальных управлениях ФАС с 2013 г. по январь 2021 г. на основании данных официальных сайтов²⁷⁰. В качестве основных показателей эффективности деятельности территориальных структур антимонопольного органа (УФАС) по минимизации рисков вреда детям от рекламной информации взяты: 1) количество УФАС, где экспертный совет функционирует, и количество УФАС, где отсутствуют такой

²⁶⁹ Полянина А.К., Грудзинский А.О. Анализ практики государственного и общественного контроля рекламы и подходов к выявлению непристойного в рекламной продукции// Общественно-научно-политический журнал «Власть». 2019. Т. 27. № 3. С. 155–160.

²⁷⁰ Полянина А.К. Границы креативности: социальный контроль этических аспектов рекламы в контексте информационной безопасности детей// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 140–148.

совет; этот показатель раскрывает *активность государственного регулятора по использованию механизма социального контроля за рекламной сферой*; 2) факт размещения протоколов заседаний экспертных советов на официальном сайте УФАС; этот показатель свидетельствует *об открытости деятельности ведомства, возможности общественного контроля над самим экспертным советом*; 3) наполняемость официального сайта протоколами экспертных советов, а именно, наличие на сайте УФАС протоколов заседаний позднее 2017 г.; этот показатель демонстрирует *отношение регионального регулятора к возможностям информационного пространства*; 4) наличие в составе советов специалистов, способных на профессиональном уровне оценить наличие в рекламных образцах патогенных для здоровья и развития детей факторов, то есть специалистов в области педагогики, психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии по аналогии с требованиями к экспертам, установленными законодательством о защите детей от информации; этот показатель говорит об *отношении УФАС к качеству принимаемых решений и их научной обоснованности, всестороннему характеру и независимости*.

Исследование показало, что в 26% всех региональных УФАС не имеют таких экспертных советов. 6% официальных сайтов региональных УФАС не содержат протоколы заседаний экспертных советов, при том что сами советы организованы, и только 19% сайтов содержат протоколы заседаний экспертных советов, проводившихся позднее 2017 г. Выявлено, что только 32% действующих экспертных советов включают в свой состав специалистов в области психологии, педагогики, лингвистики, филологии и других смежных областей, то есть членов советов, способных оценить патологическое воздействие рекламной информации на детей. Включение указанных специалистов в состав совета определяет сам смысл его существования, а отсутствие их в совете указывает на формальный подход к организации экспертного совета (Таблица 3).

Таблица 3

Анализ данных о работе экспертных советов (по состоянию на 22.01.2021)

при УФАС во всех федеральных округах РФ

Федеральные округа	Число УФАС в Федеральном округе, в абс. ед.	Доля УФАС по округу, не имеющих экспертных советов, в % от числа УФАС в Федеральном округе	Доля УФАС по округу, сайты которых не содержат протоколы заседаний экспертных советов, в % от числа УФАС в Федеральном округе	Доля УФАС по округу, сайты которых не содержат протоколы заседаний экспертных советов, принятых позднее 2017 г., в % от числа УФАС в Федеральном округе	Доля УФАС по округу, экспертные советы при которых включают специалистов, в % от числа УФАС в Федеральном округе
Центральный	18	11	11	11	33
Северо-Западный	11	18	9	36	18
Южный	7	86	14	100	29
Уральский	6	17	–	33	33
Северо-Кавказский	7	71	14	14	0
Приволжский	14	14	7	21	36
Дальневосточный	11	18	9	36	36
Сибирский	10	20	20	20	60
В целом по РФ	84	26	6	19	32

Путем сложения показателей среди федеральных округов были определены округа-аутсайдеры с наименьшим числом экспертных советов, наибольшим числом выявленных фактов отсутствия протоколов заседаний советов и фактов отсутствия «свежих» протоколов, а также наибольшим числом советов, в составе которых нет специалистов, способных на профессиональном уровне оценить воздействие рекламной информации на детей. Ими оказались Южный и Северо-Кавказский федеральные округа. Они выделяются на фоне других не просто недостаточностью информации о работе экспертных советов, а показателем их отсутствия в общем количестве УФАС по округу. Так, в 85% УФАС Южного федерального округа (в 6 из 7) и в 71% УФАС Северо-

Кавказского федерального округа (в 5 из 7) вовсе отсутствуют экспертные советы. Возможно, это связано с недостатком контроля над УФАС в этих регионах со стороны центральной власти или с интенсивным действием жестких нравственно-этических норм в обществе на начальном этапе создания рекламы, препятствующих выходу рекламы, противоречащей этим нормам, в публичное пространство, то есть действием механизма неформального контроля, *эффективностью деятельности института гражданской активности.*

В практике реализации экспертного мнения при анализе спорной рекламной продукции среди федеральных округов выделяются и лидеры – УФАС, в которых используют ресурс экспертных советов при оценке рекламы и освещают их деятельность на официальном сайте: Центральный и Приволжский федеральные округа. Выделяется лидер по качественному составу экспертных советов – Сибирский федеральный округ. 60% экспертных советов при УФАС в регионах Сибирского федерального округа включают специалистов, компетентных в оценке патогенного воздействия рекламной информации на детей.

Результаты исследования качественных и количественных показателей эффективности работы экспертных советов при территориальных управлениях антимонопольного органа позволяют сделать вывод о слабой институционализации экспертизы рекламы, часто формальном отношении к работе и организации экспертных советов, недостаточности использования ресурсов общественного мнения, о закрытости процедур оценки рекламы. Факты отсутствия экспертных советов, *скудное информирование* об их работе, *ущербность их качественного состава*, их неукомплектованность, закрытость процедур онлайн-опросов говорят об *игнорировании* принципов объективности и обоснованности экспертной оценки и, в целом, о *невнимании к проблеме* обеспечения информационной безопасности детей, являющихся вынужденными потребителями рекламы.

Если в качестве двух целей распространения неэтичной рекламы принять привлечение внимания потребителя рекламы и избегание юридической

ответственности, то следует признать отдельный набор приемов и методов для каждой цели. Достижение первой цели осуществляется через *«экспрессивность и эмотивность»* нецензурной лексики и всех образованных от нецензурных слов языковых единиц». Вторая цель достигается через *«апперцептивность восприятия»* и *двусмысленность* коннотации, через соответствующую *паузацию, эфемизацию, метафоричность*, то есть использованием приемов маскировки, лишаящих правоохранителя возможности квалифицировать рекламный контент как непристойный и инкриминировать нарушение законодательства о рекламе.

Рискогенность рекламы в отношении детей увеличена за счет манипулятивной заданности рекламного контента и сосредоточена в директивной функции рекламного контента, его доступности детям в условиях открытости городского пространства, узнаваемости непристойного содержания в единой речевой и культурной среде, стереотипичности восприятия *«устоявшихся словесных конструкций»* за счет их *«устойчивости, повторяемости и повсеместности»*. Негативными эффектами рекламы для здоровья и развития детей признаются популяризация *«заниженных культурных стандартов»*, не критичность восприятия обценного контента, провокация через демонстрацию девиантного поведения.

В соответствии с принятой для анализа возможностей управления информационной безопасностью детей рискологической концепцией, структуры антимонопольной службы и членов экспертных советов можно отнести к субъектам управления, а участников рекламной индустрии – к субъектам риска. Управление рисками получения детьми вреда от рекламной информации со стороны экспертных советов выражается, подобно экспертизе информационной продукции, в идентификации и оценке вероятности вреда, осуществляемых на основе выявленных нами в ходе исследования критериев вредной рекламной информации. При сопоставлении этих критериев с критериями, установленными ФЗ № 436 в отношении информационной продукции, отмечается недостаточность первых, что опосредует *необходимость унификации критериев вреда*. Поскольку в целом деятельность ФАС аналогична по методам и

последствиям институту юридической ответственности, результат экспертизы рекламы задействует его ресурсы в виде санкций.

Итак, ресурсность экспертизы информационной продукции и рекламы заключаются в особых компетенциях по профессиональной диагностике вероятности и степени вреда и в полномочиях по недопущению и пресечению распространения информации, способной причинить вред. При этом экспертиза рекламы в отличие от экспертизы информационной продукции исключает управленческое воздействие на этапе создания информации. Кроме того, механизм защиты детей от вредной рекламы обладает рядом других отличий от экспертизы информационной продукции, определяющих специфику ресурсности данного типа экспертизы. Во-первых, это связано с меньшей институционализацией и нормативной устойчивостью и в отношении требований к членам экспертных советов, и в отношении критериев вреда, и в отношении организации самих советов. Поэтому в экспертной оценке рекламы может использоваться разнообразный социологический инструментарий обработки общественного мнения, а также в полной мере применяться принцип свободы оценки доказательств на основе *«своего внутреннего убеждения под руководством совести»*. Во-вторых, отсутствие финансовой связи с распространителем рекламы освобождает экспертное мнение от экономического давления, а отсутствие отношений должностной подчинённости с УФАС – содействует объективности выводов. Мотивы участников экспертных советов как субъектов управления в меньшей степени связаны с коммерческими или должностными, а потому снижен и управленческий риск по сравнению с институтом юридической ответственности. В-третьих, слабая институционализация экспертизы рекламы порождает произвольность, случайность, эпизодичность, спорадичность профессиональной оценки вреда от рекламы, рассогласованность и неоднородность функционирования этого механизма в пределах государства, что можно отнести к дисфункциям института экспертизы. При этом возможность трансмиссии (делегирования) ресурсов рассматриваемого субъекта детерминирована прочностью связей с иными

субъектами реализации информационной безопасности детства, прежде всего с институтом гражданской активности. Механизм экспертной оценки рекламы в отличие от экспертизы информационной продукции характеризуется устойчивой связью с гражданским обществом и меньшей зависимостью как от государства (члены экспертных советов не аккредитуются ведомством), так и от бизнеса (отсутствуют договорные рыночные основания экспертизы рекламы).

Вышесказанное подтверждает необходимость объединения экспертизы рекламы и экспертизы информационной продукции в один институт с интеграцией и преимством полезных свойств обоих порядков. Профессиональная диагностика риска, сила последствий приложения экспертного мнения, его востребованности и инициации характеризуют управленческий потенциал экспертного знания в системе управления информационной безопасностью детей.

2.3. Институт гражданской активности в сфере обеспечения информационной безопасности детей

Институциональная природа гражданского активизма заключается в характеристиках организации гражданского участия в управлении обществом как «эффективного и осмысленного диалога с властью»²⁷¹. Социальная потребность, лежащая в основе институционализации гражданского активизма, выражена стремлением, с одной стороны, ограничить произвол власти, а с другой – помочь власти в достижении общих целей, в поддержании равновесия, согласия и устойчивости при помощи координации социального действия. Гражданская активность представляется таким типом солидарности, который имеет в качестве источника консолидации мотивы, связанные с предотвращением определённых рисков, то есть тем, что охватывается термином «рисксолитарность»²⁷². В этом смысле гражданская активность в области

²⁷¹ Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

²⁷² Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3–35.

защиты детей от информации есть не что иное, как форма риск-солидарности, то есть солидарности жертв риска («общности людей, защищающих здоровье и безопасность природы и общества»²⁷³) как реакции на производство рисков от информации.

Гражданская активность как форма социальной интеграции людей для достижения социально значимой цели рассматривалась исследователями с различных позиций: как необходимый элемент демократического устройства; как показатель уровня жизни и образования граждан; как форма самоуправления и самоорганизации граждан; как вид противостояния государству, прежде всего, как протестная деятельность²⁷⁴; как явление гражданской культуры; как тип поддержки позитивных действий публичной власти и стимулирование реформ (Л.Ю. Грудцына)²⁷⁵; как феномен, обеспечивающий эффективную коллективную деятельность граждан в виде «социальных сетей» на основе единых ценностей для создания «социального капитала»²⁷⁶.

Формы гражданской активности обычно классифицируют в зависимости от направления: политическая активность, социальная помощь и общественный контроль. Законодательно допускается участие общественных объединений, некоммерческих организаций и граждан в осуществлении общественного контроля за оборотом информации, включая мониторинг оборота, например через создание «горячих линий». Общественный контроль за оборотом информации, осуществляемый общественными объединениями, некоммерческими организациями и гражданами, рассматривается как гражданская активность в системе реализации информационной безопасности детей.

²⁷³ Там же

²⁷⁴ Савельева Е.А. Гражданская активность в современной России: возможности концептуализации и эмпирического изучения: дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. 221 с.

²⁷⁵ Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 407 с.

²⁷⁶ Клягина А.А. Гражданская активность россиян в условиях современного политического процесса: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2012. 180 с.

Природа гражданской активности заключена в осознании гражданами необходимости своего непосредственного участия в управлении, в том числе в осознании недостаточности и ограниченности возможностей института юридической ответственности в целом и государственного контроля в частности, признание необходимости реформ, то есть, выражаясь в терминах принятой нами рискологической концепции, в идентификации, диагностике и оценке рисков. Институт гражданской активности рассматривается как один из субъектов в системе управления информационной безопасностью детей.

С целью анализа институциональных ресурсов и рисков гражданской активности, взаимосвязи этих рисков с ресурсами других институтов, в декабре 2020 г. был проведен *опрос* представителей общественных объединений и некоммерческих организаций, специализирующихся в области защиты детей и семьи, родительских объединений («комитетов», «собраний», союзов, «сопротивлений», ассоциаций), организаций, занимающихся профилактикой алкоголизма, табакокурения и наркомании, «укреплением морально-нравственных ценностей и популяризацией здорового образа жизни в российском обществе», а также патриотических объединений в разных регионах России.

Предполагалось, что выявление отношения участников гражданской активности к проблеме обеспечения информационной безопасности детей, описание стратегии их поведения в этом процессе, а также особенностей взаимодействия с другими субъектами управления позволит достичь обозначенной цели исследования.

В опросе приняли участие 103 представителя этих организаций. Генеральную совокупность составили заказчики экспертизы информационной продукции, отобранные на основе данных, указанных в текстах экспертных заключений, которые размещены на официальном сайте Роскомнадзора. Опрос предполагал вопросы, касающиеся законодательных пробелов и проблем правоприменения в области защиты детей от вредной информации, возрастной классификации, наиболее опасных видов информационной продукции,

взаимодействия с контролирующими органами, экспертизы информационной продукции, деятельности в этом направлении самой организации, интеграции усилий участников гражданской активности.

Результаты исследования показали, что главной целью обращений НКО и иных представителей гражданской активности в контролирующие, надзорные, правоохранительные органы или суд выступает привлечение к ответственности распространителей информационной продукции, содержащей вредную информацию (31,1%), и распространителей ненадлежащей рекламы (18,4%). При этом треть опрошенных указала на отсутствие результатов по их жалобам (жалоба отклонена), пятая часть опрошенных сообщила, что информация была признана запрещенной и изъята из информационного пространства.

Причинами отсутствия результатов по обращениям более половины респондентов назвали недостатки законодательства, регулирующего отношения в информационной сфере, другая часть опрошенных – проблемы правоприменения. Среди ответов имеют место и такие как: «долгое разбирательство рассосало проблему», «отказ ведомства в связи с отсутствием правовой нормы», «мы привлекли внимание к проблеме».

Основными проблемами законодательства в области защиты детей от информации, по мнению общественников, являются: размытость критериев вредной информации (40%); отсутствие ответственности родителей (или лиц, их заменяющих) за потребление детьми вредной информации (30%); изъятие рекламы из сферы действия ФЗ «О защите детей от информации...» (22%). При этом подавляющее большинство (около 80%) из назвавших главным недостатком выведение рекламы из регулирующего действия ФЗ № 436 отметили, что добиваются результатов по обращениям к государственным органам. Это может указывать на несколько лучшее состояние в области общественного контроля за ненадлежащей рекламой по сравнению с контролем за оборотом иной информации, что, возможно, связано с механизмом оценки рекламы, исключаящим финансовую зависимость от заказчика.

С учетом того, что большая часть организаций, чьи представители участвовали в опросе, – это родительская общественность, высокий процент опрошенных, указавших на недостаточность юридической ответственности родителей, может свидетельствовать об осознании такой ответственности и готовности нести её. Отсутствие коммерческих интересов, бескорыстные мотивы респондентов, альтруизм можно отнести к ресурсам института гражданской активности. Устойчивость и сила мотивов представителей института гражданской активности есть важный показатель его ресурсности.

Среди общих проблем обеспечения государством информационной безопасности названы: узкий спектр контролируемых функций в отношении оборота информации (47%); недостаточно строгие меры ответственности распространителей информации (40%); отсутствие единого контролирующего органа (9%).

Наиболее опасной для детей информационной продукцией представители общественности признают информацию, размещаемую в сети интернет (70% опрошенных), за ней по степени опасности следуют компьютерные игры (14%), телевидение, включая кабельное (8%) и видеопродукция в виде кинофильмов, мультфильмов, видеороликов, музыкальных клипов (6%).

Более половины опрошенных указали на необходимость расширения перечня возрастных категорий и добавление новых, например «10+» (24%), «14+» (16%), «3+» (15%); необходимость сокращения числа возрастных категорий отмечают 7% опрошенных.

Интересно то, что подавляющее большинство участников, обращавшихся за экспертизой информационной продукции, делали это менее пяти раз в год, и при этом 40% не удовлетворены результатами экспертизы, а 35% – частично удовлетворены. 60% *считают её стоимость завышенной*. Редкость случаев обращения за экспертизой может указывать на *проблемы, связанные с платностью экспертизы*. Обращает на себя внимание факт совпадения доли общественников, считающих тарифы на экспертизу завышенными, и доли опрошенных экспертов, считающих тариф на свои услуги оптимальным. Это с

большой вероятностью указывает на *дисбаланс спроса и предложений экспертных услуг и неэластичность спроса*. Такие результаты вновь указывают на дефекты принятой в России *модели экспертной оценки медиапродукции, которая подобна бизнесу по продажам доказательств вредности (или безвредности) контента*.

Среди мер, требующихся для повышения эффективности регулирования информационной среды, участники опроса почти в равных долях назвали строгое ограничение доступности интернет-ресурсов для детей, установку систем предварительной автоматической фильтрации контента на всех устройствах, транслирующих медиасигнал. Десятая часть опрошенных одобряет наделение общественных организаций большими полномочиями. Подавляющее большинство опрошенных считают необходимым создание единой общенациональной структуры общественного (гражданского) контроля. В качестве основных полномочий данной структуры больше половины отметили осуществление предварительной оценки информационной продукции, пятая часть опрошенных – участие в принятии государственными органами решений по вопросам обеспечения информационной безопасности детей. *Запрос на интеграцию сил гражданской активности в форме единой общенациональной структуры связан с пониманием необходимости единой платформы для выражения и донесения общественного мнения, оформления и признания гражданской активности в качестве фактора информационной политики*.

Результаты опроса представителей общественных организаций, чья деятельность направлена, в числе прочего, на защиту детей от негативной информации, показали их отношение к проблеме, выявили уязвимости существующей законодательной и правоприменительной ситуации. Катализатором гражданской активности представляется признание гражданами неэффективности института юридической ответственности для достижения цели защиты детей от вредной информации, понимание бессилия правоприменительных ограничительных механизмов в отношении интернет-контента в сочетании с дефектами порядка экспертизы, осуществляемой на

рыночной основе. Иными словами, фактором гражданской активности выступает осознание гражданами дефектов институтов юридической ответственности и экспертизы.

Объединение структур гражданской активности способствует увеличению управленческого потенциала данного института и обеспечивается, в частности, за счет развития технологий коммуникации (средств аккумуляции мнений и формулирования позиций). Это является тенденцией к увеличению ресурсности данного института, обусловленную технологическим развитием.

Исследование практики института гражданской активности требует рассмотрения каналов и механизмов взаимодействия с государственной властью. К посредникам между публичной властью и участниками гражданской активности можно отнести Уполномоченного по правам ребенка. Его специфика обусловлена особенностями деятельности и полномочий, имеющих общие признаки как с институтом гражданской активности, так и с институтом юридической ответственности, особенно в отношении финансовых основ деятельности²⁷⁷. Уникальность статуса детского омбудсмена заключена в двойственности. Генезис института омбудсменов указывает на его происхождение из среды гражданской активности²⁷⁸. Законодательно установленные полномочия детского омбудсмена корреспондируют с обязанностями должностных лиц предоставлять по его запросу необходимые сведения, документы и материалы, а также безотлагательно принимать его в случае посещения.

Подобно деятельности субъектов гражданской активности, деятельность Уполномоченного характеризуется принципами независимости, инициативности, гуманности, открытости и доступности. Особо следует выделить возможность «привлекать для выполнения экспертных и научно-аналитических работ в области защиты прав и законных интересов детей

²⁷⁷ Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27.12.2018 № 501-ФЗ

²⁷⁸ Ржевская Л.В. Институт уполномоченного по правам ребенка: опыт России и зарубежных стран// Юридический мир. 2010. № 8. С. 41–45.

научные и иные организации, а также ученых и специалистов, в том числе на договорной основе».

Согласно данным официального сайта Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в настоящее время в «целях эффективного взаимодействия с институтами гражданского общества в сфере охраны семьи, материнства, отцовства и детства» при Уполномоченном функционирует Общественный совет. Задачами совета являются оказание Уполномоченному содействия по координации деятельности и осуществлению независимого контроля со стороны субъектов гражданского общества, научного сообщества, средств массовой информации, религиозных конфессий и бизнес-сообществ, а также изучение, распространение и обобщение положительного опыта участников совета. Эти задачи реализуются путем проведения общественной экспертизы проектов нормативных актов, мониторинга законодательства, подготовки предложений, оценки эффективности деятельности госорганов, оценки проектов, реализуемых Уполномоченным, подготовки рекомендаций. Институт Уполномоченного представляет собой центр консолидации ресурсов института гражданской активности, юридической ответственности и экспертизы²⁷⁹.

В целях уточнения отмеченного значения Уполномоченного в системе управления информационной безопасностью детей предпринят анализ ежегодных докладов. В докладах о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2019, 2020 и 2021 гг. содержится его отношение к проблеме деструктивного контента, требующей «эффективных алгоритмов действий, законодательных инициатив, срабатывающих на опережение в вопросах защиты прав ребенка»²⁸⁰.

Федеральный уполномоченный вносил предложения о создании межведомственной рабочей группы по выработке алгоритма работы с

²⁷⁹ Полянина А.К. Синергия государственного регулирования и гражданской активности при обеспечении информационной безопасности детей// Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 53–66.

²⁸⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2020 год. [Электронный ресурс]. URL:<http://deti.gov.ru/documents/reports>;
Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 год. <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/August2022/OucV7OrXsDXyb6xBrHFF.pdf>

несовершеннолетними – участниками блокируемых групп или сайтов в сети Интернет, алгоритма информирования родителей о нахождении детей в опасных группах, передачи информации в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав для оказания помощи ребёнку и семье; о выявлении и автоматическом блокировании «сайтов-зеркал», появляющихся на месте заблокированных сайтов; о разработке и внедрении технических мер, направленных на превентивное ограждение любых российских пользователей сети Интернет от опасной информации; об определении органа государственной власти, осуществляющего социальную, психологическую, педагогическую экспертизы безопасности настольных, компьютерных и иных игр, игрушек и игровых сооружений для детей; о создании системы мониторинга трафика в сети Интернет; об ограничении доступности онлайн игр и стриминговых сервисов. В частности, отмечаются проблемы «использования детьми гаджетов в школе», платности программных продуктов (родительский контроль), ограничивающих доступ детям к деструктивной информации, порядка предоставления доступа в интернет с мобильного устройства, предполагающего «по умолчанию» считать всех абонентов несовершеннолетними с применением специальных фильтров, верификации пользователей социальных сетей, уточнения разграничений полномочий государственных органов в сфере защиты детей от вредной информации.

В контексте интеграции ресурсов субъектов реализации информационной безопасности детства и, в частности, проблемы сочетаемости ресурса юридической ответственности и ресурса института семьи интересно упоминание Уполномоченным опыта Китая, где введена обязательная процедура подтверждения личности игроков в онлайн-видеоиграх через использование государственной системы подтверждения личности и соответствующее ограничение времени проведения ребенка за онлайн-видеоиграми (от полутора до трех часов в сутки). Однако применение данной меры в России блокируется принципиальным приоритетом родительского воспитания и презумпцией добросовестности родителей, а поэтому такая мера может рассматриваться как

ограничение родительских прав. Данное уточнение Уполномоченного как нельзя лучше *демонстрирует все тот же конфликт частного и публичного, присущий «информационному обществу», коллизию ресурсов института юридической ответственности и ресурсов института семьи в системе управления информационной безопасностью детства.*

В рамках настоящего исследования был осуществлен комплексный качественно-количественный анализ текстов ежегодных докладов уполномоченных по правам ребенка (далее – «УПР») во всех субъектах России, проведенный на основе данных их официальных сайтов. Исследование предполагало анализ текстов докладов и качественный анализ результатов деятельности уполномоченных за 2019 г. и 2020 г. Сроки исследования: декабрь 2020 г. – июнь 2021 г. Исследованием охвачено 152 текста, каждый из которых имеет объем от 29 до 355 страниц. Следует отметить, что в расчет количественных параметров брались данные из докладов за 2019 г. и 2021 г., а не за 2020 г. в связи с экстраординарным влиянием пандемии на статистические данные.

Среди значимых параметров, подлежащих количественному определению, взяты: 1) доля обращений к УПР в процентном отношении к численности населения региона как показатель его востребованности населением при обеспечении прав и интересов детей, защитника и помощника; 2) доля обращений к УПР со стороны гражданского общества, в том числе граждан в процентном отношении к общему числу обращений к УПР, демонстрирующая интенсивность кооперации со структурами гражданского общества, а также информированность граждан о положительных результатах деятельности УПР; 3) доля обращений по теме «Информационная безопасность детей» в процентном отношении к общему числу обращений к УПР, что указывает на общее значение этой проблемы для населения региона.

В качестве параметра оценки деятельности УПР значится и наличие (отсутствие) самого доклада, доступного для всеобщего ознакомления в сети Интернет, а также место данных о результатах деятельности по направлению

информационной безопасности детства в самой структуре доклада. Этот параметр свидетельствует о соответствии деятельности принципам открытости и гласности. Выявлено, что 18% официальных сайтов уполномоченных в субъектах РФ не содержат докладов.

Менее чем в половине докладов статистический анализ обращений к УПР содержит спецификацию по теме «Информационная безопасность детей», и только в докладах семи региональных УПР выделен специальный раздел, посвященный этой теме. Сведения о работе в этом направлении могут содержаться в других разделах, таких как «Безопасная среда», «Профилактика суицидального поведения», «Право на защиту». Унифицированные требования к структуре доклада отсутствуют. Однако полагаем, что наличие самостоятельного раздела, посвященного информационной безопасности детства, указывает на внимание УПР к данной проблеме, признание её достойной выделения и значимой наряду с другими, такими как социальное сиротство, преступления несовершеннолетних и т.д. В половине докладов вовсе не обнаружены сведения о мерах по решению проблемы информационной безопасности детей в регионе.

В целом средний показатель востребованности института регионального уполномоченного по права ребенка, выраженный через отношение числа всех обращений к численности населения региона, составляет 0,07%. Это, в сравнении с показателем обращений к основному государственному регулятору в информационной сфере – Роскомнадзору, меньше всего на 0,03%, что указывает на их почти равную востребованность у населения. При этом, если из общего числа обращений к ведомству исключить те, которые не были по различным причинам рассмотрены ведомством, то останется 109700 обращений, что по отношению к численности населения РФ составляет те же 0,07%. Можно предположить, что все обращения, не получившие удовлетворяющего заявителя результата, были направлены на рассмотрение уполномоченному как к «последней инстанции», способной решить проблему. Отсюда можно заключить, что *рост востребованности Уполномоченного связан с ростом числа*

отклоненных органами власти обращений или с признанием населением УПР особым органом власти.

Качественный анализ предполагал изучение содержащихся в докладах данных о мерах по обеспечению информационной безопасности детей, предпринимаемых Уполномоченным, и выдвигаемых им предложениях и рекомендациях органам власти. Как и деятельность Уполномоченного в любом другом направлении, практика содействия обеспечению информационной безопасности детей в регионе представлена в восьми формах, а именно: 1) мониторинг; 2) посредничество; 3) формулирование мнения и предложений; 4) организация социальной интеграции или формирование сообществ; 5) просвещение; 6) экспертиза; 7) исследования и опросы; 8) использование инновационных технологий коммуникации.

Мнения Уполномоченных по правам детей в регионах России в отношении решения проблемы информационной безопасности детей основываются на результатах мониторинга, статистических данных о девиантном, преступном и суицидальном поведении несовершеннолетних, а также на результатах анализа обращений к УПР по этой теме. Обобщив их, можно выделить следующие узловые направления рекомендаций и замечаний: признание ключевой роли родителей и, соответственно, их *ответственности за создание безопасной информационной среды*, «благоприятный информационный климат», особенно в условиях распространения феномена *«инфантильного родителя»*, подводит к необходимости «на регулярной основе проводить апгрейд знаний родителей о новых возможностях сети и опасностях»; *доступность* для детей интернет-контента является сегодня главным фактором суицидального поведения и психических отклонений; «не наполненное развивающей деятельностью время ребенка есть условие информационной опасности – *свободное время* ребенка, особенно каникулы»; особое значение имеет проблема *верификации* несовершеннолетнего в социальных сетях, а также *персонификации владельца* интернет-ресурсов, особенно находящихся за пределами РФ; «требуется глобальные меры, направленные на *техническую невозможность* получения

деструктивной информации»; требует пересмотра *принцип равенства информационных свобод* детей и свобод взрослых; предотвращение замены «всемирной сетью реальной жизни» ребенка, возможной благодаря привлекательности и беззатратности популярности среди своих сверстников через демонстрацию жестокости и насилия, а также *легкости, обеспечиваемой техническими возможностями* безостановочного тиражирования и пересылки; необходимо решить проблему платности экспертизы; требуется ужесточение ответственности лица, организующего доступ к информации, существующий размер санкций не *может служить средством превенции* правонарушений, в отношении *пользователя* – за распространение запрещенного контента, а в отношении *эксперта* – «за недостоверную экспертизу»; приобретает значение «создание алгоритма отработки случаев влияния на детей деструктивной информации в соцсетях» и «внедрение киберпсихологии в региональную модель медико-социального и психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса». И, наконец, «в целях преодоления рассогласованности действий необходимо определить единый государственный орган, имеющий полномочия в области обеспечения информационной безопасности детей», а также разработать *формы общественно-государственного партнерства*, содействующие определению «единых правил анализа контента и принятия обоснованных классификационных решений».

Просветительская деятельность региональных уполномоченных в области информационной безопасности детства реализуется в виде организации различного рода семинаров, круглых столов, практических занятий, разъяснительной работы с родителями о необходимости установки контент-фильтров, создания и распространения материалов, памяток, социальной рекламы в транспорте, реализации телепроектов.

Среди наиболее активных форм деятельности УПР по направлению информационной безопасности детей выделяется *содействие интеграции* форм гражданской активности и появление волонтерских движений по выявлению в

интернете запрещенного контента и его пресечению (так называемые кибердружины или медиапатруль).

Распространенной практикой оценки контента, послужившего поводом для обращения к УПР, является привлечение *экспертного мнения* либо на основе договора с аккредитованным экспертом, либо через организацию специальной структуры при УПР – экспертного совета, функционирующего на общественных началах. Оценка информационной продукции осуществляется экспертными советами не только в связи с обращениями граждан, но и по запросам государственных органов, представляя собой «основные обвинительные материалы»²⁸¹. Привлечение аккредитованных экспертов пока является уникальным опытом, ставшим возможным благодаря финансированию в рамках региональной государственной программы «Безопасный регион».

Выделяется и исследовательская деятельность Уполномоченных, в частности направленная на выявление информированности граждан о средствах защиты детей от вредной информации, а также о применении механизмов автоматической фильтрации сети Интернет в семейной среде и соответствующих программ на устройствах ребенка; определение характеристик *пользовательской активности* детей в социальных сетях и установление личности детей, состоящих в деструктивных группах; выявление мотивов и интенсивности пользовательской активности в деструктивном сегменте, музыкальных предпочтений как «маркеров серьезного психологического неблагополучия подростка»²⁸²; рейтингование популярности интернет-ресурсов у подростков.

Таким образом, исследование выявило основные характеристики Уполномоченного по правам ребенка в системе института гражданской активности. Преимущество статуса Уполномоченного как субъекта управления информационной безопасностью детства заключается в исключительной возможности анализа обращений граждан (особенно тех, которые не получили

²⁸¹Официальный сайт УПР в Хабаровском крае. [Электронный ресурс]. URL:<https://deti.khv.ru/images/2019-Doklad%20UPR-.pdf>

²⁸² Официальный сайт УПР в Саратовской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://дети-саратов.рф/>

поддержки в органах власти), формулирования на их основе выводов и «доставка» общественного мнения органам власти. Уникальность Уполномоченного, как подчеркивает и сам федеральный Уполномоченный, заключается в возможности *«оперативно оказывать помощь в решении вопросов во взаимодействии с органами власти и гражданским обществом, а также «аккумулировать в своих руках актуальную повестку сферы детства», «не входя ни в одну из ветвей власти».* *Оперативность реакции* как важная характеристика ресурсности Уполномоченного, таким образом, детерминирована *слабостью его институционализации*, независимостью от строгой структурности и бюрократической подчиненности вместе с сохранением в деятельности начатков *экспериментальности и спонтанности.*

Если смотреть на социальный институт как на «упаковку» социальных процессов, то институт гражданской активности в области защиты детей от вредной информации можно понимать как «упаковку» процессов солидаризации людей и координации деятельности в ответ на риски здоровью и развитию детей со стороны информационной сферы. Специфика ценностей и норм как базовых институций применительно к гражданской активности выражена в непосредственности происхождения и тесной связи с мотивацией участников. Гибкость ролевых и агентских позиций участников гражданской активности в контексте условий сетевого общества является важным ресурсом. Осмысленное и бескорыстное общественное участие перестало интерпретироваться как сугубо маргинальная деятельность²⁸³ и, подкрепляемое развитием сетевых технологий, выходит на качественно новый уровень.

Итак, к институциональным ресурсам гражданской активности по защите детей от вредной информации можно отнести гибкость организации, оперативность реакции, альтруистичность мотивов участников. Институциональные риски представлены слабостью экономической основы гражданского активизма. Также к институциональным рискам можно отнести

²⁸³ Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база// Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

объективную организационную разобщенность форм активности, подверженность «огосударствлению» и должностной формализации (на примере УПР).

Сопоставление результатов этого исследования и результатов опроса представителей гражданской активности демонстрирует единство в отношении к вопросам *интеграции сил и партнерства* при решении проблемы информационной безопасности детей как общий тренд. Пределы государственно-правового регулирования, вытекающие из морфологического несоответствия алгоритма государственного реагирования интеракциям в публичном информационном пространстве, указывают на необходимость привлечения ресурсов субъектов, с одной стороны прямо заинтересованных в безопасности детей, а с другой – не связанных рамками статусно-ролевой структурности. Синергетичность системы управления информационной безопасностью детей как «согласованное внутреннее и внешнее взаимодействие и изменение с использованием энергий (*ресурсов*) в процессе достижения общей цели»²⁸⁴ обеспечивается технологическим развитием коммуникаций.

2.4. Межстрановый анализ систем регулирования оборота информации в целях защиты детей

Глобальный характер развертывания информационных технологий поднимает вопросы, которые ранее всецело решались в рамках национальной политики, и требует компаративистского анализа имеющихся типологий, сходств и различий, обусловленных культурными, экономическими, этническими, политическими и иными факторами исторического развития стран. Новый тип цивилизации, формируемый под воздействием новейших медиатехнологий, характеризуется противопоставлением триггеров нового информационного порядка инерции традиционных культур.

²⁸⁴ Сафаров И.Ш. Философско-эстетические аспекты творчества: Синергийный подход: дис. ...канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2001. 188 с.

Проблематизация информационной безопасности детства на международном уровне предполагает диагностику процессов и факторов формирования систем и подходов к информационной безопасности детей за рубежом, открывает диапазон используемых инструментов соответствующих социальных институтов и позволяет оценить возможность их применения в России²⁸⁵.

Исследование зарубежных подходов к регулированию информационной сферы с целью защиты подрастающего поколения часто ограничивается перечислением средств, технологий и процессов, используемых в разных странах для ограничения оборота контента. Обеспечение защиты детей от нежелательного контента является частным случаем регулирования медиа как социальной практики, а фильтрация интернет-контента, в свою очередь, выступает частным случаем обеспечения защиты детей.

Предпринятый межстрановой анализ практик защиты детей от вредной информации сосредоточен на изучении, во-первых, имеющихся моделей нормативизации медиа (взаимоотношения СМИ и государства), типов регулирования, во-вторых, механизмов фильтрации вредного для детей контента, включая интернет-контент, и, в-третьих, основных подходов к формулированию вредной для детей информации. На основании сопоставления этих факторов и имеющейся типологизации регулирования оборота информации выделяются существующие в мире *укрупненные стандартизированные системы обеспечения информационной безопасности детей*.

Классические подходы к взаимодействию СМИ и государства описываются авторами в различных категориях в зависимости от целей и поэтому используют различный концептуальный аппарат. При этом общие принципы взаимодействия СМИ и государства формулировались на основе сопоставления социально-политических структур с противопоставлением дискурсов «Консервативного» и «Либерального» как маркеров «развитых» и

²⁸⁵ Полянина А.К. Модели регулирования медиа: компаративистский анализ// Социодинамика. 2021. № 12. С. 1–7.

«развивающихся» обществ. Ранние «теории прессы» связаны с описанием функционала медиа в контексте политической системы общества, степени свободы субъектов медиаиндустрии, которой и определяется набор социально-политических условий деятельности²⁸⁶. В рамках этих исследований модели регулирования медиаиндустрии дифференцированы в соответствии с представлениями о демократизации социальных практик по реализации информационных свобод в разных регионах мира и названы в соответствии с регионами.

Значимыми для целей нашего исследования выступают выделяемые авторами факторы жесткости государственного регулирования СМИ. Среди них: степень политизированности общественных дискуссий («политического параллелизма»); степень профессионализации медиасообщества как возможности саморегулирования, выраженной автономностью и направленностью на служение обществу, не допускающей использование медиа в интересах каких-то политических групп (политический клиентизм (*political clienteleism*)) и коммерческих сил (*commercial instrumentalism*), когда владельцы объектов медиаиндустрии «становятся независимыми политическими игроками»²⁸⁷, а «политический баланс в репрезентации социальных интересов»²⁸⁸ ослабляется из-за эрозии профессиональной этики медиасообщества; степени «депилларизации» (*pillarization* – от слова *pillar* – столп, оплот; *pillars of society* – столпы общества) общества²⁸⁹ или ценностной аномии, обычно наблюдаемой через процессы секуляризации и консьюмеризации²⁹⁰.

Закономерно предположить существование связи между политическим параллелизмом и секуляризацией. Востребованность среди населения обсуждения политических тем и дискурсов, как и любая идейная ориентация,

²⁸⁶ Siebert F.S., Peterson T., Schramm W. Four Theories of the Press. Urbana, 1956. 153 p.

²⁸⁷ Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 360 p.

²⁸⁸ Там же

²⁸⁹ Там же

²⁹⁰ Там же

есть результат приверженности идеалам и ценностям. Там, где меньше параллелизма и больше консюмеризма, должна наблюдаться и большая секуляризация или «депилларизация». Многомерная глобализация указывает на *устаревание методологического национализма*, когда медиасистемы больше не связываются с национальными политическими системами, национальное государство перестает быть уровнем анализа, а национальная дифференциация моделей регулирования медиа ослабляется.

Параметры различения моделей взаимоотношения медиа и государства сосредотачиваются вокруг дуальности *произвола* (независимости) и *ответственности* субъектов информационных отношений – государства и медиа. Поэтому признание *субъектности медиа* (субъектом произволения) означает наделение их ответственностью и возможностью саморегулирования, добровольного внутреннего нормирования, автономии. *Инструментальный подход* к пониманию медиа как орудия выражения мнений, «голоса» народа, власти, класса, партии, бизнеса, обладающего высочайшим пропагандистским и манипулятивным потенциалом, снимает вопрос о субъектности медиаиндустрии и, соответственно, возможности саморегулирования. Таким образом, ядром саморегулирования медиаиндустрии выступает придание медиа черт, свойственных *сознательному субъекту*, например морали, совести как основания саморегулирования. Абсурдность саморегулирования медиаотрасли заключается в *невозможности контролируемого объекта играть роль контролирующего субъекта*, их цели не просто разнонаправлены, но противоположны. Поэтому эффективность механизма саморегулирования медиаиндустрии и добровольного самоограничения иллюзорна по своей природе, поскольку исключает *эндогенность морального регулирования*, воли. Избавление медиа от внешнего формального и неформального контроля через признание приоритета саморегулирования содействует монополизации ими каналов социализации.

Следует отметить, что новые медиа, особенно социальные сети, решительным образом нивелируют значение профессиональных качеств

журналиста как создателя медиатекста в общедоступном медиапространстве и девальвируют профессионализм как фактор типологизации регулирования медиасреды. Концепции регулирования информационной среды, предполагающие саморегулирование медиа и сорегулирование, утрачивают свою обоснованность именно в связи с феноменом исчезновения и деградации журналистики, а вместе с ней и её задачи «патронирования культурного плюрализма»²⁹¹. Функционирование медиаиндустрии в «бизнес-режиме» ориентирует её в направлении удовлетворения спроса на девиантный («горячий») и обценный контент как высокодоходный. Коммерциализация организации и функционирования медиа обостряет конфликт интересов социальных групп. Как справедливо отметил глава Российской ассоциации электронных коммуникаций на Петербургском международном экономическом форуме в 2019 г., государство пытается возложить на медиабизнес несвойственную ему роль арбитра в ходе оценки контента на предмет вреда детям.

Разработка глобальной типологизации моделей регулирования медиаиндустрии, поиск универсализмов нуждается в описании факторов динамики регулирования инфосферы в социальных системах с различными «режимами истины», то есть в системах, инспирированных особым ценностным фундаментом или его разложением²⁹².

Регулирование информационного пространства с целью обеспечения информационной безопасности детства, как и отмечалось выше, есть частный случай регулирования медиасреды, но с акцентом на оценке контента, опасного для детей. Следует отметить малочисленность предлагаемых авторами универсальных подходов и межстрановой типологизации этих систем. Сегодня существуют разнообразные форматы рейтингования стран по уровню «свободы

²⁹¹ Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: зап. теории и концепции: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 175 с.

²⁹² Полянина А.К. Межстрановая типологизация систем фильтрации контента// Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 123–127.

интернета», и даже соответствующие карты²⁹³. Например выделяются предлагаемые исследователями Фонда развития гражданского общества культурно-страновые модели фильтрации контента в интернете, которые, полагаем, можно распространить и на иные медиаканалы помимо интернета. На основании схожести задач, доводов и инструментов, которые страны используют для обоснования вмешательства в интернет, все существующие системы сводятся к пяти: Азиатская модель, Ближневосточная модель, Рестрикционная модель, Континентальная модель и Либеральная модель²⁹⁴. Анализ этих типов систем позволил сформулировать универсальные параметры моделей фильтрации контента, которая осуществляется в целях защиты детей. А именно: четкость формулирования критериев вреда от информации; значение коллективизма (национального единства) как ценности, «вес» этой ценности в обществе; принятый в обществе статус государства – патернализм или «партнерство»; значимость религиозного фактора; значимость свободы доступа к информации как базового права; степень консенсусности в отношении тематики контента, степень чувствительности (уязвимости), число «болевых точек» общества, определенных тем контента: религия, расизм, нацистская тематика и т.п.

При соотнесении этих параметров с критериями вышеназванных моделей регулирования медиа выделяется *общий значимый признак – степень политизированности медиатекстов, восходящей к идеологии и пилларизации*, или, иначе говоря, к ценностным ориентациям. Поэтому оценка имеющихся в распоряжении науки исследований ценностей может не только служить проверкой представленных моделей и теорий, но и обозначить *взаимосвязь динамики системы ценностных ориентаций с тенденциями технологий регулирования медиаиндустрии в целях защиты детей от информации*. Для это

²⁹³ Свобода интернета 2019: план «Крепость». Совместный доклад Агоры и Роскомсвободы. [Электронный ресурс]. URL:<https://2019.runet.report/>

²⁹⁴ Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики/ Фонд развития гражданского общества. [Электронный ресурс]. URL:<http://civilfund.ru/research/3>. Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе// Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН, 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 86–102.

считаем возможным использовать результаты многолетнего масштабного интернационального исследования Всеобщего обзора ценностей (World Values Survey, WVS). Соотнесение данной ценностной типологии стран²⁹⁵ с моделями фильтрации контента позволит найти общие параметры систем обеспечения информационной безопасности детства.

На основании отношения респондентов исследуемых стран к удовлетворению витальных потребностей и к религиозным ценностям страны были распределены в соответствии с диаграммой (диаграмма Инглхарта–Вельцеля). Лейтмотивом рефлексии результатов исследования является обоснование связи между выраженностью в стране ценностей самовыражения и уровнем её благосостояния, а также выявление закономерности перехода от Традиционных к Секулярно-рациональным ценностям в ходе *повышения благосостояния страны* и в дальнейшем переход от ценностей Выживания к ценностям Самовыражения в форме отказа от авторитетов и ориентации на личностную автономность, повышения толерантности и межличностного доверия. Это дало основание другим исследователям сгруппировать всех респондентов в три класса²⁹⁶ в соответствии с источниками их активности: потребностью в авторитете и внешнем управлении или самомотивацией.

Для оценки значимости ценностных (идейных) оснований фильтрации контента в целях защиты детей сопоставим позицию конкретной страны на диаграмме Инглхарта 2020 года²⁹⁷ с принципами функционирующего там механизма защиты детей от вредной информации. Гипотетически, применяя выделенные нами универсальные параметры, характеризующие особенности регулирования информационного оборота с целью защиты детей, к представителям ценностных типов Инглхарта, можно предположить, что для

²⁹⁵ Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS) 2017–2020 гг. Ассоциации по исследованию мировых ценностей (WVSA). [Электронный ресурс]. <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

²⁹⁶ Магун В.С., Руднев В.Г. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта// Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3–4. С. 12–24.

²⁹⁷ Naerpfher C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020. World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEventsShow.jsp?ID=362>

группы стран «Высокий традиционализм (религиозность) и стремление к «Выживанию» (безопасности)» свойственны размытые формулировки вредной информации (при отсутствии конфронтации, социального конфликта по поводу понимания вреда), коллективизм, патернализм, высокая консенсусность (нет дискуссий по поводу вреда) и, соответственно, предварительная цензура (возможно, формализованная в виде законов) на основе религиозных норм.

Группе «Секулярные ценности и ценности самовыражения», напротив, соответствуют индивидуализм, четкие формулировки вреда (во избежание расширительного толкования и привлечения к ответственности медиабизнеса); точечная нацеленность на исключения только особо опасного контента (например детской порнографии); «партнерство с государством» (гражданский договор вместо патернализма); слабый консенсус в понимании вреда детям от информации; самоцензура (саморегулирование) на основе однозначно вредного контента, одновременно являющегося преступлением в соответствии с законодательством.

Официальный статус порнографии как разрешенного или запрещенного для распространения контента рассматривается также в качестве значимого параметра отнесения к группе.

Итак, яркими представителями первой группы стран, и при том имеющими начала системы информационной безопасности детей, выступают Индия, Турция, Узбекистан, Южная Африка, Грузия. Логично предположить, что для стран, относимых авторами Всемирного обзора ценностей к приверженцам традиционных ценностей, характерна предварительная цензура на основе религиозных догматов, свойственная Ближневосточной и Рестрикционной моделям фильтрации интернет-контента. Помимо действия религиозных норм как идейной основы фильтрации контента, законодательство большинства этих стран содержит прямое указание на возможность ограничения оборота. Например, в Саудовской Аравии для владельцев интернет-ресурсов требуется получение лицензии, граждан активно призывают сообщать об «аморальном» контенте с помощью веб-формы жалобы на сайте госорганов в целях

«сохранения наших исламских ценностей, предотвращения материалов, которые противоречат нашим убеждениям или могут повлиять на нашу культуру»²⁹⁸. В Иране ограничения свободы выражения мнения в публичном пространстве прямо предусмотрены конституцией (ст. 24 Конституции Исламской республики Иран). Расплывчатость категорий вредного контента, полагают авторы типологии интернет-фильтрации, позволяет властям блокировать практически любую информацию по своему усмотрению. Провайдеры обязаны получать лицензию, а пользователи – не посещать «антиисламские сайты». В числе условий предоставления провайдерам лицензии значится установка системы фильтрации по списку веб-страниц, предоставляемому государством. Скорость трафика лимитируется для домохозяйств в 128 Кбит/с, что облегчает нагрузку на систему фильтрации. Вредным контентом однозначно признается порнография, реклама или демонстрация наркотиков и алкоголя, сайты знакомств, материалы по половому просвещению, ЛГБТ-сообщества, азартные игры. В подавляющем большинстве стран этой группы создание, хранение и распространение порнографии запрещено.

Можно констатировать *совпадение ценностного типа стран* первой группы с предлагаемыми выше моделями фильтрации контента.

На противоположном полюсе располагается вторая группа – «Секулярные ценности и ценности самовыражения», наиболее яркими представителями которой, исходя из данных карты Инглхарта, являются Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, Нидерланды, Германия. Эти данные предположительно должны совпадать с Либеральной моделью фильтрации, которая описывается через отсутствие централизованной системы фильтрации и развитость демократических свобод. Однако авторы относят к ней США, Бразилию и Японию, которые имеют значимые ценностные различия как между собой, так и по отношению к вышеназванным представителям второй ценностной группы. Такое несовпадение можно объяснить тем, что при отнесении страны к той или

²⁹⁸ Zittrain J., Edelman B. Documentation of Internet Filtering in Saudi Arabia. Berkman Center for Internet & Society Harvard Law School, 2005.

иной модели фильтрации интернет-контента в расчет брались законодательные установления, например Первая поправка к конституции США, а не эмпирические данные. В действительности практика регулирования информационного пространства может сочетаться с сильным неформальным социальным контролем, определяемым ценностными ориентирами. Среди однозначно вредного контента в этой группе стран значится и детская порнография, при том что «взрослая» порнография законом не запрещается в большинстве стран этой группы. Самоконтроль, саморегулирование и самоцензура характеризуют технологию фильтрации контента в этих странах.

В Дании и Швеции установлен один из самых низких возрастных пределов для взрослых фильмов – 15 лет. В Дании присутствие взрослых позволяет демонстрировать фильм «для взрослых» и ребенку 7 лет²⁹⁹. На родине конституционного гарантирования свободы печати (с 1766 года) – в Швеции – действует Совет по СМИ, а контентом, вредным для детей, признается не столько наличие сцен, связанных с сексуальными отношениями, сколько наличие сцен с насилием или выражением ненависти, с так называемым «языком вражды» по отношению, например, к социальным меньшинствам (мигрантам, гомосексуалистам).

Следует отметить также ставшее классическим несовпадение подходов стран первой и второй групп в оценке значения вреда от сексуализированного контента и вреда от насилия. Так, гораздо больший вред от порнографии и демонстрации половых отношений признается среди стран первой группы, и, наоборот, в странах второй группы этот контент считается безобидным в отличие от насилия. Этот давно замеченный факт³⁰⁰ вполне сочетается с различиями в значимости религиозных норм при оценке информации, понимании греха и «скверны» в традиционных обществах. Свойственный этим обществам «иррационализм» (категория М. Вебера³⁰¹) определяет значение вреда в

²⁹⁹ Ефимова Л.Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт. М.: Юнити, 2013. 239 с.

³⁰⁰ Federman J. Media rating systems: A comparative review /The V-Chip Debate: Content Filtering from Television to the Internet. 1998. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. P. 99–132.

³⁰¹ Weber M. The Social and Economic Organization. Oxford, 1947. 436 p.

отношении «Идеальной», а не физической ипостаси человека, вреда его душе, в то время как демонстрация насилия может привести к насилию реальному и ущербу «физическому», то есть «Рациональному», имеющему значение в секулярном обществе. Иными словами, конкурирование вреда от двух кластеров контента, «Насилия» и «Секса», приводит к победе одного и подавлению другого, невниманию и снисхождению к нему³⁰².

К третьей группе стран со слабовыраженными признаками Секулярности и таким же слабовыраженным стремлением к безопасности (Выживанию вместо Самовыражения) на карте Инглхарта относятся Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Латвия, Литва, Эстония, Болгария. Однако лишь некоторые страны этой группы соответствуют странам так называемой Азиатской модели фильтрации интернет-контента, при этом Китай, Вьетнам, Сингапур, отнесенные к Азиатской модели, имеют сильные различия в ценностной ориентации по осям Инглхарта. Например, Вьетнам имеет наиболее выраженный Традиционализм и стремление к Самовыражению среди названных азиатских и европейских стран и скорее может относиться к четвертой группе стран. Среди особенностей Азиатской модели фильтрации названо расплывчатое определение категорий блокируемого контента, предоставляющее широкие возможности его интерпретации. Контентная фильтрация связана не с религиозным фактором, но с большим количеством актуализированных временем уязвимостей социума (расизм, военные конфликты, оппозиция) и с политической идеологией.

Выявленный контраст с данными карты Инглхарта можно связать с пренебрежением другими важными параметрами при её составлении, например с исторической ситуацией, а точнее, со скоростью и динамикой изменений социально-экономической ситуации, происходящими по-разному в этих странах. Так, изменения карты с 2017 г. по 2020 г. демонстрируют снижение секулярных ценностей, то есть рост религиозности, в странах Балтии и Китае при некотором увеличении значения ценностей Самовыражения. При этом изменение

³⁰² Leone R. Contemplating ratings: An examination of what the MPAA considers ‘too far for R’ and why// Journal of Communication. 2002. № 52(4). P. 938–954.

нормативных положений, ограничивающих информационный оборот, следует за изменением социальных параметров, но не происходит одновременно. Таким образом, действующие в странах системы фильтрации следует рассматривать как переходные,двигающиеся, и не обязательно в одном направлении. В странах этой группы если и действует, то лишь формальный запрет порнографии. Например, в Южной Корее подобный контент можно легко обнаружить в социальных сетях в свободном доступе.

Четвертая группа стран, граждане которых отличаются как религиозностью, так и стремлением к Самовыражению, представлена Польшей, Португалией, Израилем и частью стран Латинской Америки. Системы регулирования информационной сферы в этих странах сочетают черты таких систем в странах первой и второй группы. Из первой группы взяты формальное провозглашение свободы слова и запрет предварительной цензуры, а из второй – значимость религиозных идеалов при оценке информационной продукции. Для стран этой группы характерна последующая цензура по мотивам, в том числе, связанным с религией и моралью. Никакую из названных выше моделей фильтрации контента нельзя применить в отношении этих стран. Они образуют собственный подход к оценке контента на основе традиционно понимаемых норм общественной морали, а не коммерческих интересов правообладателей (авторское право) или политической идеологии. При этом наблюдается развитый формальный (законодательный) и неформальный (общественный) социальный контроль.

Страны данной группы по-разному подходят к регулированию порнографического контента, однако свободного оборота порнографии нет ни в одной из них, как нет и консенсуса по этому вопросу. Активно действуют общественные организации по противодействию свободному обороту порнографии и другого сексуализированного контента, например польская родительская ассоциация «Twoja Sprawa» («Твое дело»). В Израиле в 2016 году вступил в силу закон, запрещающий свободный оборот порнографических

материалов в Сети для всех, кто в письменном виде не уведомлял провайдера о разрешении доступа к ним.

В целом, при сопоставлении предлагаемых авторами моделей фильтрации контента и данных карты ценностей Инглхарта–Вельцеля наблюдается *недостаточность параметров* для отнесения страны к той или иной ценностной группе и вытекающих отсюда выводов. Горизонтальная ось на карте ценностей, призванная демонстрировать уровень благосостояния населения и соответствовать уровню религиозности, никак *не сказывается на общности качеств принятой* в странах системы контентной фильтрации. Поэтому полагаем, что лишь вертикальная ось карты ценностей, указывающая на значимость религиозных (традиционных) ценностей среди населения стран, может быть положена в основание градации этих систем и типологизации систем обеспечения информационной безопасности детей с опорой на ценностные (или идеологические) начала признания тех или иных категорий вреда от информации.

Условно поделив шкалу на четыре уровня, группируем страны следующим образом. Первый уровень представлен странами, население которых отличается приверженностью религиозным ценностям, а система защиты детей от вредной информации характеризуется предварительной централизованной системой фильтрации, отсутствием четких формулировок вредного контента, высокой *степенью социального консенсуса* по поводу общепризнанных категорий опасной для детей информации. Отмечается также стремление к национальной глокализации регулирования сети Интернет. Среди выделяемых нами социальных институтов, субъектов управления в большей степени задействованы *ресурсы семьи*.

Ко второму уровню относятся страны, население которых проявляет высокий уровень значимости религиозных ценностей в сочетании с признанием важности демократии. В этих странах (например Восточная Европа, США, Китай) действует законодательство, направленное на защиту детей от вредной информации, а также неформальный (общественный) контроль за

распространением информации, зачастую в форме ассоциаций родительской общественности или через не прямое воздействие государства. В качестве примера можно упомянуть деятельность рейтингового совета при Американской киноассоциации (Motion Picture Association of America, МРАА)³⁰³ или институт редакционного омбудсмана в Канаде. Формулировки категорий вреда от контента достаточно широки, наблюдается социальная конфронтация сторонников цензурирования информационного пространства и защитников свободы слова (либеральных ценностей), слабый общенациональный консенсус в вопросах регулирования СМИ и запрета порнографии. *Востребованы ресурсы института гражданской активности и экспертизы.*

Третий уровень представлен странами, которые можно причислить к Либеральной модели (например Западная Европа, Австралия) с выраженным саморегулированием медиаотрасли и децентрализацией контроля над информационным пространством, при том, что критерии вредного контента имеют четкие формулировки, и действует активный неформальный (гражданский) контроль. Примером служит работа Британского управления классификации фильмов (The British Board of Film Classification – BBFC) или ассоциации добровольного самоконтроля в киноиндустрии (Freiwillige Selbstkontrolle der Filmwirtschaft) в Германии³⁰⁴. *Порнография разрешена, за исключением «шокирующих общественную мораль» форм. Прежде всего, используется ресурсный потенциал института юридической ответственности без привлечения ресурсов семьи как субъекта контроля.*

И, наконец, четвёртый уровень представлен странами, где ярко выражен протест против моральных основ ограничения оборота информации, так называемый моральный нигилизм, и поэтому модель обеспечения информационной безопасности детей можно отнести к Ультралиберальной. Согласно ценностной карте, к этим странам относятся Дания, Швеция, Тайвань, Гонконг, Япония. Характерными чертами регулирования медиасреды с целью

³⁰³ Там же

³⁰⁴ The British Board of Film Classification – BBFC. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL:<https://www.bbfc.co.uk/>

защиты детей от информации являются слабым сектором неформального (общественного, родительского) контроля; четкое формулирование и узкий спектр параметров вреда от информации; консенсус в вопросах недопустимости ограничений свободы слова; упор не на защиту общественной нравственности, а на защиту авторского права и неприкосновенности частной жизни; как правило, отсутствие специального законодательства, направленного на ограничение оборота контента с целью защиты детей; низкий возрастной предел оборота информационной продукции «для взрослых»; легализация порнографии.

Обобщая существующие в мире практики регулирования информационного пространства в целях защиты детей от информации, можно выделить два основания для классификации: степень приверженности общества к культурно-ценностным универсалиям и технологии (механизм) фильтрации (цензурирования). Эти два основания предполагают разные пропорции активности субъектов оценки – государства (формальный контроль), общества (неформальный контроль), медиаиндустрии (саморегулирование).

Степень детализации формулировок категорий вредного контента относится к технологии фильтрации и определяет широту интерпретации и полномочий оценщика. Поэтому *четкость формулировки вреда от информации призвана защитить не детей, но медиаиндустрию* от излишнего регулирующего воздействия государства, не позволяя ему запрещать оборот контента, не подпадающего в точности под эту формулировку.

В зависимости от характеристик этих двух важнейших элементов модели регулирования информационного пространства в целях защиты детей, т.е. технологии фильтрации (цензурирования) контента и её ценностных оснований, можно выделить два типа используемых в мире контентных фильтров. Первый из них – это плотный фильтр (density-фильтр), характеризующийся предварительной фильтрацией, осуществляемой независимыми представителями родительской общественности на безвозмездной основе или специалистами при финансовой поддержке государства; широкими законодательными формулировками вредного контента; развитостью

законодательства о защите детей от информации. Второй – прозрачный фильтр (loose-фильтр), которому свойственны отсутствие или неразвитость специальных законов о защите детей от информации, узкий спектр чётко сформулированных критериев запрещённого к обороту контента, саморегулирование медиаотрасли³⁰⁵.

В ходе исследования выявлено, что динамика систем обеспечения защиты детей от информации определяется статусом компонентов этих фильтров, который, в свою очередь, зависит от траектории ценностных ориентиров обществ. Движение в сторону либерализации сужает ассортимент законодательно устанавливаемых критериев вредной информации вплоть до одной – детской порнографии, предельно детализирует и конкретизирует их правовые дефиниции во избежание расширительного толкования, лимитирует процедуры регулирования, в крайних случаях до одного – саморегулирования медиаотрасли, и, соответственно, «растворяет» фильтр. Начавшийся с замены цензуры возрастной классификацией и с исключения взрослой аудитории из числа лиц, которым может быть причинен вред информацией, *тренд дедевiantiзации явлений информационного пространства* продолжается в виде постоянного сужения спектра категорий вреда до «самого опасного», как в случае сужения порнографии до детской порнографии, а также в снижении возраста охраняемого субъекта. В этом проявляется действие технологического детерминизма в отношении динамики зоны рисков от информации. Детабуизация сознания ведет к утрате паттернов постыдного, его заданности и самоочевидности, когда «они в значительной мере лишаются своей принуждающей, ограничивающей силы»³⁰⁶.

Напротив, возрастание значения традиционных ценностей влечет за собой появление специального законодательства в области защиты детей от деструктивной информации, развитие практик общественного контроля,

³⁰⁵ Полянина А.К. Исследование моделей фильтрации вредной для детей информации на основе сравнения подходов, используемых в зарубежных странах// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4. С. 70–80.

³⁰⁶ Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. 218 p.

усиление роли государства при организации механизмов оценки информационной продукции и уплотняет фильтр, однако потенциально чревато злоупотреблением оценщиками своей власти. Недопустимость крайних форм этих фильтров достигается *укреплением консенсуса* как по вопросам *критериев вреда* от информации, так и по *поводу субъектов их оценки*. Неустойчивость социального консенсуса неизбежно приводит к уклонению в сторону одного из двух направлений: к большей либерализации законодательства, расширению анонии или в сторону усиления государственного контроля, к политической цензуре, снимающей проблему морального выбора.

Движение к прозрачному фильтру начинается с уменьшения ресурсности института семьи в виде снижения её социализационной функции, девальвации воспитания как такового. Иными словами, на основании выводов первой главы нашего исследования, это преобладание этнографического подхода к детству над социализационным, то есть преобладание субъектности детей над заботой о детях, технологически обусловленное «исчезновение детства» (Н. Постман). За этим следует ослабление социального консенсуса по поводу вреда от информации как субстанционального начала риск-солидарности и, соответственно, ослабление ресурсности института гражданского активизма. Снижение востребованности научно обоснованной оценки вреда от информации влечет уменьшение ресурсности института экспертизы. Ресурсность института юридической ответственности снижается на последнем этапе этого движения через упразднение представлений о норме как об «общем благе», «минимальном порядке, этическом минимуме»³⁰⁷ и о юридической санкции как последнем «прибежище» нормы.

Обратное движение в сторону уплотнения фильтра предполагает ту же последовательность и начинается с признания значения семейного воспитания и заботы о качестве потребления информации детьми, с усиления социального консенсуса и образования риск-солидарностей, с технологически

³⁰⁷ Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. Пер. И.И. Власова со 2-го, просмотренного авт. изд., под ред. прив.-доц. А.А. Рождественского, с предисл. проф. П.И. Новгородцева. Москва: издание Н.Н. Ключкова, 1910. 148 с.

опосредованного укрепления связи между структурами гражданской активности, с востребованности научного обоснования вреда и правовой санкции.

Таким образом, наблюдается противоречивое действие технологического развития на процессы обеспечения информационной безопасности. С одной стороны, технологии размывают норму как основание представлений о вреде, а с другой – способствуют солидаризации социальных групп для защиты нормы.

В целом, полученные результаты указывают на существование *универсальных параметров* информационной безопасности детства в национальных системах с различным уровнем приверженности традиционным ценностям, а именно: наличие специального законодательства по защите детей от вредного контента, четкость правового формулирования дефиниций вредного контента и их ассортимент, диапазон чувствительных тем (уязвимостей, «болевых точек») в публичных дискуссиях, интерпретация права на доступ к информации, степень консенсусности в отношении возможности ограничения информационных свобод в публичных интересах.

Таким образом, схематическое описание моделей обеспечения защиты детей от вредной информации сводится к обзору *сущностной и процедурной* их составляющих: мировоззренческих оснований критериев вреда и технологий оценки этих критериев. При этом и процедурный (технологический), и мировоззренческий аспект зависит от ценностно-мировоззренческих оснований. Разнообразные сочетания свойств эти двух составляющих позволили типологизировать системы обеспечения информационной безопасности детей.

Субстанциональные корни типологических различий и единства рассмотренных подходов к обеспечению защиты социализационных механизмов от вредного влияния информации находятся в диалектическом противопоставлении принципа Личностного принципу Социальному, в «геосоциокультурной дуальности»³⁰⁸ Восток – Запад. Триумф представлений о

³⁰⁸ Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии «Запад-Восток», «Восток-Запад» в глобалистике// Credo New. 2007. № 4. С. 9.

приоритетности прогресса и соответствующая модернизация регулятивных механизмов содействуют как технологической детерминации роста рисков от информации, так и солидаризации социальных групп – «жертв риска»³⁰⁹. В этом смысле уплотнение фильтра, политически допустимого в условиях национальных особенностей, и разработка системы управления рисками приобретают значение. Достижение социального консенсуса в поиске пути к плотному фильтру видится через организацию модели, синтезирующей разнообразные ресурсы как в отношении критеризации вреда, так и в отношении технологии оценки критериев, а также нормативных последствий такой оценки.

Выводы по второй главе

Ресурсность института юридической ответственности зависит от социальных представлений о норме и девиации и их воплощения на уровне доктринального и концептуального обоснования, а также применения санкции на уровне распространения информации. Снижение ресурсности данного института детерминируется несовпадением морфологии сетевого пространства распространения информации с механизмом действия санкции (пределами правового регулирования), необходимостью балансирования между защитой (и гарантированием) двух благ – здоровья детей и информационной свободы, а также лабильностью мотивов представителей института.

Ресурсность института экспертизы заключается в востребованности научного обоснования вреда для применения юридической санкции, в организации привлечения научной оценки информации на уровне создания, распространения и доступа к информации. Поэтому снижение ресурсности института экспертизы прямо пропорционально значению научной диагностики вреда от информации и его вероятности (риска), а также дефектам порядка (институционализации) экспертизы как условий уязвимости мотивов экспертов.

Ресурсность института гражданской активности заключена в возможностях солидаризации социальных групп («жертв риска») по поводу признаваемых угроз в отношении детей, в осознании недостатков института

³⁰⁹ Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. 230 с.

юридической ответственности, возможностях, обеспечиваемых развитием коммуникативных технологий, а также в устойчивости мотивов представителей данного института. Ресурсы института гражданской активности реализуемы на таких уровнях принятия управленческого решения как уровень доктринального обоснования (общественное обсуждение законопроектов), уровень создания и распространения информации, уровень доступа к информации (мониторинг оборота информации).

В целом, анализ практик социальных институтов, имеющих функции минимизации рисков вреда от информации для здоровья и развития детей, позволяет определить факторы ресурсности субъектов управления и выявить их потенциал на каждом из четырех выделяемых нами уровней принятия управленческого решения. Выявлено, что эффективность реализации этих функций рассмотренными институтами зависит от силы и устойчивости мотивов их представителей. Определена дифференциация управленческого потенциала субъектов на разных этапах коммуникативного акта и её связь со степенью формализации отношений участников внутри каждого этапа. Чем более формализованы эти отношения, тем больше ресурсов обнаруживает субъект управления с наиболее высокой степенью институционализации (нормированности, организационности). Например, на уровне распространения контента как самом нормированном наибольшую эффективность проявляет институт юридической ответственности. И, напротив, на уровне потребления информации этот институт проявляет низкую ресурсность.

Таким образом, исследование опыта защиты детей от вредного контента через сочетание рискологического, институционального и ресурсного подходов открывает возможности для описания технологии управления контентными рисками. Представленный эмпирический анализ практик минимизации контентных рисков, образующих одну из двух составляющих системы управления информационной безопасностью детей, нуждается в дополнении соответствующим анализом форматных рисков и возможностей их минимизации, представленным в следующей главе исследования.

ГЛАВА 3. РИСКИ ФОНОВОГО МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

3.1. Риски потребления медиасигнала в фоновом режиме (риски медиазашумления)

Двусоставная природа вреда от информации означает возможность риска, связанного как с контентом, так и с форматом взаимодействия ребенка с информацией. Изучение рисков, связанных с форматом потребления информации, направлено на определение управленческого воздействия в отношении параметров медиаповедения и на уточнение векторов управленческих усилий, предпринимаемых с целью обеспечения информационной безопасности детей.

Применение принятой концепции управления информационной безопасностью детей в отношении данного типа рисков, выявление факторов рискового поведения и возможностей использования потенциала управленческих субъектов требует обращения к уже имеющимся в науке результатам. Оценка рискогенности режима потребления информационного сигнала осуществлялась, прежде всего, в рамках медицинских наук, гигиенистики.

Информационная гигиена основывается на разработках нормирования сигналов-носителей зрительной и аудиальной информации и пределов информационных нагрузок, в том числе в целях активации правового регулирования, используя принятую нами терминологию, ресурсах института юридической ответственности. Например, в санитарном законодательстве определяется дозирование в отношении отдельных показателей, в частности, уровня звука, света. С 2021 года введены в действие новые санитарные правила и нормы – СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания», которые определяют такую новую величину психофизиологических факторов как *допустимая плотность сигналов* (световых, звуковых) в среднем

за час работы от 76 до 175 единиц, при этом ничем не объясняется нижний предел плотности сигнала в 76 единиц. Однако отсутствует сама трактовка (дефинитивное значение) понятия сигнала и, тем более, его «измеритель». Верхняя граница уровня шума (сила звука) строго нормируется и, согласно действующим санитарным нормам, в жилых и общественных помещениях составляет не более 55 дБ³¹⁰. Имеется описание физических факторов, воздействующих на состояние здоровья человека на рабочих местах, в жилых и общественных помещениях. Среди этих параметров значатся интересующие нас: звуковое давление, уровень звука и его предельно допустимый уровень (ПДУ), превышение которого способно «вызвать значительное беспокойство и существенное изменение показателей функционального состояния систем и анализаторов, чувствительных к шуму»³¹¹. Представляет особый интерес и классификация шумов, воздействующих на человека, например по временным характеристикам: постоянный и непостоянный (колеблющийся, прерывистый, импульсный) шум. Обращает на себя внимание и то, что допустимость уровней звукового давления *дифференцирована в зависимости от назначения помещений (территорий):* помещения, относящиеся к учреждениям здравоохранения, к образовательным учреждениям, жилые помещения, помещения общественного питания, торговые учреждения и предприятия бытового обслуживания. Определяются ПДУ в отношении территорий в зависимости от их принадлежности этим учреждениям или прилегания к ним. Так, наибольший уровень шума допускается в помещениях, относящихся к предприятиям торговли – 75 дБА, наименьший – в помещениях, относящихся к учреждениям здравоохранения – 40 дБА. В жилых помещениях предельно допустимый уровень шума составляет 55 дБА³¹². Гигиеническое нормирование опирается на *измеримость факторов среды* как на принцип регулирования.

³¹⁰ «СН 2.2.4/2.1.8.562-96. 2.2.4. Физические факторы производственной среды. 2.1.8. Физические факторы окружающей природной среды. Шум на рабочих местах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки. Санитарные нормы» (утв. Постановлением Госкомсанэпиднадзора РФ от 31.10.1996 N 36).

³¹¹ СН 2.2.4/2.1.8.562-96. Физические факторы.

³¹² СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания».

Предмет нашего исследования акцентирует внимание на факторах рискогенности неконтролируемого и фонового потребления медиасигнала, на которые указывают имеющиеся критерии допустимости шума. Исходя из дифференциации предельно допустимых уровней шума по местам и ситуациям можно сделать вывод, что *критериями уровня допустимости выступают*: 1) характер и цели деятельности в этом месте и времени (например сон, отдых, оздоровление, обучение, развлечение), вред от шума больше там, где сама деятельность требует тишины; 2) количество участников (чем больше – тем более высок ПДУ, например класс в школе) социального пространства; 3) объективность создаваемых участниками технических шумов (транспорт повышает ПДУ); 4) изолированность (помещение или территория). Поэтому уровни рисков определяются в соответствии с *дозовым принципом нормирования воздействия и прогнозированием эффектов воздействия* на организм через *количественные характеристики интенсивности и продолжительности воздействия*. Таким образом, интересующие нас форматные риски непосредственно связаны с пониманием *эпидемиологических рисков, а их описание также может опираться на параметры интенсивности и продолжительности*³¹³.

Однако измерение эффектов воздействия нецелевого потребления информационного сигнала, «актуализированного и поддерживаемого при помощи техники», то есть сигнала, создаваемого и транслируемого медиаиндустрией, нуждается в учете особенностей кодирования информации в головном мозге, в выявлении последствий переработки, восприятия, запоминания информации. Эти особенности могут регистрироваться с помощью нейрофизиологических методов (эмоциональный стресс, информационные перегрузки – усталость, утомляемость), диагнозов (маний, аддикций, фобий и пр.) и социально-психологических опросников.

³¹³ Polianina A.K. Media Noise: the problem of hygienic rationing and personal well-being// E3S Web Conf. 2021. Vol. 291. IV International Scientific and Practical Conference “Sustainable Development and Green Growth on the Innovation Management Platform” (SDGG 2021) Article Number 05004.

В отличие от зрительной информации *восприятие звука совпадает с моментом его реализации (его реальности)*, поэтому нельзя при оценке возможностей контроля восприятия звука использовать аналогию с возможностью индивидуального снижения интенсивности (или затемнения) визуальной информации, которое достигается, например, использованием солнцезащитных очков или фокусированием взгляда (управление органами восприятия). Самостоятельное установление барьера для проникновения аудиальной информации невозможно без ограничений, налагаемых на системы ориентирования в пространстве, как в случае с использованием наушников или иных средств защиты. Гигиенисты и экологи отмечают, что в отличие от ряда других физических факторов шум всегда воспринимается организмом как раздражитель³¹⁴. При этом анализатор поступающей аудиальной информации не приспособлен к адаптации к шуму³¹⁵.

Исследователи-гигиенисты под руководством М.Н. Некипелова установили различия в чувствительности людей к шуму. Так, «в натуральных и камеральных условиях выявлено, что для нечувствительных индивидов действующим уровнем авиационного шума является 95 дБА, нормально чувствительных – 85 дБА, сверхчувствительных – 65 дБА»³¹⁶. Было изучено специфическое действие шума на орган слуха при использовании тональной аудиометрии и опроса. Методы исследования позволили учесть шумы, создаваемые «проигрывающей аппаратурой в квартирах, автомобилях, на улицах, шумы от водопроводно-канализационного оборудования и работы лифтов в зданиях, а также шумы от теле- и радиопередач, противоугонных средств и звуков, издаваемых людьми и животными», исключая транспортные шумы. Такой комплексный учет источников шума позволил авторам исследования разработать новые единицы измерения «Индекс тишины» (ИТ,%) и «Коэффициент шумовой загруженности» (КШЗ,%) и рассчитать их.

³¹⁴ Ревич Б.А., Авалиани С.Л., Тихонова П.И. Основы оценки воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье человека. М.: Акрополь, 2004. 267 с.

³¹⁵ Алексеева Т.И., Алексеева Т.И., Козлов А.И. Экология человека. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 440 с.

³¹⁶ Некипелова О.О. Некипелов М.Н. Шишелова Т.И. Срочная адаптация к шуму и ее влияние на интеллектуальную работоспособность человека// Современные наукоемкие технологии. 2005. № 2. С. 27–28.

Индекс тишины – это разность между единицей и частным от деления суммы секундных интервалов тишины на общее время наблюдения (в секундах), выраженная в процентах. Коэффициент шумовой загруженности представляет собою процентную разность между общим временем наблюдения и индексом тишины за этот же срок.

Авторы отмечают, что рост Коэффициента шумовой загруженности до 50% и более свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне звуковой загруженности органа слуха людей. В результате аудиометрии выявлено, что у людей из шумных мест проживания и индивидов с высоким уровнем шумовой загруженности возрастное снижение слуха (пресбикузис) начинается у мужчин с 25 лет, а у женщин – с 30 лет, что на 5–7 лет раньше, чем у проживающих в тихих местах, и у индивидов, имеющих нормальный уровень звуковой загруженности (КШЗ в пределах 25–40%). Другое исследование этих авторов показало зависимость оценки людьми тестовых заданий от шумовой загруженности мест проживания. Если проживающие «в тихих районах обычную умственную нагрузку оценивали как легкое тестовое задание, то большинство проживающих в очень шумных районах эту стандартную умственную нагрузку оценивали как тяжелое тестовое испытание, т.е. давали этой нагрузке неадекватную оценку»³¹⁷.

Итак, шум как совокупность звуков, волновых движений признается одним их эпидемиологических рисков. В гигиеническом смысле факторами риска выступают лишь показатели его интенсивности, громкости. Нас же интересует не столько громкость, сколько иные параметры потребления акустической информации, влияющие на благополучие детей. Это: концентрация шума (число одновременно реализующихся звуков, разных источников); семантическая сложность, выраженная в контентной разрозненности и несовпадении с текущей деятельностью; вынужденность потребления, стимуляции органов слуха. При этом источниками шума будут считаться *лишь те, что относятся к*

³¹⁷ Некипелова О.О., Некипелов М.И., Шишелова Т.И., Маслова Е.С. Шумовое загрязнение городской среды и его влияние на население// *Фундаментальные исследования*. 2004. № 5. С. 46–47.

техническим источникам массификации информации – проигрыватели, экраны, громкоговорители и т.д., а не природные, техногенные или бытовые. Поэтому такой вид шума мы будем называть медиашумом.

Близким по смыслу к медиашуму и уже имеющим некоторое научное описание является информационный шум, определяемый как фоновая помеха для коммуникации, порождающая искажение сообщения и нарушение восприятия его реципиентом (шумовая модель коммуникации К. Шеннона–У. Уивера)³¹⁸, или как «случайная низкокачественная информация», «избыточность информации в коммуникативной среде, которая вызывает функциональное расстройство ее систем»³¹⁹, *чрезмерное накопление* нужной (релевантной), но *повторяющейся* информации³²⁰. Таким образом, информационный шум определяется через категории «помеха», «фактор среды» и «организация медиатекста». Исследователями проблем информационного шума отмечается существование так называемых дефлекторов, то есть *предварительных фильтров*, снижающих мощность входящего потока сообщений, как элемента «современного коммуникативного паттерна (устойчивых коммуникативных привычек)», свойственного большинству современных коммуникантов, людей, активно использующих сетевые коммуникационные технологии и средства масс-медиа³²¹. Работа таких фильтров, призванных идентифицировать информационный шум, основывается не на оценке релевантности (прагматической ценности) сигнала, а на небольшом наборе эмпирических правил и выявлении воспринимающим субъектом наличия (или отсутствия) одного или нескольких легко опознаваемых признаков. Состав фильтров (дефлекторов) персонален и зависит от индивидуального коммуникативного опыта. Увеличивающееся взаимодействие человека с

³¹⁸ Shannon C., Weaver W. *Mathematical Theory of Communication*. Urbana, IL: The University of Illinois Press, 1964. P. 117.

³¹⁹ Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации// Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5(58). С. 386–394.

³²⁰ Урсул А.Д. *Природа информации: философский очерк*. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. 231 с.

³²¹ Миронов Д.Ф. Информационный шум и образовательный процесс// Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4. С. 24–30.

онлайн-ресурсами и потребление сообщений масс-медиа создает закономерности общего коммуникативного паттерна, при котором постоянное потребление информационного шума выступает уже «стандартом» (нормой) коммуникативного паттерна³²². В результате сверхбыстрого развития техносферы возникает неоптимальный набор дефлекторов, неспособный препятствовать потреблению информационного шума. Система фильтров унифицируется при всеобщем одобрении потребления информационного шума. Все это порождает повышение концентрации информационного шума в коммуникативной среде и развитие психологических механизмов фильтрации входящих сообщений без их полной интерпретации, то есть отсеивание релевантных сообщений, неправильно опознанных дефлекторами как информационный шум, и ведёт к стандартизации коммуникативного паттерна, формированию сходных систем дефлекторов на уровне поколений³²³.

Медиа шум отличается от информационного определенностью источника, которым выступают только средства массовой информации, медиаисточники. В большинстве исследований различных аспектов медиапотребления не имеется направлений, изучающих факторы и последствия фонового потребления медиасигнала. Лишь в некоторых источниках приводится анализ фонового потребления, но и то в целях оценки эффективности рекламы, встроенной в медиа, так называемой «нативной рекламы». Также предметом изучения аналитиков выступает продолжительность телесмотра и прослушивания радио, готовность к фоновому медиапотреблению (а именно, аудиоконтента), дифференцированная в зависимости от возраста потребляющего субъекта. В ходе таких исследований выявлено, что музыку слушают 95% опрошенных, треть из которых каждый день и обычно слушают её во время домашних дел (62%), в дороге (61%), во время отдыха дома (56%), в путешествии (38%), на прогулке (33%). Среди них 85% ответили, что согласны прослушивать

³²² Там же

³²³ Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации// Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5(58). С. 386–394.

и аудиорекламу в обмен на доступ к бесплатному контенту. Примечательно то, что 68% опрошенных имеют несовершеннолетних детей³²⁴. Следовательно, можно заключить, что прослушивание аудиоконтента чаще всего происходит в ситуациях совместного нахождения детей с родителями дома, на прогулке, в дороге или путешествии. При этом *объективно дети лишены возможности влиять на устройство* (контролировать его) в ходе трансляции сигнала и *вынуждены потреблять его* вне зависимости от возрастных ограничений контента. Таким образом, формулируется *социологическая повестка проблемы* – рискогенность формата потребления медиасигнала в отношении особой *социальной группы, детей*.

Незначительный исследовательский интерес к проблеме фонового медиапотребления объясняется отсутствием явно выраженных негативных эффектов, а в некоторой степени общепризнанной «безвредностью» работы транслирующего устройства в течение определенной деятельности, например вождения автомобиля, прогулки, выполнения домашних работ. Во многих ситуациях и локациях прослушивание аудиосигнала признаётся если не желательным, то безвредным. При этом наблюдаемое исследователями формирование *особого социального паттерна медиапотребления* (и коммуницирования) говорит о *стандартизации взаимодействия человека с онлайн-овыми информационными ресурсами и появлении закономерностей закрепления паттерна фонового медиапотребления на уровне поколений* как стремления к приведению окружающего информационного пространства к «стандартам» привычного (и, в силу этого, комфортного) или как сохранение позиции в релевантной группе через постоянное потребление медиасигнала³²⁵.

Нецелевое потребление медиасигнала в режиме фона, то есть в режиме «заднего плана», «основного тона, общего пространства», может быть направлено на конструирование некой социальной ситуации («развлечения»,

³²⁴ Медиапотребление россиян: цифры и тенденции (Ежегодный отчёт Mediascope за 2018) [Электронный ресурс]. URL:https://mediascope.net/upload/iblock/65c/Everest_Mediascope_060518.pdf.

³²⁵ Миронов Д.Ф. Информационный шум и образовательный процесс // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2015 № 4. С. 24–30.

«дом», «маркет», «путешествие» и т.д.) и способствует выделению «главных элементов» ситуации в виде соответствующих психологических состояний, например «Я дома», «Я путешествую», «Рабочее утро» и др. Это объясняет востребованность такого режима, который как бы создаёт пространство *конкретной социальной практики*, «включает» её действие, то есть воздействует на её компоненты и субъекты, находящиеся в данной ситуации, как в естественном фрагменте социальной жизни.

Поскольку наиболее востребованной медиапродукцией, потребляемой в режиме фона, является музыка, интересен анализ эффектов её прослушивания. Многими авторами отмечается такое свойство музыки как положительное подкрепление, то есть удовольствие. Выдвинуто предположение, что подкрепляющие аспекты музыки вызваны сдвигами уровня эмоциональной активации³²⁶. Эмоциональная реакция на музыку всегда сопровождается реагированием вегетативной нервной системы³²⁷ (Ellis, Thayer, 2010 г.), сердечно-сосудистой системы³²⁸ (Trappe, 2010 г.) и гормональной сферы. Последняя же модулирует активность иммунной системы³²⁹ (Koelsch, Siebel, 2005 г.).

Зарубежные исследователи в 2019 г. установили значительное *ухудшение способности людей выполнять задания и нарушение производительности труда и творческого потенциала при прослушивании фоновой музыки независимо от наличия семантического содержания (текстов песен) и направленности эмоций*. При этом выяснилось, что тихий библиотечный шум не оказывает влияния, поскольку, как полагают исследователи, он представляет собой «устойчивую среду, которая не так разрушительна»³³⁰.

³²⁶ Радченко Г.С. Особенности показателей ЭЭГ и вегетативной регуляции при воздействии музыкальных фрагментов с разной тональной модуляцией: дис. ..канд.биол.наук. Нижний Новгород, 2017. 130 с.

³²⁷ Ellis R.J., Thayer J.F. Music and Autonomic Nervous System (Dys)function//Music perception. 2010. № 27. P. 317–326.

³²⁸ Trappe H.J. The effects of music on the cardiovascular system and cardiovascular health//Heart. 2010. № 96(23). P. 1868-71.

³²⁹ Koelsch S., Siebel W.A. Towards a neural basis of music perception// Trends Cogn. Sci. 2005. V. 9. № 12. P. 578–584.

³³⁰ Threadgold E., Marsh J.E., McLatchie N., Ball L.J. Background music stints creativity: Evidence from compound remote associate tasks// Applied Cognitive Psychology. 2019. Vol. 33P. 873–888.

Эффективность решения задач труда и творчества связана с функцией внимания, а влияние шумов – с проблемой его отвлечения. Существуют различные теории внимания, которыми оно рассматривается в качестве контрольной части действия (Гальперин)³³¹; результата эмоционального реагирования на объект внимания (Рибо)³³²; следствия формирования установки – состояния предварительной настройки, возникающего под влиянием предыдущего опыта (Узнадзе)³³³; процесса интеграции изолированных ощущений в целостные образы восприятия (В. Вундт)³³⁴. Проблема распределения внимания как сосредоточения сознания на двух и более раздражителях изучается больше века. Как показали ранние эксперименты, при выполнении одновременно двух видов деятельности один из них требует полной автоматизации³³⁵. Непроизвольное перемещение внимания, или отвлекаемость внимания, возникает при действии посторонних раздражителей, не имеющих отношения к выполняемой деятельности. Отвлекаемость вследствие воздействия медиашума является внешней, то есть происходящей вследствие внешних, а не внутренних (переживаний) раздражителей.

Можно ли отнести фоновое прослушивание музыки к автоматизированной деятельности, не требующей включения? Ответ на этот вопрос отсылает нас к эмоции как субстанции восприятия музыки. Поскольку восприятие музыки, как отмечалось выше, всегда сопровождается эмоциональной активацией, её *прослушивание в режиме фона нельзя считать автоматизированным*, то есть не требующим значительных психических ресурсов. Поэтому, если признать невозможность качественного выполнения двух неавтоматизированных видов деятельности, фоновое медиапотребление не только ухудшает производительность, но и расходует психические ресурсы.

³³¹ Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 99 с.

³³² Рибо Т. Психология внимания. Пер. с фр. А. Цомакион. Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1890. 126 с.

³³³ Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.

³³⁴ Вундт В. Основы физиологической психологии. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 16 т. 470 с.

³³⁵ Там же

Связь сознания с миром посредством эмоции, то есть оценки факта, явления и события реальности, активизируется при прослушивании музыки благодаря так называемому «идеаторному характеру эмоций» – способности формироваться по отношению к ожидаемым и воображаемым ситуациям или даже к идеям о пережитых ситуациях³³⁶. Это подтверждается и выводами В.А. Бодрова в его теории информационного стресса о невозможности произвольного управления процессом «эмоциональной обработки информации»³³⁷, поскольку такая обработка не следует формальным правилам логики. Высокая скорость и выраженность воздействия эмоций на энергетическое состояние человека задействует ресурсы, то есть ограниченный потенциал по обработке информации. Невозможность контроля над «запуском» процесса эмоционального реагирования делает потребление медиашума, особенно в форме прослушивания музыкальных произведений, не просто высокозатратным, но навязанным, и уподобляется психическому насилию. *Аудиосигнал увеличивает требования информационной среды и разрыв между этими требованиями и ресурсами организма. Поток медиа в фоновом режиме автоматически «включает» реакцию организма, мобилизует умственную нагрузку, неадекватную реальным потребностям, вынуждает обрабатывать эмоционально насыщенный медиасигнал. Иными словами, медиашум принуждает к переживанию эмоций и, вследствие ограниченности ресурсов организма, ведет к информационному стрессу.*

Принуждение слухового анализатора к реагированию на сигналы, поступающие одновременно из различных устройств массового информирования и проигрывания, способно через «запуск» эмоциональной активации и реакцию вегетативной нервной системы вызвать информационный стресс, тормозя и угнетая текущую деятельность в результате внешней отвлекаемости как реакции на новизну стимула, снижает корректность интерпретации значимой информации, включая образовательную информацию.

³³⁶ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 38 с.

³³⁷ Бодров В.А. Информационный стресс: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.

Широкая доступность каждому, вне зависимости от возраста, технических средств воспроизведения медиасигнала, сила устоявшихся в обществе паттернов проведения времени досуга в сопровождении медиасигнала (музыки) в совокупности представляют собой внешние факторы ресурсоемкости фоновых рисков, определяющие требования к ресурсам управляющих субъектов. Данные риски проявляются таких стадиях информационно-коммуникативного процесса как распространение и потребление, поэтому и уровни принятия управленческого решения соответствуют им, указывая на ресурсы управляющих субъектов.

«Звучащим социумом»³³⁸ названо К.З. Акопяном новое социокультурное образование, имеющее значительное социальное проявление благодаря доступности, тиражируемости, технической простоте и эффективности звуковых носителей. Аудиальный поворот культуры, по мнению И.А. Барановой, произошел в результате «экспансии звука в мир тишины» и «выхода за пределы тесных помещений», такого «заполнения любой паузы, какого не было никогда». «Тишина становится невероятной ценностью», а фоновое звучание (в супермаркетах, кафе, лифтах и т.п.) навязчиво сопровождает человека и во время труда, и во время досуга.

Социальная феноменология звука связывается с его манипулятивным эффектом как универсального инструмента «индустрии досуга» и менеджмента, опосредуя «социальную прагматику звука». Звук как средство конструирования соответствующего состояния, требуемого в данный момент, понимается авторами как инструмент манипулирования человеческим сознанием (С.Е. Вершинин), а латентность влияния «аудиальных ландшафтов», «характерная для городских форм существования и организации аудиальности» (Ф. Больман, Ф. Коломбьян, У. Фонтана, Д.Б. Захарьин и др.) лишь усиливает этот эффект. Развитие техники сферы звука сделало новую культуру звука одним

³³⁸ Акопян К.З., Захаров А.В., Кагарлицкая С.Я. Массовая культура. М.: Альфа-М, 2004 304 с.

из ярчайших феноменов глобализации, несопоставимых с другими по степени масштабности и агрессивности воздействия на аудиторию³³⁹.

Общепринятость и привычность непрерывного медиапотoka, особенно в форме музыкального сопровождения любой деятельности, образует социальный паттерн фонового медиапотребления и выводит данную проблему на уровень экологической. Социальность проблемы выражена в риске формирования новой «символьной» среды обитания человека, требования которой превышают ее возможности, а также в усилении конфронтации общества, производящего медиасигналы, и человека, вынужденного их потреблять несмотря на ограниченность временных и когнитивных ресурсов, то есть в усилении конфликта интереса частного и публичного, конфликта, детерминированного технологическим развитием медиакommunikаций, сокращением интервала между моментом производства сигнала и его потреблением.

Гиперстимуляция воспринимающей и когнитивной системы совместно с неосознанностью и безотчётностью, а потому неподконтрольностью потребления медиасигнала или невозможностью воспрепятствования такому потреблению, в определенных ситуациях обуславливает рискогенность медиашума в отношении детей. Минимизация рисков медиазашумления востребует ресурсы тех субъектов управления, которые могут влиять на параметры воспроизводства (распространения) медиасигнала и его потребления. Формулирование данных параметров нуждается в специальном исследовании, в том числе через субъективную оценку рисков. С этой целью было предпринято исследование в форме опроса, которое было проведено в период с апреля по сентябрь 2021 года среди студентов отделений среднего специального образования при высших учебных заведениях г. Нижнего Новгорода. Объем выборочной совокупности составил 1675 человек. Половой состав равный. Участие в опросе носило анонимный характер. Выбор аудитории опроса продиктован выраженностью негативных эффектов медиазашумления, которые

³³⁹ Баранова И.А. Аудиальная культура, или «Звучащий социум» как предмет философского анализа// Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7. С. 5–9.

обычно свойственны людям возраста респондентов. Именно молодежь и подростки образуют социальную группу, в силу объективных обстоятельств и психо-физиологических факторов предрасположенную к рискам, включая риски, связанные с медиапотреблением; эта социальная группа находится «в переходном к взрослости состоянии»³⁴⁰. Кроме того, выборка обоснована результатами последних исследований медиапотребления детей и молодежи. Установлено, что около трети подростков от 14 до 17 лет проводят в сети Интернет более 7 часов в день, почти 70% – до трех часов в день. У 91,5% подростков бывают случаи, когда они отвлекаются на развлечения в Сети во время учебы. 81% могут откладывать дела ради развлечений в Сети, 91% отвлекаются на социальные сети/игры и прочее, когда заняты другим делом, а 60% могут испытывать раздражение, если долго не могут пользоваться Сетью. Это же является основным способом проведения досуга подростков³⁴¹. По данным лаборатории Касперского, доля подростков, которые не могут обойтись без смартфона, составляет 70%, а с возрастом этот показатель увеличивается и к 16–18 годам достигает 85%. Около трети детей в возрасте 15–18 лет проводят почти все свободное время в Сети. Отмечается, что у 54% детей в возрасте 4–6 лет есть свой смартфон или планшет, но к подростковому возрасту этот показатель достигает отметки в 97%. Поэтому *время начала обладания устройством, воспроизводящим медиасигнал*, в подростковом возрасте указывает именно на данную возрастную группу при исследовании медиазашумления³⁴².

Другое исследование особенностей медиапотребления населения России за 2022 г. констатирует, что *возрастная группа от 12 до 17 лет* более других групп охвачена Интернет-контентом (98%)³⁴³. Исследователи практик

³⁴⁰ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

³⁴¹ Отчет о проведении социологического исследования Подростки 360°.

[file:///C:/Users/Asus/Downloads/Отчет%20о%20проведении%20социологического%20исследования%20Подростки%20360%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Asus/Downloads/Отчет%20о%20проведении%20социологического%20исследования%20Подростки%20360%20(1).pdf)

³⁴² Исследование Лаборатории Касперского «Взрослые и дети в цифровом мире: когда онлайн встречается с офлайном». <https://www.kaspersky.ru>

³⁴³ Медиаскоп «Медиапотребление в 2022 году».

URL:https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CSTB_медиапотребление.pdf

медиапотребления молодежью отмечают появление «эффекта перевернутой пирамиды Маслоу», когда особое значение для молодежной аудитории в процессе медиапотребления приобретает именно самоактуализация, а меньшее – удовлетворение базовых информационных потребностей, связанных с физиологическими нуждами и ощущением безопасности³⁴⁴.

Этими обстоятельствами и обосновывается выборка исследования, включающая *старшую возрастную когорту детской группы как наиболее подверженную рискам, связанным с форматом потребления медиасигнала.*

Шумовая загруженность жизненного пространства ребёнка медиашумом названа нами медиазашумленностью. Основными параметрами медиашумового загрязнения являются частота и продолжительность воздействия, вычисляемые через определение времени и частоты пребывания в ситуациях фоновой работы медиаисточника, то есть вынужденного потребления медиашума. Также в качестве значимых параметров нами приняты: готовность (склонность) к медиашуму; его привычность (комфортность); мотивы потребления медиашума; использование медиасигнала как стратегии адаптации и защиты от внешне инициируемого медиасигнала; уровень психологического дискомфорта от тишины; уровень осознанности медиаповедения; оценка возможностей управления работой медиасигнала (пресечения и установления контроля) и готовность к установлению контроля; наличие внешнего контроля, снижающего медиазашумленность.

Гипотетически утверждается следующее. Степень медиазашумленности дифференцирована в соответствии с социальным портретом респондента, его возрастом, полом, местом жительства, составом семьи, образованием родителей, а также применением процедур внешнего контроля за медиаповедением. Существуют общие для всех ситуации (места, обстоятельства) наибольшей медиазашумленности: дом, торговые площадки и общественные места, автомобиль и общественный транспорт, прогулка, отдых и путешествия и т.п.

³⁴⁴ Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / С.А. Вартаков, Д.М. Вьюгина, А.Н. Гуреева и др. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова Издательский Дом, 2021.406 с.

Существует связь между параметрами медиазашумленности. Медиазашумленность можно классифицировать в зависимости от следующих обстоятельств: во-первых, от содержания переднего плана (или основной деятельности) – групповая контактная коммуникация, учебная или профессиональная деятельность, спорт, бытовая деятельность; во-вторых, от принуждающего начала или субстанции или субъекта принуждения к потреблению медиасигнала – группа/коммуникативная среда, аддикция, профессиональные обязанности (обязанности обучающегося), необходимость нахождения в определенном месте (локации). Общая задача исследования – проверка выдвинутых гипотез. В качестве подзадач определены: выделение критериев каждого параметра медиазашумленности и соответствующих им индикаторов, служащих основой для формулирования вопроса в опроснике; шкалирование вариантов ответов респондентов в соответствии с предполагаемой степенью медиашумовой нагрузки; определение ситуаций и локаций жизненного пространства ребенка, характеризующихся наибольшим медиашумовым загрязнением; типологизация медиазашумления и выявление наиболее распространенного типа медиашума.

Определены семь критериев медиазашумленности, каждому из которых соответствовал один или несколько вопросов с предлагаемыми вариантами ответа, каждый из которых подлежал шкалированию в баллах. Чем больше баллов, тем выше индивидуальный уровень зашумленности. Критериям соответствуют следующие индикаторы:

1. Продолжительность и частота потребления медиашума или пребывания в ситуации медиашума. Индикаторы: продолжительность в часах; частота в неделю.
2. Вынужденность потребления медиасигналов в фоновом режиме и контролируемость работы источников сигнала. Индикаторы: наличие социального паттерна фонового медиапотребления; степень подверженности ему; санкции за отказ от следования паттерну; частота негативных реакций социальной группы на такой отказ; содержание этой негативной реакции;

оценка своих возможностей по управлению источником медиасигнала; негативные психологические реакции, порождаемые осознанием невозможности управления источником сигнала медиа; оценка частоты потери осознанности фонового медиапотребления.

3. Передний план – основная деятельность, сопровождаемая фоновой работой медиа. Индикаторы: вид деятельности; частота появления медиашума при значимой основной деятельности.

4. Степень эмоциогенности потребляемых в режиме фона аудиосигналов. Индикаторы: тип медиасигнала (видео (кино), реклама, радио, музыка).

5. Мотивация фонового медиапотребления. Индикаторы: согласие с паттерном фонового медиапотребления; готовность к медиашуму, согласие на его потребление; самоощущения при тишине; ситуация самостоятельного инициирования медиашума; частота самостоятельного инициирования медиашума; самоощущения в случае необходимости прерывания медиапотребления.

6. Адаптивные стратегии в отношении медиашума (внутренний контроль). Индикаторы: поведение при осознании нежелания потреблять медиасигнал и невозможности покинуть локацию; используемые защитные механизмы и барьеры; оценка частоты осознания помех для основной деятельности со стороны медиашума; готовность к компромиссу по поводу совместного фонового медиапотребления; оценка сформированности своей зависимости от фонового медиапотребления.

7. Внешний контроль, направленный на снижения интенсивности медиашума (родительский и школьный (административный) контроль). Индикаторы: наличие родительского (семейного) контроля медиаповедения; наличие практик ограничения использования источников медиа в учебном заведении.

В результате проведенного опроса удалось установить следующее. Местом (ситуацией или локацией) наибольшего медиашумового загрязнения, то есть пространством, где чаще и продолжительнее происходит вынужденное восприятия медиасигнала, является личный и общественный транспорт. Именно

его 54,4% респондентов указали в качестве пространства деятельности, где чаще всего они встречают фоновую работу медиа. На втором месте наибольшей концентрации медиашумового загрязнения указывалась домашняя обстановка и семейное общение – 25,3%. На третьем – торговые центры и общественные пространства – 13%. Другие варианты ответов, такие как, например, пешая прогулка, рисование, хобби, видеоигры, «мотоцикл» поровну поделили между собой оставшиеся 7%. Эти пространства и ситуации и есть передний план (основная деятельность) для работы медиасигнала, который выступает вторым планом, как продемонстрировано на рис. 2. Для 38% опрошенных эта ситуация имеет место чаще пяти раз в неделю или ежедневно, а продолжительность пребывания для пятой части опрошенных составляет более четырех часов.

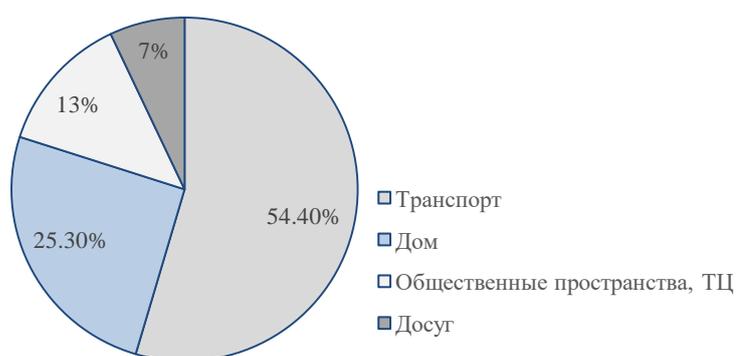

Рис. 2. Локации (ситуации) наибольшего медиашумового загрязнения

Отдельно были выделены ситуации самостоятельного инициирования респондентом фоновой работы медиа как показатель привычности фоновой работы медиа и фактора формирования зависимости. Так, 26% указали, что обычно «что-нибудь включают для фона» дома и ещё 32% – всегда, когда есть возможность, в том числе используя наушники. Четверть всех опрошенных указывают на ежедневное (или не менее пяти раз в неделю) пребывание в ситуации самостоятельно инициированной фоновой работы медиа, и почти столько же – на продолжительность пребывания в такой ситуации более четырех часов.

Совпадение долей респондентов, потребляющих медиасигнал в режиме фона для иной деятельности и в условиях домашней обстановки и семейного общения, говорит о стабильности части респондентов в объеме 26% с повышенной степенью медиазашумленности, спровоцированной условиями нахождения дома, в кругу семьи, то есть факторами, связанными с семейной ситуацией и условиями проживания, в том числе отношениями с членами семьи.

Как при самостоятельном инициировании фоновой работы медиа, так и при вынужденном его потреблении при нахождении в определенной локации, наиболее распространенным видом медиасигнала является музыка – около 70%, на втором месте – аудиовизуальные произведения (видео) – 20%. Мотивацией инициирования музыкального фона четверть опрошенных указывает преодоление одиночества и «чувства ненужности» («чувствую себя лишним»), 44% сами инициируют фоновую работу медиасигнала для того, чтобы не воспринимать медиа, инициированные другими людьми, медиа, источники которых находятся вне контроля; 12% отмечают нежелание отставать от других, следовать модным тенденциям. Оставшиеся 20% в незначительных долях делят между собой такие ответы как: «когда скучно», «спорт», «хочется разнообразить дела, уборку», «спонтанно», «просто дома», «когда тихо» и «не сидеть же в полной тишине», «для разрядки», «по настроению», «во время игры», «когда делаю тошное дело», «для разнообразия». Эмоциональное инвестирование в музыкальный фон делает обычные («тошные») дела незаметными, «удаляет» их из переднего плана.

Вынужденность потребления медиасигнала как одного из двух главных признаков медиашума определяется через принятые нами индикаторы. Степень контролируемости работы источника медиа со стороны потребляющего субъекта выявляется через *возможность влиять на источник медиа (устройство) и готовность отказаться* от восприятия медиа (степень сопротивления). Так, 21% респондентов указывают на невозможность влиять на медиашум, связанный с нахождением в определенном месте, и только 25% всегда могут управлять источником медиа. Больше половины опрошенных готовы потерпеть этот

медиашум, и 24% стараются не обращать внимания и ждать, пока он закончится. Лишь 13% активно влияют на ситуацию, прекращая воздействие: именно среди этих респондентов общий уровень зашумленности самый низкий.

9% опрошенных указывают на невозможность влияния на медиасигнал, исходящий от референтной группы (дружеской компании), и почти половина лишь время от времени может влиять. При этом 15% настолько дорожат местом в группе, что готовы на потребление медиашума из-за страха быть отвергнутыми, выглядеть «белыми воронами».

В пространстве выполнения профессиональной или учебной задачи только треть опрошенных отмечает невозможность влияния на медиасигнал.

Контролируемость работы источника медиасигнала также выявляется через *оценку осознанности* его действия или частоты потери осознанности. Опрос показал, что 14% респондентов часто не замечают работу медиасигнала и 35% – иногда замечают, что теряют контроль над работой сигнала. И только 12 % указывают на то, что музыка всегда мешает основному занятию.

Критичность в отношении сформированности у себя зависимости от фонового медиапотребления также указывает на возможности установления контроля над потреблением медиа. Показательно, что 60% не замечают зависимости от работы медиасигнала. Среди вариантов ответов значатся такие: «скорее да, чем нет», «может быть», «50/50», «возможно, но я могу контролировать», «может и есть, но это мне не особо мешает», «по большей части от музыки».

В качестве симптомов вредного воздействия (симптомов шумового загрязнения) медиашума выступают негативные психологические реакции, связанные с осознанием невозможности управлять медиа (выключить, снизить интенсивность (громкость)). Так, у 32% респондентов проявляются негативные эмоции, из них раздражение испытывают 20%, дискомфорт – 10%, беспомощность – 2%. Всего 27% опрошенных не нравится медиапродукция, потребляемая в компании друзей.

При выполнении значимой интеллектуально затратной деятельности (профессиональной и учебной) в условиях фоновой работы медиасигнала и отсутствия возможности повлиять на него 23% чувствуют раздражение, гнев и беспомощность. Таким образом, можно заключить, что *около трети респондентов* испытывают на себе негативные эффекты фоновой работы медиасигнала при условии осознания вынужденности его потребления.

Как результат ощущения негативных эффектов медиашума предпринимаются ответные меры, определенные адаптивные стратегии, или, иначе говоря, возможности установления контроля. Показательно, что в качестве защитного механизма, барьера для проникновения медиашума, неподконтрольного субъекту, используется самостоятельное инициирование фоновой работы медиасигнала, но уже подконтрольной субъекту. Так, 44% сами иницируют фоновую работу медиасигнала для того, чтобы не воспринимать медиа, инициированные другими людьми. 34% используют наушники. Самостоятельное инициирование фоновой работы медиасигнала может рассматриваться как адаптивная стратегия. Однако в данном случае устраняется лишь вынужденность как элемент медиашума, но фоновый режим работы медиа, как вторая составляющая медиашума, остается.

Фоновую работу медиа не замечают 49% респондентов, помехи для основной деятельности со стороны медиашума никогда не ощущают 35% опрошенных, а тишина, напротив, доставляет дискомфорт 34%. Эта связь представляется вполне закономерной, поскольку работа медиасигнала становится привычной и комфортной, а постоянная активность органов восприятия не осознается.

Показательно, что потребление медиа 91% опрошенных не ограничивается родителями. Только в отношении 45% респондентов в их учебном заведении установлено ограничение использования источников медиа (смартфонов, проигрывателей и т.д.).

Результаты опроса позволили оценить степень медиазашумленности и его среднее значение путем присвоения баллов за ответы на вопросы, указывающие

на наличие или отсутствие соответствующего индикатора. Все баллы были сведены к значениям от «0» до «5», где, например, «0» баллов соответствует ответу, указывающему на отсутствие признаков критериев медиазашумленности, «2» – наличие признака незначительной степени медиазашумленности, а «5» – наличие признака медиазашумленности. Итоговая сумма баллов для одного респондента составляет его степень медиазашумленности. Среднее значение (\bar{x}), или средний показатель медиазашумленности составил 109.9615, выборочное стандартное отклонение - 15.104. Выборочные данные нормально распределены, Р-значение – 0.6. Использован критерий Колмогорова–Смирнова.

Важным представляется выявление доли и характеристик социального портрета наиболее и наименее медиазашумленных респондентов.

Доля респондентов, имеющих *низкую степень медиазашумленности*, составляет всего 4% от всего числа участников опроса. Обнаружено, что наименее медиазашумлены те, кто воспитывается в средних по численности семьях от двух до четырех человек. Среди них нет проживающих только с одним членом семьи, то есть, например, в неполных семьях. В большинстве случаев нет совместно проживающих с ними пожилых родственников. В 80% случаев родители этих респондентов имеют среднее образование, что превышает средний показатель по всем участникам опроса, где этот показатель равен 39%. Среди наиболее распространенных ситуаций вынужденного фонового медиапотребления ими отмечается транспорт, в том числе общественный. Примечательно, что эти респонденты самостоятельно инициируют фоновую работу медиа только для пресечения внешне неподконтрольного медиа (собственно медиашума), то есть используют его как средство преодоления. В подавляющем большинстве случаев они не испытывают дискомфорта от прерывания потребления медиа. Нет различий по половому признаку.

Доля респондентов с *наивысшей степенью медиазашумленности* в два раза больше и составляет 8%. В 25% случаев семьи этих респондентов большие, то есть имеют пять и более совместно проживающих с ними членов семьи, что в

два раза больше доли таких семей в целом по всем участникам опроса. В более чем половине семей совместно с респондентом проживают пожилые родственники, что также почти в два раза превышает средний показатель. 70% родителей наиболее медиазашумленных имеют высшее образование. Поэтому можно утверждать, что наличие высшего образования не является фактором, препятствующим оздоровлению информационной среды. В 20% случаев родители ограничивают потребление медиа, что также указывает на отсутствие связи между родительским (внешним) контролем и потреблением медиашума. 40% респондентов, относящихся к наиболее медиазашумленным, осознают зависимость от потребления всевозможных медиа. Большинство из них девушки. Обращает на себя внимание, что более трети представителей наиболее медиазашумленных в качестве ситуации наибольшего воздействия медиашума указали торговые центры и иные общественные пространства, что превышает средний показатель более чем в два раза.

Особо следует отметить, что в 40% случаев респонденты, имеющие наибольший показатель медиазашумленности, инициируют фоновую работу медиа чаще всего, когда им «одинок», или они «чувствуют себя лишними», что превышает общий показатель. При этом 30% из них испытывают раздражение, психологический дискомфорт, вызванный необходимым прерыванием потребления медиа, что значительно выше общего показателя (17%). Подавляющее большинство (80%) из них проживают в небольших городах, при том что в целом только 42% участников опроса проживают в небольших населенных пунктах. Можно заключить, что время отдыха и общения, проводимое молодежью из небольших по численности населения населенных пунктов, в торговых центрах и иных общественных пространствах, совпадает со временем потребления ими медиашума. Это косвенно указывает на недостатки организации досуга, управления системой дополнительного образования и спорта, а также трудовой занятости молодежи, в целом *качества инфраструктуры труда и отдыха*, на жилищные проблемы, которыми вызвана необходимость проживания совместно с большим числом родственников и часто

в небольших жилых помещениях, что исключает возможность «спрятаться» от медиашума, обычно инициируемого кем-то из членов семьи. Характеристики социального портрета респондентов с наибольшим и с наименьшим показателем медиазашумленности говорят о значении *состава семьи, места проживания и частично половой принадлежности как факторов медиазашумленности.*

Отношение к тишине, самоощущения при отсутствии медиасигнала есть наиболее значимый индикатор медиазашумления. Доля респондентов, испытывающих негативные состояния в тишине, составляет 17%. Среди них наблюдается превышение среднего показателя по количеству семей с маленькими детьми, как и показателя обнаружения у себя зависимости от медиа. Большинство из лиц, испытывающих негативные состояния в условиях отсутствия медиасигнала, девушки. Респонденты, испытывающие негативные психологические реакции, вызванные невозможностью влиять на источник медиа, чаще других испытывают дискомфорт от тишины. У тех, для кого тишина – раздражающий фактор, чаще, чем у тех, кто «выдерживает» тишину, работа медиа, которые они сами и включили, выходит из зоны осознанности. Для них также характерна привычка фоновой работы медиасигнала (в месте, где они выполняют профессиональное или учебное задание, обычно работает источник медиа) и привычка совместного потребления определенного типа и стиля медиапродукции в компании друзей. Среди тех, кто старается не обращать внимания на медиасигнал и не стремится устраниваться от его воздействия, распространена высокая степень медиазашумленности в целом. Те, для кого потребление медиа инициируется всегда в наушниках или дома, демонстрируют наибольшую степень зашумленности. Это справедливо и в отношении тех респондентов, кто испытывает дискомфорт от тишины.

Вопреки ожиданиям, наличие родительского ограничения медиапотребления не связано с частотой фоновой работы медиа в месте, где выполняется значимая основная деятельность (передний план). Возможно, это следует интерпретировать как недостаток качества родительского контроля, который сфокусирован лишь на контенте, а не на количестве (объеме)

потребляемой информации, продолжительности пребывания в ситуации её восприятия.

3.2. Типы медиазашумления

Дисперсия характеристик социального портрета, дифференцированная особенностями субстанции (источников) медиазашумления и особенностями содержания переднего плана (основной деятельности), указала на возможности типологизации медиазашумленности.

Рассмотрим медиашум, предполагающий в качестве основной деятельности (переднего плана) групповую контактную коммуникацию (встреча с друзьями), а в качестве субстанции принуждения – коммуникативную среду или групповой паттерн. Выявлено, что более половины тех, кто показал готовность смириться с медиашумом ради статуса в референтной группе, высказались за существование в этой группе единых стилевых предпочтений. 60% из тех, кто и в одиночестве потребляет то же, что принято в группе, имеют общие предпочтения с группой. Такой же процент совпадений наблюдается между теми, чья группа имеет общие предпочтения, и ожидающими негативной реакции группы в случае сопротивления совместному потреблению медиапродукции.

Более половины из тех респондентов, которые на вопрос о ситуациях, в которых они сами ранее других инициируют работу медиа, выбрали ответ «При встрече с друзьями», продемонстрировали наличие четырех параметров, указывающих на действие такого источника принуждения как давление группы или социальный паттерн фонового медиапотребления.

Полагаем, что говорить о существовании особого типа медиазашумленности можно при наличии значимого процента совпадений большинства факторов, в данном случае хотя бы четырех из семи: стереотипичность фонового медиапотребления при встрече с друзьями; доминирование потребления определенного стиля (направления)

медиапродукции; частота предпочтения субъектом этого стиля медиапродукции (принятого в группе); совпадение индивидуальных симпатий с групповыми в условиях исключения действия коммуникативной среды (в одиночестве); ожидание негативной реакции группы в случае отказа от стереотипического медиапотребления в группе; оценка собственных возможностей влиять на источник медиа (контролировать работу источника); наличие мотивов согласия на потребление медиапродукции в условиях групповой контактной коммуникации, связанных со страхом быть отверженным и подвергнуться осуждению; частота и продолжительность пребывания в данной коммуникативной среде.

Анализ показал, что процент совпадения четырех и более факторов составляет 14%. Таким образом, медиашум, прочно связанный с давлением коммуникативной среды, условно названный нами «Групповым», распространен среди 14% респондентов, которые чаще других не готовы сопротивляться медиашуму, который для них привычен и не создает психологического дискомфорта даже при отсутствии возможности влиять на него. При этом причиной, порождающей согласие на потребление медиасигнала, являются нежелание и страх выпасть из референтной группы (друзей, компании), боязнь осуждения и неприятия. Можно наблюдать, что страх перед негативной реакцией группы создает в 20% случаев из данного числа респондентов аддикцию, когда и находясь в одиночестве, человек потребляет подобное по стилю и направлению медиа, принятое в сообществе. В 3% случаев наблюдается совпадение пяти факторов, что указывает на долю наиболее выраженных случаев сформированности данного типа медиазашумленности.

Представляют интерес характеристики социального портрета респондентов, демонстрирующих данный тип медиазашумленности. Количество членов их семьи в 60% случаев более 2 человек, а 21% имеют более 5 членов семьи, постоянно проживающих с ними, что значительно превышает средней показатель, равный 16%. Половина родителей – представителей этой группы имеют высшее образование. Достаточно высока доля тех, кто замечает

у себя зависимость от медиаустройств. Этому типу медиазашумленности подвержены в одинаковой степени и девушки, и юноши.

Можно предположить, что большой численный состав семьи вызывает стремление *пребывать вне дома*, как и желание единения с референтной группой, в данном случае, с компанией друзей. Само влияние социального паттерна на молодого человека рассматривается как естественное явление процесса взросления, когда в определённый период жизни значимость коммуникативной среды резко возрастает. Поэтому можно говорить о временном характере этого типа медиазашумленности и естественном снижении его действия при переходе в другую возрастную категорию и не востребованности ресурсов управляющей системы.

Другой тип медиазашумленности предполагает в качестве переднего плана разнообразные практики жизнедеятельности (передвижение, отдых, покупки и т.д.), связанные с объективной необходимостью пребывания в определенных пространствах (локациях), а сами локации рассматриваются как субстанции принуждения. Этот тип медиазашумленности назван нами «Локационным».

Выделены восемь параметров медиазашумления, обусловленного локацией: привычность встречи с медиашумом в определенных пространствах; высокая частота и продолжительность пребывания в этих пространствах; фоновая работа медиасигнала в пространствах выполнения значимой задачи (профессиональной или учебной); оценка собственных возможностей контроля источника медиа в определенном пространстве; готовность изменения местонахождения и выхода из-под действия медиашума при нежелании потреблять медиасигнал; меры, предпринимаемые при осознании вынужденности потребления медиапродукции; оценка помех для выполнения значимой деятельности, вызываемых фоновой работой медиасигнала; наличие негативных психологических реакций на принуждение к потреблению медиасигнала. Более пяти совпадений параметров наблюдается у 11% респондентов. Поэтому можно говорить о существовании такого типа медиазашумленности, источник которой характеризуется внешним

происхождением, в зависимости от осуществляемой необходимой деятельности, и находится вне контроля воспринимающего субъекта, сопровождается негативными психологическими реакциями различной степени выраженности, слабой степенью готовности прервать основную деятельность ради прекращения воздействия медиашума и подавлением желания выйти из-под действия шума. В качестве медиапродукции чаще других выступают музыкальные произведения и аудиореклама. В половине случаев продолжительность пребывания в локациях с таким типом медиашума от 1 до 4 часов, в 20% – менее часа; в 32 % случаев – 5 раз в неделю, в 30% – менее 2 раз в неделю.

В большинстве случаев численный состав семьи лиц, подверженных этому типу медиазашумления, составляет от двух до пяти человек, то есть является средним; среди членов семьи, проживающих совместно, нет детей младше 8 лет и пожилых лиц старше 60 лет. Возраст родителей, чаще всего, более 40 лет. Данный тип медиазашумления распространен в одинаковой пропорции как среди девушек, так и среди юношей. Вероятность своей зависимости от медиаустройств обнаруживает почти половина из них, что в целом превышает средний показатель, равный 35%, и демонстрирует достаточно высокую критичность в отношении собственного медиаповедения.

Представляется, что данный тип медиазашумления поддается регуляции со стороны управляющих субъектов, прежде всего института юридической ответственности, через установление нормирования воспроизведения медиасигнала в общественных местах. Возраст родителей, средний по численности состав семьи, оптимальные для установления близких связей при отсутствии малолетних детей и пожилых лиц, выступают факторами, снижающими медиазашумленность. Поэтому ресурсы снижения рисков, применимые в отношении данного типа, востребованы.

Два рассмотренных выше типа медиазашумленности имеют внешний источник инициирования работы медиасигнала. Особый тип медиазашумленности происходит из внутренней субстанции принуждения, а именно – аддикции. Этот тип зашумления может быть следствием первых двух,

а может возникнуть самостоятельно. Главный параметр данного типа медиазашумленности – преимущественно самостоятельное инициирование работы медиа дома или повсеместно, независимо от основной деятельности. Среди других параметров (индикаторов) значимы: самоощущение в тишине; мотивы инициирования фоновой работы медиасигнала; частота и продолжительность пребывания в условиях самостоятельно инициированной работы медиасигнала; частота потери контроля за работой устройства – источника медиа; частота осознания помех от фоновой работы медиасигнала для выполнения значимой деятельности; негативная реакция на необходимость прерывания потребления медиа. Из 7 выделенных параметров зависимого фонового медиапотребления более четырех наблюдается у 12% респондентов.

Силу аддикции можно определить отсутствием осознанности работы медиасигнала или реакцией на лишение возможности потреблять медиа подобно лишению поощрения, удовольствия, положительного подкрепления. 65% респондентов, не осознающих работу медиасигнала, испытывают психологический дискомфорт от тишины (при этом сильный дискомфорт – около половины их них). Поэтому мы можем говорить о существовании такого типа медиазашумленности, который характеризуется внутренним происхождением принуждающего начала, а именно, психологической потребностью в потреблении эмоционально насыщенного сигнала. Этот тип медиазашумления распространен среди 12% опрошенных.

Численный состав семьи лиц, имеющих аддикцию в качестве основной субстанции медиазашумления, чаще всего средний, то есть от 2 до 5 человек. В большинстве случаев среди членов семьи, проживающих совместно, нет пожилых людей и детей дошкольного возраста. Большинство родителей – представителей этой группы не имеют высшего образования. Примечательно то, что в 80% случаев этому типу медиазашумленности подвержены девушки. Возможно, преобладание числа девушек связано с их большей эмоциональной уязвимостью. Больше половины этих респондентов не наблюдают у себя зависимости от медиаустройств.

Представляется, что риски данного типа медиазашумленности сложнее двух других поддаются управлению, поскольку имеют внутренний источник. Однако в случае, когда аддикция формируется в связи с необходимостью пребывания в медиазашумленных пространствах, включая транспорт и общественные пространства, использование ресурсов института юридической ответственности с целью регулирования воспроизведения медиасигнала в этих пространствах поможет снизить вероятность аддикции.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Изучение шумовой нагрузки, происходящей в связи с активацией устройств массивной информации, возможно через параметризацию факторов зашумления, которая и полагается в основу оценки зоны форматных рисков как одной из двух составляющих объекта управления информационной безопасностью детей. Вычисление индивидуального уровня медиазашумленности и определение его среднего значения, а также пороговых значений, указывающих на наибольший и наименьший вред от медиашума, стало возможным благодаря моделированию двусоставной природы медиашума: вынужденности потребления (или принуждающего характера) и его эскортирующей реализации, то есть сопутствования иной деятельности (фонового режима работы сигнала).

Двукратное преобладание доли респондентов, наиболее подверженных медиазашумлению, над долей с наименьшими показателями медиазашумления указывает на масштабы негативных эффектов рассматриваемого явления. Выделение уровней медиазашумленности позволило выявить имеющие значение характеристики социального портрета, в частности это численный состав семьи, место проживания, в некоторой степени – половая принадлежность. Поскольку лица с наибольшим показателем медиазашумленности, как правило, проживают в больших по численности семьях, в небольших населенных пунктах и инициируют фоновое проигрывание музыкальных произведений, когда им одиноко, актуализируются инфраструктурные проблемы организации досуга, дополнительного образования и спорта в малых городах и сельской местности. Также

большинство из них девушки, что в целом соответствует тезису об их особой эмоциональной возбудимости³⁴⁵ и уязвимости.

Показателями повышенного уровня медиазашумленности явились: дискомфорт от тишины; потеря осознанности потребления медиасигнала; неготовность установить контроль или прервать воздействие медиасигнала; оценка собственных ресурсов по влиянию на сигнал, и, наконец, преимущественное самоинициированное потребление медиа дома с использованием «средств изоляции и персонализации медиапотребления» – наушников. При этом самостоятельная активации медиаустройства выступает особой стратегией сопротивления внешнему давлению «чужого» медиасигнала, однако в этом случае происходит замена сигнала, но не выход из-под его принуждающего действия. Сама необходимость применения наушников может рассматриваться как принуждение к потреблению медиа, а контроль над сигналом является мнимым и проявляется лишь в возможности смены «треков». Такая стратегия преодоления медиашума представляется ловушкой, ускоряющей процесс формирования зависимости, замыкающей круг.

Классификация медиашумового воздействия на основе специфики источника шума и характера основной деятельности задает траектории управленческих стратегий, направленных на минимизацию вредного воздействия. Определение наиболее медиазашумленных локаций обыденных практик жизнедеятельности указывает на точки приложения управляющего воздействия, например на установление требований к распространению медиасигналов в общественных местах, на транспорте. Эта мера доступна для реализации с использованием ресурсов института юридической ответственности.

Предпринятая классификация медиазашумленности на основе различий в каждой их двух составляющих феномена медиашума, условно обозначаемых как принуждение (органов восприятия) и эскортирование (фоновый режим работы),

³⁴⁵ Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. Мастера психологии. СПб: Питер, 2002. 544 с.

выделяет три типа медиазашумленности: во-первых, «Групповой», медиазашумление как групповой паттерн, во-вторых, «Локационный», в-третьих «Аддиктивный». К одному из этих типов принадлежат от 11 до 14% респондентов. Представляется, что происхождение принуждающей субстанции или источника инспирирования фоновой работы медиасигнала предполагает разные управленческие стратегии. Применение ресурсов института юридической ответственности наиболее эффективно в отношении Локационного типа, поскольку предупреждает действие медиашума в общественных пространствах, то есть в зоне ответственности публичной власти. Это же способно оказать косвенное воздействие и на Аддиктивный тип медиазашумленности. Ресурсы института экспертизы в форме научно обоснованных выводов и профессионального мнения о вредоносности фоновой работы медиасигнала могут использоваться в качестве основы для разработки мер оздоровления домашнего информационного пространства.

Отсутствие положительной связи между реализацией родительского контроля и уровнем медиазашумленности указывает на недостаточность контентной фильтрации, на которой главным образом и сфокусирован родительский контроль, и проблему родительских компетенций в отношении формата потребления медиа, которая связана с отсутствием официализации медиашума в качестве опасного явления информационной среды. Между тем, именно институт семьи обладает самым большим арсеналом ресурсов для снижения рисков медиазашумления, особенно в отношении Аддиктивного типа как обусловленного в большей степени условиями семьи и домашнего пространства, недоступного для приложения ресурсов института юридической ответственности.

Ресурс, необходимый для масштабирования проблемы медиазашумления как фактора информационной безопасности детей, имеется в распоряжении института гражданской активности.

Следует отметить, что во всех типах медиазашумления среди видов медиапродукции, потребляемой в режиме фона, доминируют музыкальные

произведения, и поэтому, как наиболее эмоциогенные по сравнению с иными видами, предполагают значительное, а часто чрезмерное, эмоциональное инвестирование, что может привести к информационному стрессу. Атрибутивность музыки, обычная для досуговых практик, стремительно распространяется на все другие повседневные практики. Благодаря доступности, технической простоте звуковых носителей тишина, как справедливо отмечают современные исследователи, вытесняется из жизни «экспансией звука»³⁴⁶, навязчиво *эскортирующего все практики жизнедеятельности*. Универсализация музыки как заднего плана «индустрии досуга», привычность непрерывного музыкального сопровождения любой деятельности, социальный паттерн взаимодействия с медиа образуют антропогенный фактор экологического кризиса. Формирование глобального паттерна фонового медиапотребления музыки подкрепляет индивидуальное взаимодействие с медиа, дестабилизирующее эмоциональную сферу, и, как показано выше, может сказаться на функционале вегетативной нервной системы, то есть прямо указывает на риск. Этот паттерн имеет транспоколенческое значение, что уже привело пятую часть молодежи к «невыносимости» тишины, то есть уязвимости перед естественным состоянием среды. Навязчивая потребность в эмоционально насыщенных акустических раздражителях обрекает (от англ. *addictus* – преданный, обреченный) на рассеяние сознания, нарушение мышления, неспособность к логической мыслительной деятельности и, в результате, к потере личной субъектности. Сползание к аффективному эмоциональному реагированию обеспечивается перманентным коннектом человека с эмоционально насыщенным медиасигналом и может привести к аффективному отношению к действительности и хронической примитивизации сознания.

Статистика негативных самоощущений сигнализирует о соответствующей симптоматике медиашума как вредного фактора, риска вреда от информации. Треть опрошенных испытывает признаки негативных психоэмоциональных

³⁴⁶ Баранова И.А. Аудиальная культура или «Звучащий социум» как предмет философского анализа// Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7. С. 5–9.

состояний в связи с осознанием принуждения потреблять медиа. Пятая часть респондентов выразили неготовность каким-то образом повлиять на такое принуждение. Привычность подавления (по разным причинам) стремления контролировать собственное медиапотребление способна формировать явление, знакомое психологической науке с середины прошлого века, – выученную беспомощность. Негативный опыт пресечения медиашума, положивший начало личной беспомощности, возможно, связан с ситуацией социализации, где главную роль играло родительское медиаповедение, при котором ребенок принуждался к прослушиванию и просмотру того, что слушали/смотрели родители в его присутствии. Стоит ли отмечать прямую связь между феноменом выученной беспомощности и виктимным поведением³⁴⁷, далеко выходящим за рамки предмета нашего исследования, но имеющим отношение к прогнозированию эффектов медиашумового воздействия.

Принуждение слухового анализатора к реагированию на медиасигналы, его гиперстимуляция и «запуск» эмоциональной активации, а также реакций вегетативной нервной системы испытывает на себе пятая часть опрошенных, что составляет долю наиболее подверженных форматным рискам. Исходя из тезиса о вредности медиашума как в отношении эффективности интеллектуально затратной деятельности, так и в отношении здоровья и благополучия управление рисками медиашумового загрязнения представляется исключительно важным. Однако следует отметить, что именно в домашней среде четверть опрошенных принуждаются к потреблению внешне инициируемого медиасигнала и наиболее уязвимы в связи с невозможностью уклониться от него. Профилактика патологических воздействий медиашума при помощи установления контроля над информационным пространством, понимаемым не только в контентном смысле, но и в форматном, достижима совокупностью управленческих мер, синергией ресурсов управляющих субъектов.

³⁴⁷ Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб: Питер, 2017. 831 с.; Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: АCADEMIA, 2010. 409 с.

ГЛАВА 4. МОДЕЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ДЕТЕЙ

4.1. Механизм управления информационной безопасностью детей

Риск и безопасность сопровождают всю историю человечества и эволюцию биосферы в целом. Риск называют «синонимом сущего», атрибутивным элементом природной и социальной реальности³⁴⁸, а рискованность – самой судьбой³⁴⁹. Неопределенность, заданная действительностью, неустранима, как неустраним риск из ткани социальной жизни. Неизбежность выбора как производной рефлексии опасности означает неминуемость ответственности субъекта, осознающего опасность и оценивающего вероятность результата «с учетом действующих морально-этических норм»³⁵⁰. Подобно кризису, ситуация риска становится обыденной, нормальной и типичной³⁵¹.

Моделирование феномена информационной безопасности детей через имитацию изменений компонентов (и их связей и зависимостей) системы и перехода её из состояния опасности в состояние безопасности предпринималось исследователями с целью повышения эффективности управленческих решений. Например, Ю.П. Зинченко сформулировал системно-динамическую концепцию информационной безопасности детей и подростков, используя имитационный потенциал моделирования обеспечения безопасности на разных уровнях субъектов и систем в их взаимосвязи³⁵². Системно-динамическая концепция понимает под информационной безопасностью детей системный феномен, включающий разные уровни деятельности субъекта и надсубъектной активности. Каждый уровень представлен определенными субъектами, а цепь

³⁴⁸ Ильиных С.А. Риск в контексте социологии управления// Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 11. С. 267–271.

³⁴⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 324 с.

³⁵⁰ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

³⁵¹ Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 655 с.

³⁵² Зинченко Ю.П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. М.: МГУ, 2011. 952 с.

субъектов (количество уровней) может бесконечно разветвляться вплоть до индивидуума. Безопасность каждого субъекта состоит из активного и пассивного элементов. Активный элемент безопасности субъекта есть его деятельность, а пассивный – предмет деятельности (управленческого воздействия) субъекта вышележащего уровня, имеющей целью обеспечение условий развития для субъекта нижележащего уровня.

Наивысший уровень субъектов имеет целью обеспечение безопасности субъектов всех нижележащих уровней, то есть обеспечение публичного интереса. Образно иерархия уровней системы безопасности представлена в виде матрешки. Взаимодействие субъектов всех уровней организовано по принципу обратной связи, при том что цели и мотивы субъектов могут не только не совпадать, но и вступать в противоречие.

Если применить принципы системно-динамической концепции к предмету нашего исследования, то информационная безопасность ребенка может рассматриваться как сочетание *активного начала – деятельности самого ребенка по ограждению себя от информационных угроз, и пассивного начала – деятельности вышележащих субъектов, субъектов управления.* Каждому уровню субъектов управления соответствуют собственные цели и мотивы, а также свои ресурсы. При этом нижележащий субъект будет считаться субъектом риска, а вышележащий субъект, оказывающий воздействие, будет субъектом управления.

Механизмы функционирования системы взаимодействия субъектов на каждом уровне, предлагаемые системно-динамической концепцией информационной безопасности детей, также принимаются в качестве психолого-педагогических оснований модели управления информационной безопасностью детей. Отмечаемый исследователями механизм опосредования указывает на значение социальной ситуации развития ребёнка в качестве условия формирования психической устойчивости личности перед негативным воздействием информации. Культурный контекст социальной жизни,

выступающий при этом «посредником», всё более наполняется явлениями технологически опосредованных новых медиа.

Механизм интериоризации объясняет усиление роли взрослого в процессе усвоения ребенком социальных норм и ценностей в мире, насыщенном информационными технологиями, значимость «идеала взрослого», ориентира в условиях нарастания влияния новых средств коммуникации как формы диалога и основной внешней социальной деятельности. Радикальная трансформация коммуникации чрезвычайно расширила опыт, усваиваемый ребенком как участником коммуникативного обмена, предлагая ему образы действительности и поведения, не только значительно отдаленные от него во времени и пространстве, но и отдаленные от его социальной реальности, включая образцы, выходящие за пределы нормативности, то есть девиантные.

Механизм сигнификации и сигнализации указывает на трансформацию регулирующих поведение знаков, стимулов-средств, символов под влиянием виртуальной реальности и сетевых технологий и на появление новых феноменов языковой действительности, усложняющих оценку контента на предмет вредоносности для детей и фильтрацию (например фильтрацию мемов).

Авторы системно-динамической концепции справедливо отмечают неэффективность культивирования приоритета безопасности над эмоциональным и духовным развитием ребенка, поскольку это ведет к насаждению страхов и недоверию к миру и людям, препятствует познанию и способствует либо формированию зависимости, либо девиантному поведению и агрессивному антисоциальному протесту³⁵³. Иными словами, существуют *пределы конструирования ситуации безопасности*, за которыми цель защиты развития и здоровья ребенка превращается в свой антипод. Определение таких пределов имеет отношение к сохранению пространства выбора среди альтернатив, с учетом возрастных способностей к анализу и интерпретации этих альтернатив.

³⁵³ Зинченко Ю.П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. М.: МГУ, 2011. 952 с.

Механизм управления информационной безопасностью детей выстраивается на основе универсальной схемы управления, представленной взаимосвязью основных компонентов: управляющей системы (субъектов управления), управляемой системы (объекта управления), управляющего воздействия (мер, средств, процедур). За счет простоты схематизации всех возможных связей такое представление обеспечивает логику предлагаемой нами модели (см. рис. 10).

На основе анализа теоретических положений о природе информации и вреда от информации, о возможностях управления безопасностью, а также на основе результатов эмпирических исследований опыта основных субъектов управления информационной безопасностью детей структура механизма в модели представлена следующим образом. Постановка проблемы информационной безопасности детей определяет цель механизма как реализацию состояния защищённости детей от рисков причинения информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Эта цель указывает на *объект управленческих воздействий – риски от информации*. Принимая во внимание постулируемую рискологическими концепциями субъективность риска, его происхождение в зависимости от поведения (действия или бездействия) субъекта, объект управления предполагает *мотивы рискованного поведения и условия их реализации*. Поскольку данные риски имеют отношение к информационным процессам, то факторы рискованного поведения конкретизируются на каждом выделяемом нами *этапе цепи*: при создании информации (контента или сигнала), распространении (обороте) информации, организации (администрировании, управлении, контроле) доступа к информации, потреблении информации ребенком.

В соответствии с двусоставной природой вреда от информации, вытекающей из представления о двух субстанциях информации (контента и сигнала), на каждом из четырех этапов коммуникативной цепи возможно рискованное поведение, порождающее вероятность *контентного или форматного вреда*. В свою очередь, контентный вред связан с вредным *сетевым или*

*несетевым контентом. Особенности вреда от сетевого контента фокусируются в специфике сетевого коммуницирования (гиперсети медиа). Управленческое воздействие на объект, таким образом, определяется мерами, необходимыми для идентификации, снижения, превенции и прогнозирования контентного или форматного риска на каждом этапе коммуникационной цепи. Таким образом, управление рисками является уровневым и реализуется на *четырёх уровнях принятия управленческого решения: доктринального и концептуального обоснования информационной безопасности детей; распространения информации; доступа к информации; потребления информации.**

Возможности реализации управленческих мер есть ресурсы управления рисками. Объем ресурсов, необходимых для управления риском, назван нами ресурсоёмкостью этого риска. Например, занижение возрастной категории информационной продукции (знака, маркировки) распространителем информации как объект управления является рисковое поведение (действие) распространителя (участника оборота продукции) в соответствии с присущим ему мотивом расширения аудитории потребителей этой продукции, условием осуществления которого выступает право самостоятельной возрастной маркировки продукции распространителем. Этот риск локализуется на таком этапе коммуникативной цепи как распространение информации и относится к контентным рискам. Мерами управления данным риском в общем виде выступают: 1) при идентификации риска – оценка знака продукции как неправильного; 2) при снижении и превенции риска – пресечение оборота продукции, возложение юридической ответственности на нарушителя. Требуемые ресурсы – это, во-первых, полномочия и компетенции по оценке правильности возрастной маркировки, мониторинга и контроля, а во-вторых, полномочия по применению мер правового принуждения. Первая мера предполагает воздействие на условия реализации мотива (свобода самостоятельной возрастной маркировки и оборота продукции), вторая – на мотив рискового поведения.

Ресурсоемкость риска указывает на субъекты управления, обладающие требуемыми ресурсами. Таким образом, как показано на рис. 3, субъект управления определяется исходя из требуемых для управления риском ресурсов, необходимых в отношении *каждого этапа коммуникативной цепи, каждого из двух видов вреда – контентного и форматного, каждой меры управления риском – идентификации, снижения, превенции и прогнозирования, на каждом уровне принятия управленческого решения.*

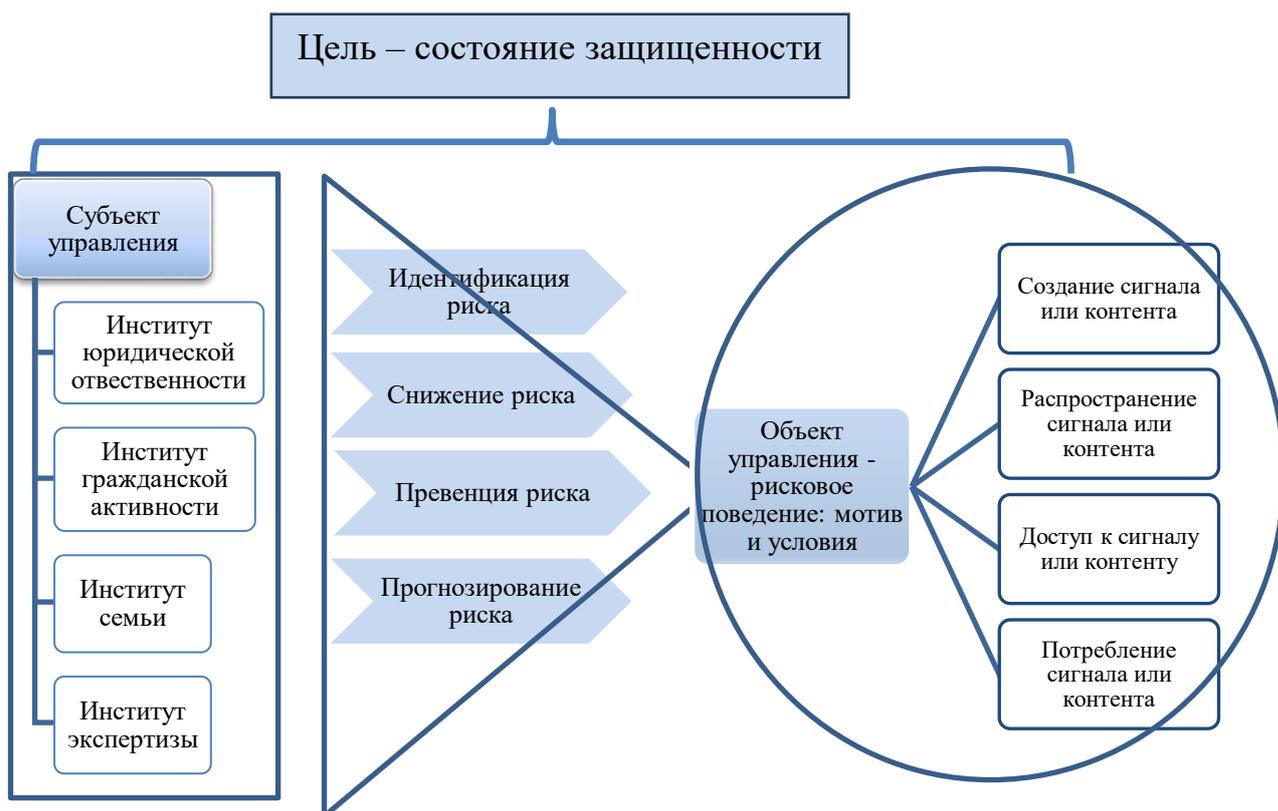

Рис. 3. Схема устройства механизма управления информационной безопасностью детей

Как показано на рис.4, принятие управленческого решения на уровне доступа к информации возможно для всех субъектов управления, и поэтому, используя принятую терминологию, можно сказать, что риски на соответствующем этапе информационно-коммуникативной цепи наименее ресурсоемки. И, напротив, принятие решения на уровне потребления информации доступно лишь институту семьи и гражданской активности, поэтому риски на данном этапе наиболее ресурсоемки и требуют больших

управленческих ресурсов, субъектов с наименьшей степенью институционализации.

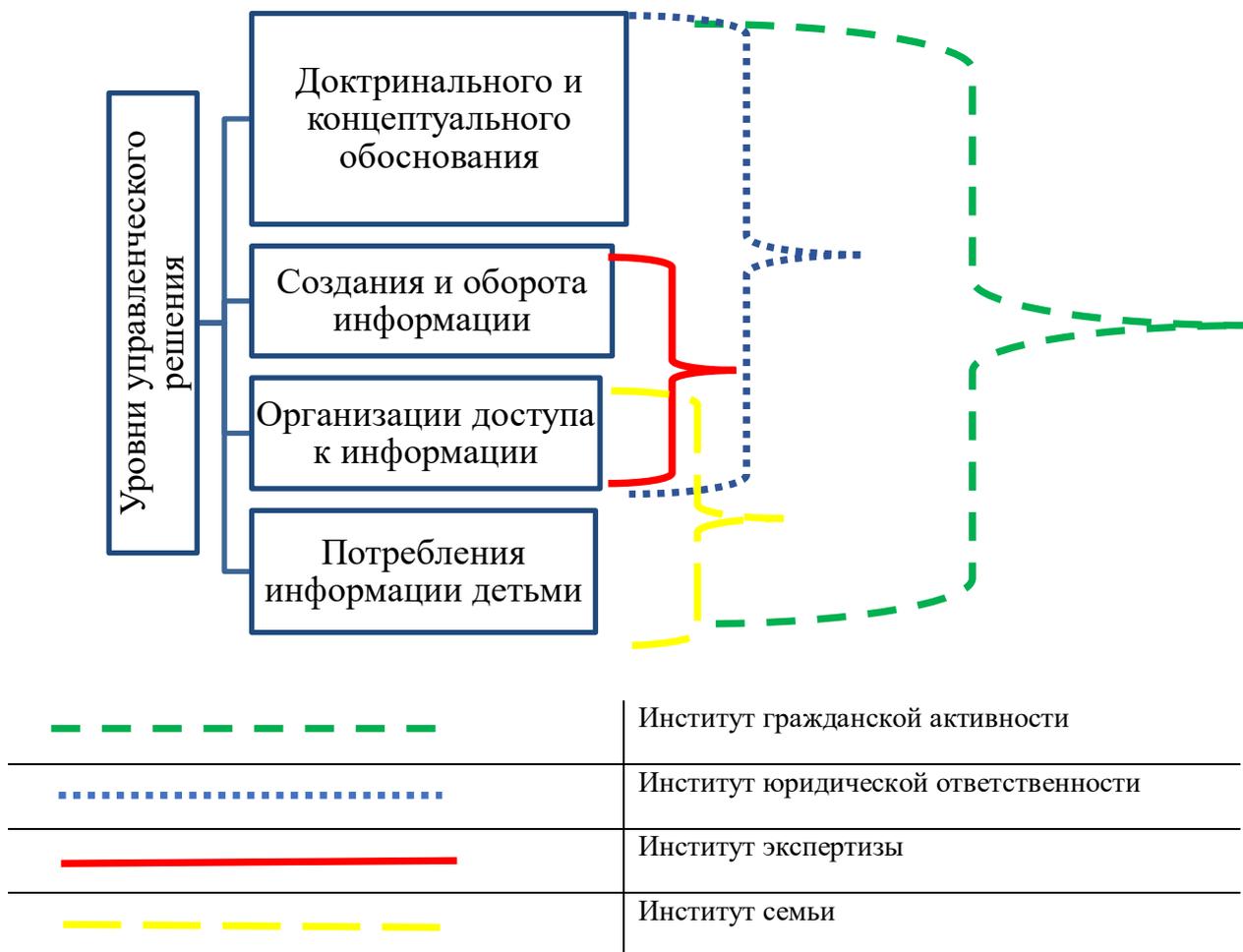

Рис. 4. Распределение управленческих ресурсов по уровням принятия управленческих решений

Ресурсы управления рисками представляют собой полномочия и компетенции, имеющиеся у субъектов управления и необходимые для применения при воздействии на риск. Чем более требуется ресурсов и чем большее число субъектов управления задействовано для минимизации риска, тем более ресурсоемким признаётся риск. Ресурсоемкость риска предлагается рассматривать как сумму полномочий (возможностей властного администрирования, императивности решений) и компетенций (профессионализма и осведомленности, знаний). В целом, эти ресурсы аккумулируются в такие возможности социального контроля как воспитание,

социализация, принуждение, наблюдение, проверка и анализ поведения субъектов риска, оценка и интерпретация поведенческих актов информационного обмена. Поэтому в качестве укрупненных субъектов управления информационной безопасностью детей приняты институт юридической ответственности, институт экспертизы, институт гражданской активности и институт семьи.

Идентификация риска связана в широком смысле с оценкой вероятности вреда, то есть вычислением возможности ущерба здоровью и развитию ребенка. Из анализа принимаемых в расчет субъектами обеспечения информационной безопасности факторов риска можно вывести формулу вероятности вреда от контента здоровью и развитию детей:

Вероятность = (Степень вреда + Доступность) – Возраст,

$V = (StVp + D) - Vz.$

Данная формула не претендует на количественную измеримость и точную калькуляцию, подобную математической формуле вероятности, но демонстрирует факторы вероятности. Вероятность вреда равна сумме степени вредоносности контента (степени тяжести критерия вреда) и доступности контента за вычетом возраста потребителя. Чем больше возраст, тем меньше вероятность. Чем больше степень вреда или доступность, тем вероятность выше.

Формула применима как в отношении контентного вреда, так и в отношении форматного. В случае контентного вреда степень вреда определяется исходя из законодательных критериев или рейтинга деструктивного контента, в случае форматного (сигнального) – из продолжительности пребывания в ситуации фоновой работы информационного сигнала, а доступность при этом есть выраженность принуждения к потреблению сигнала или степень управляемости источником сигнала.

Снижение вероятности вреда как общая цель управления информационной безопасностью детей есть воздействие на данные переменные, а именно, на переменные, поддающиеся управлению – доступность контента и степень вреда. Вероятностный характер вреда означает, что рисковое поведение заключается в

повышении вероятности, либо через повышение степени опасности контента, либо через повышение доступности, а управленческое воздействие – в снижении этой вероятности через влияние на поведение субъектов риска и на условия доступности.

Воздействие на мотивы поведения субъекта риска, включая поведение субъекта управления, возможно через анализ пороков мотивации, например возможности реализации коммерческого или коррупционного мотива. Все мотивы субъектов риска делятся на постоянные (перманентные) и непостоянные (переменные). Последние пластичны и более поддаются управленческому воздействию, а первые требуют выявления и учета. Мотивы девиантного поведения участника коммуникаций, как показал анализ опыта применения юридической ответственности, связан с технологическими возможностями Сети. Иными словами, девиантизация мотивов технологически детерминирована посредством интенсификации демонстрации образцов девиантного поведения и, в итоге, формирования соответствующих паттернов медиапотребления.

Как было выявлено в ходе эмпирического исследования, мотивы поведения субъектов риска на разных этапах коммуникативной цепи различны. Например, создание и распространение «девиантного» контента (деструктивного, шокового, порнографического, содержащего крайние формы насилия, жестокости и т.п.) предполагает коммерческие и некоммерческие мотивы, которые в своей основе могут иметь потребность в «девиантном» самовыражении. Потребление «девиантного» контента также предусматривает существование разных мотивов: от склонности к потреблению такого контента до стремления к удовлетворению ребенком естественного любопытства. Разумеется, и управленческое воздействие на данные мотивы будет различаться как по мерам, так и по субъектам. Например, воздействие на мотивы, связанные с желанием потребить шоковый контент, может включать комплекс мер как юридического, так и воспитательного характера. Коммерческие мотивы распространения такого контента заключаются в коммерческой прибыли и заинтересованности в росте спроса на такой контент среди населения, то есть в

распространении девиантных наклонностей. Воздействие на эти мотивы возможно через регулирование хозяйственного поведения, установление правовой связи между участниками оборота информации, официализацию отношений участников коммуникации: потребителя контента, владельца площадки распространения контента и субсидирующего лица – рекламодателя. Снижение действия этого мотива возможно, например, путем введения особых «акцизов потенциально опасного контента» или исключения возможности «монетизации лайков».

Мотивы рискованного поведения субъектов управления требуют особого внимания и предполагают специальные меры. Среди таких мотивов могут быть как коррупционные, так и обуславливающие халатность при исполнении управленческих функций. Воздействие на эти мотивы означает реагирование на должностные нарушения.

Представленный подход к управлению мотивами поведения субъектов рискованного поведения основан на *сужении пространства произвольного выбора* или на *ограничении условий реализации мотивов*, а управление мотивами поведения самого управляющего субъекта – на обеспечении условий реализации его мотивов. Таким образом, все меры воздействия на мотивы рискованного поведения, включая поведение самих субъектов управления, направлены либо на устранение (снижение) мотива, затруднение их формирования и развития, либо, наоборот, на развитие мотивов поведения, направленного на обеспечение безопасности.

В целом, особенности мотивационной структуры субъекта управления влияют на эффективность его управленческого поведения и, соответственно, выступают либо ресурсами, либо управленческими рисками. Например, выявление вероятности вреда и признаков такой вероятности интенсивнее у тех субъектов, чья деятельность определяется личным мотивом защиты ребенка, а не мотивом, связанным с исполнением должностной инструкции. Поэтому отсутствие таких личных мотивов у представителей института юридической ответственности снижает его эффективность при идентификации риска по

сравнению с ресурсами семьи и гражданской активности, выводит признаки вероятности вреда за поле его видимости, ограниченное пределами формулировки правовой нормы.

*Субъект-объектный подход к управлению рисками связан с характеристиками анализирующего («рефлексирующего») опасность и выбирающего из перечня доступных альтернатив поведения субъекта и объективностью «качественно-количественного выражения реально существующей неопределенности»³⁵⁴. Этот подход принят нами в качестве одного из базовых теоретических оснований новой модели реализации информационной безопасности детей, представляемой в настоящем исследовании. Перефразируя Н. Лумана, риск можно назвать субъективным как зависимым от выбора, а опасность – объективной. *Объективность опасности порождает риски как осознание этих опасностей*, это риски, называемые рисками первого порядка, за ними следуют риски вероятности негативных последствий действий, направленных на устранение рисков первого порядка. Это, с точки зрения В. Бонса, риски второго порядка³⁵⁵.*

Как рискам первого, так и рискам второго порядка соответствуют определенные зоны, понимаемые как совокупности факторов и условий их появления. Зона риска первого порядка представляет собой рефлексируемые опасности, исходящие от информационного пространства, поэтому эта зона рисков включает факторы, имеющие источником происхождения объективные эволюционные, прежде всего технологические, процессы развития человечества, и риски, осознаваемые участниками информационного обмена субъектами риска первого порядка.

Зона рисков второго порядка представляет собой факторы появления рисков деятельности вышележащих субъектов по отношению к нижележащим субъектам, субъектам риска первого порядка, а также деятельности субъектов, но по отношению к рискам первого порядка не имеющим субъекта. Это риски

³⁵⁴ Luhmann N. Der Begriff Risiko. In: N. Luhmann. Soziologie des Risikos // New York: Walter de Gruyter, 1991. P. 9–40.

³⁵⁵ Bonss W. Vom Risiko: Unsicherheit und Ungewissheit in der Moderne. Hamburg: Hamburger ed., 1995. 358 p.

субъектов управления (зона управленческих рисков). Зоны рисков имеют тенденцию к расширению – увеличению количества факторов появления рисков, то есть как зона информационных рисков, так и зона управленческих рисков предполагает существование тенденций. Тенденции зоны управленческих рисков представляют собой обобщенные направления управленческих решений по снижению информационных рисков, не всех, а только тех решений, которые содержат вероятность негативных последствий. Это не только действия, но и бездействие субъектов управления рисками, создающее ситуации неопределенности, повышающие вероятность получения ущерба здоровью и развитию детей.

На основании выполненных нами исследований существующих практик обеспечения информационной безопасности, включая правоприменительный механизм и гражданскую активность, организацию оценки вредоносности контента, в том числе рекламной продукции, анализа выводов сторонних исследований в отношении международных практик обеспечения информационной безопасности детей, а также обоснования новой концепции медиашума, выделены тенденции зоны риска.

Прежде чем перейти к ним, необходимо точно обозначить субъектов риска и субъектов управления. Обратим внимание на переменчивость статусных позиций субъекта риска, то есть субъекта, производящего риск – субъекта нижележащего уровня, и субъекта управления – субъекта вышележащего уровня. Так, субъект управления может быть таковым только для субъекта нижележащего уровня, и быть субъектом риска (объектом управления) для субъекта вышележащего уровня. Например, деятельность образовательной организации может быть направленной на снижение риска получения детьми вреда от информации через применение программ контентной фильтрации или ограничение использования смартфонов, то есть соответствовать статусу субъекта управления, а может стать объектом управления со стороны субъектов вышележащего уровня (контрольных и надзорных государственных органов) в случае распространения вредной информации, то есть явиться деятельностью

субъекта риска. Поэтому, в частности, институт образования, хотя и реализующий, например, медиаобразование как деятельность по минимизации рисков, нельзя в полной мере отнести к субъектам управления информационной безопасностью, поскольку этот институт нельзя отнести к обладающим «управленческой автономией», то есть той степенью самостоятельности, которая присуща выделяемым нами институтам – субъектам управления (юридической ответственности, экспертизы, гражданской активности, семьи).

Субъектами риска (производителями риска), то есть субъектами, чьи действия непосредственно порождают вероятность получения детьми вреда, являются производители и распространители информационного сигнала, включая всех субъектов с полномочиями по администрированию оборота информационной продукции. Они различаются по мотивам производства и распространения (участия в обороте продукции). Это, в соответствии с проведенным нами анализом, субъекты, имеющие следующие мотивы: *коммерческие; политические и идеологические*, например такие как экстремизм и пропаганда нетрадиционных отношений; *пользовательские*, которые, в свою очередь, могут подразделяться на мотив самовыражения (личной самоактуализации) и следование паттерну медиаповедения. К субъектам риска, имеющим коммерческие мотивы, относятся представители медиабизнеса, рекламодатели и рекламораспространители, индивидуальные и коллективные хозяйствующие субъекты вне зависимости от степени институционализации и легализации. К субъектам риска, имеющим политические и идеологические мотивы, относятся группы и индивидуумы, создающие и распространяющие запрещенный и вредоносный контент. К субъектам риска, имеющим пользовательские мотивы, (использующим технические мощности массификации информации), относятся субъекты, создающие и распространяющие медиасигнал в целях самопозиционирования – любые индивидуальные пользователи сети Интернет, в том числе сами дети, а также некоммерческие хозяйствующие субъекты – образовательные организации, фонды, общественные организации, партнёрства и т.д. К этим субъектам также

относятся и субъекты, подвергающиеся влиянию паттернов медиаповедения, для которых распространение медиасигнала привычно и соответствует поведению, принятому в референтной для них группе. В качестве таких субъектов могут выступать родители (лица, их заменяющие) и члены семьи, примеры указанного поведения – проигрывание аудиосигнала в формате фона или потребление информационной продукции, ограниченной для распространения среди детей, в присутствии детей.

Субъекты управления, деятельность которых направлена на снижение рисков, но может порождать и управленческие риски в случае принятия неэффективных решений, определяются исходя из нормативно-концептуальных и стратегических документов. Так, в соответствии с рассмотренными выше нормативными основами обеспечения информационной безопасности детей в России ими выступают, во-первых, государство в лице органов исполнительной власти, контролирующих, надзорных и правоохранительных органов, органов социальной защиты и профилактики правонарушений; подведомственные организации (прежде всего, образовательные организации), во-вторых, научные и экспертные сообщества, в-третьих, гражданское общество, в том числе институт уполномоченного по правам ребенка, общественные движения и объединения, ассоциации родительской общественности и движения, осуществляющие функции наблюдения (мониторинга) и общественного контроля в информационном пространстве, в-четвёртых, родители (лица, их заменяющие) как лица, обязанные обеспечить надлежащее воспитание ребенка и защиту его прав и интересов.

Субъекты управления перечислены в порядке убывания степени институциональности, которая определяется исходя из умозаключаемой степени устойчивости моделей поведения субъекта и отношений с иными субъектами (Г. Спенсер, М. Вебер) и из степени ограниченности произвольности его действий и необходимости интеграции (соотнесения) своих действий с действиями других субъектов данного уровня управления. Наиболее институализированным субъектом управления (или уровня управления)

считается тот субъект, во-первых, чье поведение наиболее жестко ограничено нормами и правилами, то есть администрировано, во-вторых, который несет наибольшую ответственность в случае отклонения от интеграции с действиями иных субъектов данного типа действия, в нашем случае направленного на снижение рисков получения детьми вреда от информации.

В ходе эмпирических исследований определено *влияние степени институционализации субъектов управления на их ресурсы*, используемые в процессе реализации мер управления рисками: *идентификацию (выявление) риска, снижение (нормализацию) риска, превенцию (профилактику), прогнозирование*. Степень институционализации также сказывается на эффективности меры воздействия на разных этапах коммуникативной цепи. Например выявлено, что высокая степень институционализации субъекта управления снижает скорость его реакции на угрозу при идентификации риска и сужает возможности управления поведением субъекта риска на этапе создания «девиантного» контента.

Анализ эмпирической части исследования позволил выявить тенденции рисков от информации, а также основные тренды управления этими рисками. Тенденции зоны риска указывают на требуемую динамику управленческого процесса. Анализ тенденций риска позволил подойти к определению динамики зоны риска как совокупности интегральных трендов, обладающих единой направленностью – объектом ущерба, и предполагающих единый источник происхождения – поведение субъекта риска. *Соответствие тенденций управления этим трендам* делает из них *векторы управления*.

Основные интегральные тенденции зоны риска:

1. Стремительное увеличение скорости трансляции сигнала и сокращение временного интервала между созданием и потреблением информационного контента и медиасигнала.
2. Снижение возможностей юридической параметризации вреда от контента.

3. Рост аффективного характера взаимодействия с медиасигналом и упрощение семиотической (содержательной) составляющей контента за счет нарастания эмоциогенности контента.
4. Рост числа устройств массивификации информационного сигнала и встречное наращивание потенциала акустического насилия каждого пользователя, что влечет риски для уязвимых групп, не обладающих таким потенциалом (дети). *Встречное наращивание потенциала акустического насилия* каждого пользователя, при котором потенциал одного (владение и использование устройства трансляции медиасигнала) не направлен на сдерживание другого.
5. Снижение возможностей интерпретации детьми релевантного информационного сигнала в условиях медиашума.
6. Доместикация медиашума, смещение риска получения вреда в домашнее пространство, утрата домашним пространством статуса наиболее безопасного, приватного и контролируемого (Дж.Г. Мид, К. Мангейм, Н. Элиас), взлом «культурного панциря» (Б. Малиновский) и незащитность перед «публичным пространством города» (З. Бауман). Показано, что четверть опрошенных подвергается действию внешне инициируемого акустического медиасигнала в домашней среде и не имеет возможности устраниться от него.
7. Универсализация эскортирующей и атрибутивной реализации медиасигнала и экспансия им повседневных практик жизнедеятельности.
8. Приближение к порогу допустимого уровня взаимодействия человека с медиасигналом по времени (время бодрствования) и когнитивной сложности.
9. Снижение резистентности к внешне инициируемому медиасигналу и повышение готовности его потреблять.
10. Эскалация аддиктивного типа взаимодействия с медиасигналом и увеличение латентности риска медиазашумления. Превращение адаптивных стратегий преодоления медиашума (наушники) в социальный паттерн, способствующий формированию зависимого медиаповедения.

11. Рост компетентностной и возрастной дифференциации медиазашумления, соответствующей возможностям влияния на источник медиа.
12. Коммерциализация публичного информационного пространства, прежде всего пространства социальных сетей, несовпадение адресата и аудитории потребителей контента. Капсулирование и консервация познавательных потребностей и возможностей ребёнка в связи с реализацией услуг поисковых сервисов по автоматическому коммерчески обусловленному предложению контента.
13. Рост мимикрии, импликации и диффузии вредного контента, гибридизация форм информационного сигнала.
14. Маркетизация отношений по экспертной оценке контента, поляризация экспертного сообщества.
15. Снижение открытости процедур официальной оценки контента и качества экспертизы, объективности и обоснованности её выводов.
16. Смещение функций по экономическому обеспечению информационной безопасности детей в область частных отношений.

Анализ имевших место предложений и принятых поправок в законодательство, регулирующее информационную сферу и смежные с рассматриваемой темой правоотношения, а также изменения практик взаимодействия участников социального контроля позволяет вывести закономерности, а также обнаружить тенденции управленческого воздействия на риски.

Некоторые интегральные тенденции управления рисками:

1. Расширение спектра критериев вреда от контента. Девиантизация новых форм поведения участников информационного обмена.
2. Национальная суверенизация контентной фильтрации.
3. Рост числа пластичных нормативных параметров вредной информации и признаков ненадлежащей рекламы.
4. Расширение перечня типов информационной продукции.

5. Рост востребованности унификации требований к безопасности информационной продукции и требований к рекламе.
6. Рост востребованности персонализации участников информационного обмена и признания анонимности фактором риска.
7. Повышение требований к процедуре экспертизы и экспертам.
8. Повышение ответственности субъектов, обладающих «полномочиями по администрированию оборота информационной продукции».
9. Запрос на государственное финансирование процедур официальной оценки контента.
10. Повышение значения незамедлительной досудебной блокировки запрещенного контента как увеличение потенциала реактивности социального порядка.
11. Рост востребованности в зонировании информационного пространства и создании детской зоны в публичном информационном пространстве.
12. Расширение перечня рискогенных характеристик (параметров) информационного сигнала. Определение санитарным законодательством верхних границ звукового сигнала, шума и нижних границ визуального сигнала (например освещённости) указывает на признание рискогенности воздействия сигнала, способного вызвать «значительное беспокойство и существенное изменение показателей функционального состояния систем и анализаторов»³⁵⁶.
13. Усиление нормативного регулирования, направленного на постепенное снижение локального типа медиазашумления.

Как видим, лишь некоторые тенденции управления рисками от информации направлены на нивелирование тенденций риска. В целом среди тенденций управления наблюдается *преобладание экстенсивного пути над интенсивным*, а именно, *количественное расширение предметов приложения управленческих мер, внешнее увеличение поля воздействия, прежде всего за счет роста диапазона и расширения пределов правового регулирования без*

³⁵⁶ СН 2.2.4/2.1.8.562-96. Физические факторы производственной среды.

качественной модернизации управленческой системы. Экстенсивная динамика управления рисками от информации проявляется, в частности, в расширении критериев вреда и перечня видов информационной продукции, а также в нацеленности на увеличение количества возрастных категорий информационной продукции с соответствующим древовидным разрастанием критериев вреда, в преобладании рейдового реагирования. Неэффективность экстенсивных мер обуславливается общей интенсификацией рисков от информации и объективными процессами технологического прогресса. Сетевые свойства рисков на сегодняшний день есть основной источник их интенсивности, требующий скорейшей модификации свойств, включая *ускорение реакции, решение дефицита* и ограниченности управленческих ресурсов, обязательное *встречное использование достижений технического прогресса и информационно-коммуникативных технологий*. Среди прочего, одной из опасностей экстенсивного пути выступает иллюзия мер обеспечения безопасности, видимость управленческой деятельности вне связи с её результатом.

Общей задачей обеспечения информационной безопасности детей помимо качественной модернизации и интенсификации управляющей системы является *синхронизация динамики рисков и динамики управления* через определение закономерностей тенденций – векторов управления, которые кратко можно выразить так: ускорение сигнала; гибридизация форм информации; рост количества источников сигнала; зашумление жизненного пространства по месту и времени, domestikация шума; аффективность и эмоциогенность потребления сигнала; аддиктивность медиапотребления; коммерциализация оборота информации; ослабление формальной нормативизации вреда от информации; ослабление значения публичности вреда от информации; маркетизация экспертной оценки. Среди этих закономерностей выделяются объективные, то есть технологически обусловленные, а также те, которые хотя и являются следствием первых, но находятся в пределах действия социального контроля, поддаются управлению и, соответственно, являются собой указатели направлений

управленческого воздействия. Это, например, нормативизация проигрывания информационного сигнала по различным параметрам – месту, времени, интенсивности, целям и т.п.; распространение регулирования взаимодействия с информацией на домашнее пространство развития ребенка; контроль экономических связей участников коммуникативной цепи; устранение экономической обусловленности оценки вреда от контента; приоритезация публичного значения информационной безопасности детей перед экономическими интересами. Эти направления предполагают комплекс ресурсов, имеющих у разных субъектов, поэтому целью функционирования модели реализации информационной безопасности выступает задание механизма интеграции, синхронизации и синергии этих ресурсов.

Итак, большинство тенденций зоны риска демонстрирует технологическую детерминацию динамики рисков вреда от информации. Стремительный рост технологического потенциала Сети как источника рисков обусловлен разными факторами объективной и субъективной природы. Управленческие риски обусловлены объективными пределами правового формулирования и возможностями юридической параметризации вреда, рассогласованностью сфер регулирования, недостижимостью субъектов ответственности и, в целом, искусственно созданным иммунитетом рекламного и пользовательского контента перед нормирующим воздействием, ущербностью и уязвимостью сферы правового принуждения, недостаточностью механизма квалифицированной оценки коннотационного и контекстного смысла, т.е. механизма, способного восполнить пределы правовой параметризации вреда, инерцией действия принципов свободы информационного обмена. Расширение зоны риска обуславливается доминированием экономических ценностей и целей над неэкономическими.

Управление форматными рисками характеризуется отсутствием эффективных средств защиты права на безопасную среду, а именно, защиту от запредельной эксплуатации каналов восприятия, несмотря на доступность для экологического регулирования и достигаемость для гигиенического

нормирования. Это усугубляется неэффективностью барьерных средств персонификации информационного сигнала и нехваткой индивидуальных ресурсов контроля над источником сигнала, что влечёт стабильный рост индивидуального потенциала акустического насилия и приводит к конфронтации между обществом, производящим медиасигналы, и человеком, вынужденным их потреблять в условиях ограниченности своих временных и когнитивных ресурсов, к радикальному упрощению использования и технической доступности транслирующих устройств. Реальность технического прогресса, автоматически ускоряющего распространение медиазашумления через общедоступность средств массификации и тиражирования сигнала, а также востребованность потенциала медиасигнала для конструирования психологических состояний посредством активации эмоционального реагирования способствует паттернализации аффективных психологических состояний и снижению резистентности к медиашуму. Особая опасность медиашума для детей заключена в их компетентностной слабости, а также зависимости от экологической чистоты домашней среды, которая становится наиболее медиазашумленной. Дефицит тишины на фоне девальвации естественного состояния окружающей среды вне работы медиасигнала определяет рост аддиктивного медиаповедения.

Имитация перехода системы из состояния опасности в состояние безопасности использует дивергенцию основных элементов системы управления в соответствии с рискологическим подходом к реализации информационной безопасности, значением компонентов мотивационной структуры рискового поведения, уровневым принципом принятия управленческих решений, обобщенным представлением о коммуникативной цепи, вероятностным характером вреда от информации, природой информационного сигнала, ограниченностью управленческих ресурсов субъектов, разных по степени институционализации, а также в соответствии с целеориентированным управленческим действием (вектором) как наиболее интенсивным в актуальной тенденции риска. Представление модели через

аналогию с векторным управлением использует возможности имитационного моделирования целей управленческой деятельности по обеспечению информационной безопасности детей и схематизации параметров управленческого воздействия, а именно, параметров силы (скаляра) и направления (вектора). Уровень абстракции модели векторного управления даёт возможность представить субъект-объектную природу управления рисками в виде системы.

4.2. Модель управления информационной безопасностью детей

Трансформация теоретических принципов управления информационной безопасностью детей в практико-прикладную область предлагается в процессе моделирования, позволяющем описать и продемонстрировать основные факторы, влияющие на эффективность управленческого решения, апробировать их и определить возможные последствия. Модель как специфический объект, обладающий важными характеристиками объекта-оригинала (процесса управления), предоставляет возможность оценить его функционирование в разных ситуациях (разных сочетаниях факторов), воспроизвести существенные параметры процесса управления на основе сходства и аналогии.

Моделирование предмета данного исследования имеет целью не только описание элементов процесса управления, связей между ними, но и его рационализацию, объяснение факторов, с помощью которых возможно влияние на динамику зоны риска и предотвращение негативных последствий принятых управленческих решений. Эвристическая и прогнозная функции моделирования реализуются через определение критических противоречий и результатов, к которым могут привести эти противоречия, предложение оптимальных путей решения. Формализация предлагаемого моделирования основывается на причинно-следственных связях между переменными. По ориентированности на воспроизведение оригинала это структурно-функциональное моделирование, поскольку основывается на аналогии структуры и функционирования для

описания динамики процесса. Важными принципами моделирования были приняты принципы полноты, адекватности, достаточной абстрактности, принцип реальной осуществимости как ориентированности на имеющиеся возможности, принцип использования установившейся терминологии, принцип наглядности модели.

Использование возможностей моделирования управления информационной безопасностью детей позволяет сконструировать его теоретико-методологический каркас, выявить многообразие аспектов, взаимосвязей и зависимостей, свести их в целостный практико-ориентированный концепт³⁵⁷. Фокус внимания предлагаемой модели сосредоточен на рискологическом подходе к пониманию феномена безопасности, при котором управление информационной безопасностью детей определяется как деятельность социальных субъектов по управлению рисками вреда от информации. Нацеленность модели на синтез подходов к пониманию феномена безопасности, на объединение методологии и методов управления социальными рисками, на аккумуляцию потенциала управленческих структур, соответствующих природе вреда от информации, а также открытость для вхождения новых субъектов характеризует эту модель как *интегральную*.

Векторность и *ресурсность* отражают главные моменты динамики субъект-объектной структуры модели. Векторность заключается в согласовании движения (направления и скорости) объекта управления (зоны риска) и субъекта управления, обеспечивающем интенсивность действия, а *ресурсность* – в ориентации на особенности управленческого потенциала субъектов управляющей системы.

Моделирование осуществлено без грубого редуционизма, с использованием технической метафоры, которая предлагает широкие возможности для анализа компонентов исследуемого явления. Аналогия между моделью векторного управления информационной безопасностью детей и

³⁵⁷ Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей: теория и практика // Н.Новгород: Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. 285 с.

работой асинхронного двигателя обладает достаточным имитационным потенциалом, указывает на задачу гармонизации динамики зоны риска и динамики управления, то есть синхронизации (достижения совпадения) их моментов, под которыми понимаются движущие силы динамики зоны риска и управляющей системы. Роль статора играет зона риска, роль ротора – система управления.

Выявленные тенденции зоны риска, включая тенденцию зоны управленческих рисков, указывают на проблему рассогласованности и несовпадения траекторий управленческих воздействий и рисков (несовпадение моментов), а также *неадекватность затрачиваемых ресурсов характеру угроз*. Об этом свидетельствуют управленческие риски, источники которых восходят к общим проблемам управленческого процесса как *специфического типа социального взаимодействия*. Эти проблемы могут быть сведены к следующим закономерностям: ограниченность государственно-правового регулирования и пределы юридикации отношений информационного обмена; уязвимость формального контроля как следствие морфологического (алгоритмического) расхождения объекта и субъекта управления; *срастание статусных позиций и гомогенизация мотивов субъектов риска и субъектов управления*; недооценка публичности (социальности) рисков; латентность новых угроз и их «невидимость» для официальной оценки, «оптики рисков»; *инертность реагирования* со стороны субъектов формального контроля и *экстенсивность*; устаревание принципов реализации демократических свобод в области информационного обмена.

Принципами работы интегральной ресурсно-векторной модели реализации информационной безопасности детей выступают: экономия управленческих ресурсов; трансфер ресурсов, то есть делегируемость и распределяемость полномочий и компетенций субъектов управления; ориентация на наращивание ресурсов; адресность управленческого воздействия; дифференциация факторов риска; направленность на снижение вероятности дефектов мотивации управленческих субъектов; дифференциация вреда от информации, т.е.

разграничение контентного и форматного (сигнального) вреда; нацеленность управления на превенцию риска; нормативность критериев вредной информации; публичное значение информационной безопасности каждого ребенка, социальность риска.

Поскольку целью векторного управления, обобщенной с точки зрения предмета нашего исследования, является совпадение динамики зоны риска и динамики управленческой системы, принимается во внимание правило следования ротора (системы управления) за магнитным полем статора (за зоной риска), согласование направления и скорости движения. Образно взаимодействие зоны риска и системы управления можно представить в виде работы ротора и статора в магнитном поле двигателя в соответствии с рис. 5.

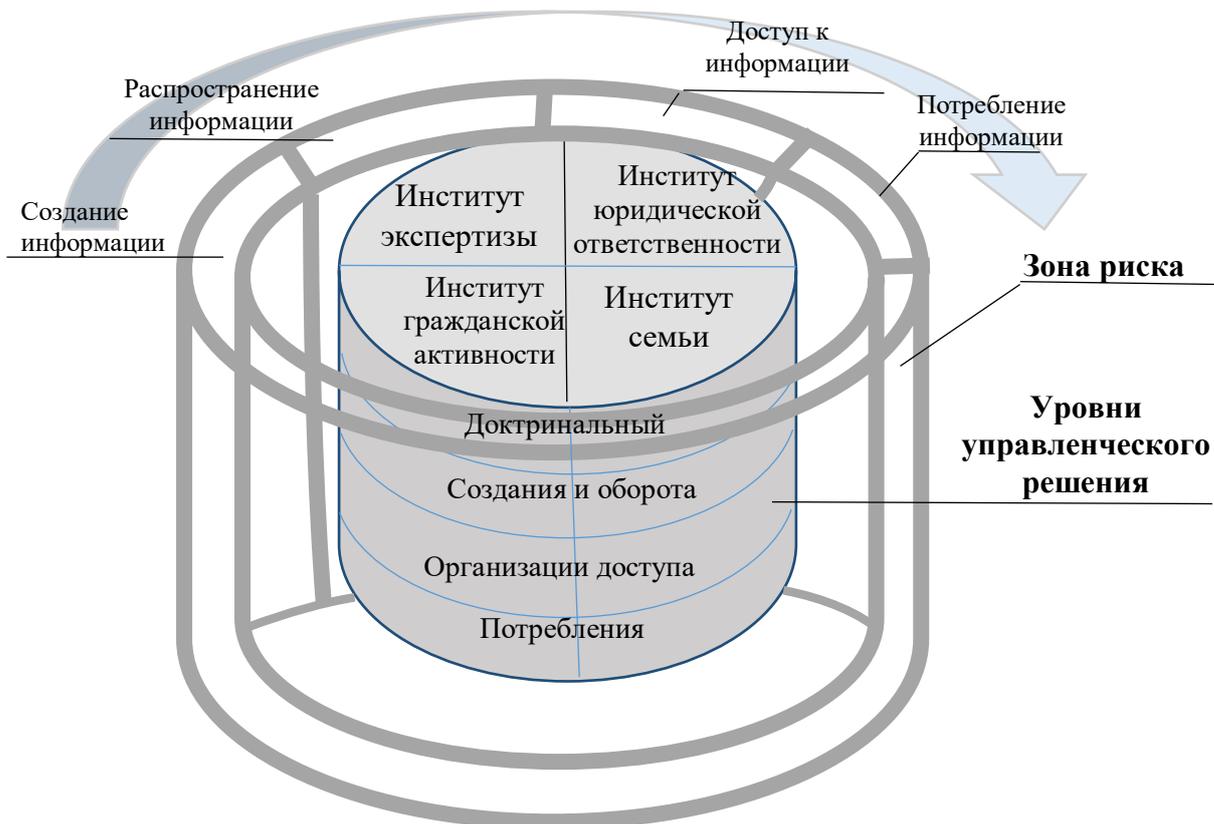

Рис. 5. Модель управления информационной безопасностью детей

В образе статора – внешней окружности – представлены силы, создающие условия для реализации мотивов рискованного поведения на отдельных этапах коммуникативного процесса: создания информации, распространения информации, администрирования доступа к информации, потребления

информации. Эти факторы технологизации рисков. Динамика этих процессов аналогична магнитному полю статора, это объективные факторы повышения вероятности вреда, приводящие в движение управляющую систему.

Риски, вытекающие из решений субъектов управления, имеют иное происхождение, возникают в связи с ущербностью управленческих решений и связаны с отклонением мотива управляющего субъекта от публичного интереса. Они образуют область управленческих рисков.

Ротор представляет собой систему субъектов управления и таких мер управления как прогнозирование риска, идентификация (выявление) риска, снижение (пресечение) риска, превенция (профилактика). Структура ротора представлена на рис. 5 в виде четырех укрупненных групп субъектов управления и уровней принятия и реализации управленческого решения.

Совпадение моментов (частота изменения) магнитного поля статора и ротора обеспечивается *синхронизацией направления (установление вектора) и силы, то есть затрат полномочий и компетенций, необходимых для реакции на риск (ресурсоёмкости риска)*. Чем большее число субъектов задействовано для реагирования на риск и чем больше требуется полномочий (возможностей властного администрирования, рычагов принуждения, доступности контроля, материальных средств) и компетенций (профессионализма, знаний, осведомленности, опыта, скорости реагирования), тем более ресурсоемким является риск. Ресурсы управления различны и ограничены у каждого субъекта. Ресурсы распределены между субъектами управления неодинаково, а специфика риска может потребовать участия нескольких субъектов и «оттянуть» ресурсы от других векторов управления, что не будет способствовать синхронизации динамики систем. В связи с этим приобретает значение возможность делегирования полномочий от одного субъекта к другому, а также увеличение компетенций всех субъектов управления.

Реализация ресурсно-векторной модели управления информационной безопасностью детей учитывает соответствие между ресурсностью каждого субъекта управления и степенью его институционализации, которой определяется

произвольность действий субъекта, делокализация и деформализация мер контроля, а также вариативность его поведения (свобода действий). Ресурсность субъекта может отличаться от объема административной власти. *Роли субъектов управления подвержены диффузии*, когда субъект управления может в случае принятия неверного решения стать субъектом риска, то есть создать так называемый управленческий риск. Ресурсность субъектов управления, как отмечалось выше, заключается в полномочиях, доступных инструментах реагирования (сила принуждения, финансы, организационная связанность – аккумулятивные возможности) и в компетенциях (информированность, квалификация, знания, опыт, техническое оснащение). Очевидно, что чем больше ресурсность управляющего субъекта, тем больше возможный управленческий риск.

Субъекты рискованного поведения – это все субъекты, чьи действия или бездействие повышают вероятность вреда от информации, например участники медиаиндустрии, рекламного бизнеса, иные индивидуальные и коллективные субъекты, родители и лица, их заменяющие, сам ребенок. Первые три субъекта могут быть объединены в один – распространители. *Ресурсоёмкость риска дифференцирована особенностями соотношения правовых статусов (субъектности) субъекта риска и субъекта управления, а также особенностями соотношения мотивов субъектов риска и субъекта управления – их совпадением или противоположностью.*

Меры *юридической ответственности* устанавливаются и реализуются через принуждение, обязывание и запрет, в том числе через ограничение оборота информационной продукции, установление требований и организации доступности к ней. В отношении родителей это административная, семейно-правовая и гражданско-правовая ответственность, а в отношении ребенка это меры, зависящие от стадии становления его дееспособности и деликтоспособности. Поэтому, при невозможности применения мер принуждения к ребенку как субъекту риска, не достигшему соответствующего возраста, вина за содеянное в порядке преемства переносится на ответственное

лицо – родителя. Таким образом, родители интегрируют два вида ответственности: за надлежащее воспитание ребёнка, в том числе отсутствие действий по ограничению его доступа к вредной информации как части процесса воспитания, и за распространение информации ребёнком, перенимая вину ребёнка. Иными словами, происходит диффузия статусных ролей субъекта риска и субъекта управления. Меры в отношении управленческих рисков предполагают реакцию на должностные нарушения.

Ресурсность различных структур гражданской активности – это возможности масштабирования проблемы до уровня социальной, а также сбор и анализ социологической информации, общественного мнения. Основой ресурсов выступает солидаризация граждан по поводу страха причинения вреда общему благу, здоровью и развитию детей, то есть консенсус по поводу общего блага и угроз в его отношении. Способность к широкой дискурсивизации проблем информационной безопасности детей и аккумулятивные возможности, обеспечиваемые современными технологиями, являются основой ресурсности данного субъекта управления. При воздействии на государство используются известные меры неформального социального контроля, при воздействии на распространителей – мониторинг информационного пространства и инструменты обжалования, при воздействии на родителей – выявление случаев нарушения родительских обязанностей и активация мер государственного реагирования, в отношении экспертов – оценка качества экспертизы с привлечением других экспертов и представителей научного сообщества. Данный субъект обладает уникальным потенциалом по сбору и обработке общественного мнения для предметного наполнения законодательно устанавливаемых критериев вреда. Как отмечалось выше, среди критериев вредной и запрещенной информации содержатся такие, которые нуждаются в специальной интерпретации и социальном консенсусе. Выработка этого консенсуса доступна институту гражданской активности через имеющиеся на сегодняшний день технологические возможности. Как и в случае с государством, мотивы структур гражданского общества относятся к публичному интересу. Роль

Уполномоченного по правам ребенка в системе гражданской активности заключается в возможностях донесения результатов обработки общественного мнения по проблемам информационной безопасности до публичной власти и, соответственно, в активации реакции института юридической ответственности. Уполномоченный обладает такими возможностями обратной связи, которые недоступны деперсонифицированным субъектам гражданской активности. Доверие граждан, обращенное к конкретной личности Уполномоченного, компенсирует недостаток властных полномочий, а наличие государственного финансирования представляет собой инструменты и возможности для организации полноценной системы экспертной, научной и общественной оценки информационной продукции, восполняя компетентностный пробел.

Ресурсность института экспертизы выражена в профессиональной оценке контента информационной продукции. Эксперт в силу профессиональных знаний и навыков обладает исключительной компетенцией, которая может служить в некотором смысле «ресурсным резервуаром» управленческих мер, предпринимаемых другими субъектами. Полномочия эксперта заключаются в правовых последствиях выводов экспертного заключения для оборота подвергшейся экспертизе информационной продукции. При этом, вследствие рыночного характера инициации экспертизы и возможного конфликта интересов, этот субъект управления подвержен управленческому риску в виде заинтересованности в удовлетворении мотивов инвестора экспертизы, заказчика.

Ресурсность института семьи заключается в исключительном праве родителей воспитывать детей, в автономности семьи, монополии на решение всех вопросов воспитания детей, включая защиту от вредной информации. Приведенные выше результаты эмпирических исследований показывают именно такую позицию публичной власти в отношении родительских полномочий. Однако компетентностная составляющая ресурсности родителей характеризуется дисперсией их образовательного и культурного уровня,

дифференцирована разнообразными параметрами социального портрета и социально-экономического статуса.

Ресурсность названных субъектов управления проявляется в воздействии на условия и мотивы поведения субъектов риска на каждом этапе коммуникативной цепи и на каждом уровне принятия управленческого решения. Ресурсоемкость риска (востребованность управленческих ресурсов) дифференцирована, во-первых, характеристиками субъекта рискованного поведения, во-вторых, особенностями типа риска (контентного или форматного). Каждая из укрупненных групп субъектов риска – *Распространитель, Родитель, Ребенок* – специфически реализует свое рискованное поведение. Рискованное поведение реализуется в активной и пассивной форме. Рискованное поведение Распространителя выражено в обороте продукции и качестве соблюдения требований. Рискованное поведение родителей заключается в непринятии мер защиты своих детей от вредной информации и в финансировании приобретения информационной продукции, не соответствующей возрасту ребенка. Относительно самого ребенка как субъекта риска (распространителя), только активная форма поведения образует риски получения вреда другими детьми. Такими формами поведения являются проигрывание, просмотр или демонстрация информационной продукции совместно или в присутствии других детей или в местах, доступных для других детей; размещение контента в сети Интернет. Бездействие ребенка как субъекта риска не приводит к образованию риска получения другими детьми вреда от информации.

Характер рискованного поведения, действия или бездействия субъектов риска и, соответственно, управленческого воздействия в отношении контентных рисков зависит от *особенностей контента*, которые также представляют собой *факторы ресурсоемкости* контентного риска, то есть влияют на сложность управления. Это:

1. *Степень локализации* информационной продукции в пространственно-временном протяжении. Продукция, имеющая пространственные пределы, –

это информация, каким-либо образом выраженная в форме материального объекта (печатная продукция, зрелищное мероприятие и т.п.), демонстрация и оборот которого ограничен в пространстве и времени (в залах). Управление рисками, происходящими от взаимодействия с локализованной продукцией, означает воздействие на её пространственную доступность через запрет на вход или фактическое изъятие продукции. Риск предполагает наименьшую ресурсоёмкость.

2. Возможности *автоматизации контентной фильтрации*. Продукция, поддающаяся автоматической фильтрации вредоносного контента, например текст в цифровом виде, существенно снижает ресурсоёмкость риска. Продукция, не допускающая автоматизации контентной фильтрации, требует персонального участия оценщиков контента и их компетенций, необходимости привлечения экспертов и финансирования. Однако уязвимость автоматической контентной фильтрации перед коннотационными смыслами и видеоконтентом тем не менее требует расширенных полномочий профессиональных оценщиков и трансфера компетенций по анализу контента.
3. Возможности *персонификации ответственности* субъектов рискованного поведения в отношении информационной продукции. Риски от потребления информационной продукции, распространение которой и администрирование доступа к которой легко идентифицируется и персонифицируется, предполагают простые меры профилактики в виде верификации ответственных лиц (например, ответственных за продажи печатной продукции, теле- и радиопрограммы). Повышает ресурсоёмкость риска отсутствие возможности установления связи между распространителем контента и владельцем площадки для контента в публичном информационном пространстве, выявления факта владения интернет-ресурсом (сервисом) и факта пользования (например бесплатность и анонимность).

4. *Скорость доставки* медиасигнала, скорость канала доставки. Типы информационной продукции обладают разным скоростным потенциалом по транспортировке контента к органам восприятия. Наиболее «скоростные» формы распространения информационной продукции сокращают время необходимого управленческого реагирования, диктуя увеличение требований к ресурсности субъектов управления. Темп увеличения аудитории потребителей контента определяет значение идентификации риска на ранней стадии, то есть при первом явлении контента. Момент первого явления контента зачастую сложно установить и предполагает наличие *темпорального зазора* между созданием контента и попаданием его в публичное информационное пространство, то есть замедление потока и технологии оборота внутри публичного пространства до попадания в группы (сообщества) пользователей, до приобретения публичности.

5. *Тиражируемость (омнипрезентность) информации.* Степень «вездесущности» информации определяется типом информационной продукции и влияет на возможности управления рисками, связанными с её потреблением. Канал доставки контента характеризуется не только скоростью, но и объёмом, то есть возможностями охвата аудитории. Версионность продукции и широта вариативности формата её восприятия усложняют реагирование на риски и превенцию рисков, требуют поиска и выявления всех версий продукции, версий с разной степенью пространственной локализации. Например, ограничение оборота печатной продукции с вредоносным контентом, которая подверглась цифровой и иной репродукции, требует поиска всех её версий. Легкость репродуцируемости контента влечет трудность управления рисками от него, обуславливает принятие мер по *лимитированию тиража продукции*, возможностей её копирования и соответствующих технических инструментов.

Обозначенные факторы ресурсоемкости риска взаимосвязаны и взаимозависимы, изменение одного может влечь изменение других. Например, локализованные по времени телепрограммы снижают локализацию при

обретении ими своей цифровой версии в сети Интернет, то есть повышение тиражируемости продукции нивелирует усилия субъектов управления по временному ограничению трансляции продукции, так называемому «временному водоразделу», девальвируя их, и влечет повышение ресурсоёмкости риска.

Эффективность снижения контентных рисков, таким образом, ориентируется на поиск и внедрение мер управления рисками от локализованной, высокотиражируемой информационной продукции, содержание (контент и контекст/коннотации) которой требует расширенной, а не автоматической оценки и фильтрации, оборот которой деперсонифицирован, а скорость доставки до органов восприятия предельно высока. Это означает, что ресурсность субъектов управления должна включать доступность и широту экспертной оценки, технические меры по управлению скоростью и тиражностью, как и возможности официализации и обсуждения (артикуляции) необходимости этих мер, возможности установления связи (верификацию пользователя) создателя контента с площадкой его распространения (с владельцем площадки). Именно эти факторы ресурсоёмкости риска указывают на необходимость интенсивного развития управленческой системы взамен экстенсивному.

Названные характеристики информационной продукции, риски от которой требуют наибольшей ресурсности управления, указывают на сеть Интернет как главную субстанцию рискогенного потенциала, обеспечивающего делокализацию, тиражность, анонимность создания девиантного контента, мгновенность его доставки. Понимание риска вреда, причиняемого информацией здоровью и развитию детей, в узком диапазоне объекта управления, опосредовано устоявшимся значением обнародования контента, как доведение его до всеобщего сведения с помощью разнообразных средств и площадок. Однако на сегодняшний день среди научного сообщества и представителей официального государственного мнения отсутствует консенсус в отношении социальной природы интернета как публичной арены, где

«публичное создается и существует», или как «окружающей среды, демонстрирующей разнообразие реальностей аудитории»³⁵⁸. «Общедоступность и неисчерпаемость информации»³⁵⁹, предельное уменьшение коммуникативного разрыва обеспечивают мгновенную досягаемость этого разнообразия вне соотнесения её с нормативностью социальной жизни. Феноменологически *вариативность (разнообразие) приобретает доминирование над образцовостью социальной статистики*, плавно размывая фундамент солидарности и паразитируя на иррациональных стремлениях в наблюдении за девиациями, присущими в той или иной мере акторам Сети, обеспечивая этому процессу *латентность и добровольность*.

Наделение сети Интернет качествами публичного пространства, подобно понятию мест, доступных для детей, известному законодательству о защите детей от информации, можно рассматривать как путь минимизации риска. По замыслу законодателя локализованные в пространстве и достигаемые для детей места, включая все виды общественных мест, необходимо подвергать особой фильтрации на предмет запрещенной для детей информации, поскольку доступ к этой информации, в силу её обнародованности и неподконтрольности родителям, требует публичного администрирования. Место, доступное для детей, определяется, во-первых, через доступность информации, распространяемой *неопределенным кругом лиц*, во-вторых, через *разрешение* на нахождение там детей. Распространение дефинитивного значения места, доступного для детей, на информационно-коммуникативное пространство Интернета требует упразднения значения пространственной локализации как обязательного признака такого «места», но оправданно с точки зрения доступности информации, независимо от пространственно-временных пределов. В настоящее время в связи с востребованными возможностями сети Интернет девальвируется значение временных ограничений трансляции телерадиопрограмм, так называемого «временного водораздела». Зонирование

³⁵⁸ Luhmann N. Die Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, GmbH, 1992. 220 p.

³⁵⁹ Черных А. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. 308 с.

времени взаимодействия с медиасигналом обесценивается, поскольку цифровая версия информационной продукции доступна в сети Интернет в любое время и почти в любом месте. Поскольку теперь не имеет смысла устанавливать время, недоступное для детей, а также в большей степени и места, за исключением помещений, куда вход воспрещается мерами прямого (реального) воздействия (например зрелища в залах), *пространственно-временной признак доступности информации утрачивает значение*. Как невозможно говорить о времени, в которое ребенок не может «попасть», так становится невозможным говорить и о месте, в котором у него нет возможности встретиться с опасным контентом.

Управление рисками информационной безопасности в виде ограничения доступности – это во всех случаях, воздействие на явления пространства и времени. Как в случае с установлением запрета на вход в залы демонстрации информационной продукции или требований к территории распространения запрещённой для детей информационной продукции, так и в случае воздействия на устройство в части установки специальных программ защиты или ограничения физической доступности этого устройства, воздействие сфокусировано на пространственно-материальные аспекты доступности. Однако в отношении сетевого контента мы имеем дело с отсутствием пространственно-временной локализации информационной продукции, которая доступна ребенку в любое время и в любом месте. Следовательно, используя вышеназванную правовую формулировку, можем сказать, что факт omnipresence информации в сети Интернет, который уподобляет его месту, доступному для детей, требует либо всеобщего (на входе) применения технических и программно-аппаратных средств защиты, либо полного исключения доступа детей к сети Интернет, то есть создание невозможности их присутствия в Сети подобно запрету на вход в зал, где демонстрируется информация, запрещенная для детей.

Логический вывод состоит в том, что неприменение программно-аппаратных средств, например в виде автоматической контентной фильтрации, делает всё пространство интернета, представляемое с помощью конкретного

устройства – смартфона, местом, доступным для ребенка, где его нахождение не запрещено. И, напротив, исключение попадания в пространство интернета информации, запрещенной для детей, то есть лимитирование всего пространства информацией не выше возрастной категории «16+», снимает необходимость применения этих мер и выводит пространство интернета за рамки понятия места, доступного для детей. Это можно уподобить покупке алкогольной продукции, ограничение которой связано, во-первых, с фактом крепости напитка (в нашем случае – «градусом» вредоносного контента), во-вторых, возрастом обратившегося за покупкой.

Диффузия детской зоны во всё публичное пространство с приданием этому пространству требований соответствия детской зоне есть закономерное следствие omnipresence сетевого контента. Практическая возможность реализации этих требований состоит в выборе одной из двух альтернатив: 1) выведение всего контента, попадающего под возрастную категорию «18+», из зоны досягаемости для детей, то есть изолирование «взрослого» контента через разнообразные меры, например платность, реальную (не виртуальную) верификацию, выдачу временных лицензий на потребление, запрет тиражирования (копирования), ограничение времени потребления или числа (просмотров, взаимодействий), меры ответственности; 2) организация недоступности использования детьми устройств для входа в сеть Интернет, смартфонов и персональных компьютеров и т.д., на которые не установлены программно-аппаратные средства защиты от вредоносного контента.

Пока взаимодействие с публичным информационным пространством опосредовано взаимодействием с транслирующим устройством, устройством ввода и вывода информации, важнейшее значение имеет владение и использование ребенком этого устройства. Обеспечение всех детей защищенными устройствами может быть уподоблено обеспечению их учебными (образовательными) материалами. Кроме того, использование ребёнком устройства, имеющего доступ в сеть Интернет, означает реализацию родителями (лицами, их заменяющими) своих обязанностей, невыполнение которых влечёт

ответственность, устанавливаемую на основе договора с распространителем (провайдером) с указанием несовершеннолетнего пользователя. Верификация личности пользователя осуществима сегодня на основе данных интернет-портала государственных услуг.

Обозначенный риск, потребление ребенком вредной информации, распространяемой в сети Интернет, относится к контентным рискам. Этот пример демонстрирует работу предлагаемой модели, а именно, последовательность уровней принятия управленческих решений, вертикализацию субъектов ответственности. Вначале определяется тип риска (сетевой контентный риск), факторы риска (доступность устройств и отсутствие автоматической фильтрации сетевого контента) и ресурсоемкость риска, выявляются субъекты, ответственные за существование данных факторов риска и обладающие ресурсами по воздействию на данные факторы (институт семьи, институт юридической ответственности), устанавливаются необходимые меры воздействия и пределы (ограниченности) ресурсов, требующие перераспределения и/или заимствования (трансмиссии) ресурсов, выхода на вышестоящий уровень принятия управленческого решения, в приведенном примере – от уровня организации недоступности устройства (ресурсы института семьи) через уровень ограничения оборота сетевой информации (институты юридической ответственности и экспертизы) на уровень доктринального и концептуального обоснования (признание требований безопасности детей к обороту сетевой информации).

Также механизм интегральной ресурсно-векторной модели можно в упрощенном виде продемонстрировать на следующем примере. Вероятность вреда от потребления ребенком дома запрещенной для него информации в виде кинопродукции, транслируемой посредством онлайн-сервисов (онлайн-кинотеатра), может быть подвергнута управлению на разных этапах коммуникации со стороны разных субъектов управления. На этапе создания фильма источником риска является рисковое поведение кинокомпании, имеющей коммерческий мотив, оно опосредовано спросом на данный контент.

Соответственно, снижение вероятности риска на данном этапе заключается в уменьшении спроса и требует много ресурсов, то есть риск отличается высокой ресурсоемкостью. Далее на этапе распространения ключевую роль играют рисковое поведение распространителя, дистрибьютора или провайдера и коммерческий мотив при технологически обеспечиваемых условиях доставки контента. Управление риском на данном этапе представляется наиболее интенсивным, эффективным и наименее ресурсозатратным, осуществляется со стороны института юридической ответственности путем установления критериев вреда и соответствующих запретов в обороте. Оценка контента требует участия другого субъекта – экспертов. Поэтому на этом этапе вероятность вреда дополняется рисковым поведением управляющих субъектов в виде ненадлежащего определения мер юридического воздействия либо в виде некачественной экспертной оценки контента в результате действия соответствующих мотивов. Гражданская активность проявляется в мониторинге находящейся в обороте информационной продукции. На следующем этапе коммуникационной цепи – при администрировании доступа к информации – данный риск снова повышает ресурсоемкость, источником риска становится поведение членов семьи, включая их возможные потребности в девиантном контенте. Снижение вероятности потребления ребенком запрещенного контента в домашнем пространстве требует мер со стороны тех субъектов, кому может быть подконтрольно это пространство, то есть родителей (семьи) и отдельных представителей института юридической ответственности, структур социальной защиты детей и профилактики безнадзорности. Происходит диффузия статуса родителей, их переход из субъекта управления в субъект риска. Востребованными для снижения риска ресурсами становятся компетенции родителей в оценке критериев вреда от контента и способов ограничения доступности, а также полномочия структур социальной защиты и профилактики безнадзорности, которые в значительной степени сокращены действием принципа невмешательства в семью и суверенитета родителей в сфере воспитания детей, то есть родительской монополией на защиту детей от

информации, особенно в домашнем пространстве. На этом этапе вероятность вреда все еще зависит от качества управленческих действий, то есть включает управленческий риск.

На этапе потребления контента источник риска сужается до одного – рискованного поведения членов семьи. Управленческие действия со стороны других институтов кроме семьи маловероятны и возможны лишь в случае наступления очевидных опасных последствий. Это наиболее сложный для управленческих воздействий этап, требующий в виде ресурса компетентную родительскую власть. В условиях презумпции родительской компетентности и добросовестности при одновременном признании публичного значения информационной безопасности каждого ребенка *подобный риск должен либо устраняться до перехода на третий этап коммуникативной цепи* (организация доступа), *либо исключать техническую возможность перехода на этот этап*. Второй вариант означает централизацию контентной фильтрации, подобной централизованной очистке воды в системах водоснабжения. Априорное утверждение высокого качества осведомленности родителей о критериях вреда и её применения сужает возможности других субъектов управления, исключает контроль со стороны государства и гражданского общества, оставляя здоровье и развитие ребенка один на один с добросовестностью исполнения родителями обязанности защищать детей от вредной информации.

На данном же примере можно проиллюстрировать трансфер ресурсов. Например, в целях предотвращения пороков мотивации управляющих субъектов на этапе распространения информации полномочия по оценке вреда от информационной продукции можно делегировать структурам гражданской активности, действующим вне рыночной связи с распространителем. В целях преодоления возможной недостаточности ресурсов семьи на этапе организации доступа к информации они могут быть дополнены ресурсами юридической ответственности в виде санкции за непринятие мер провайдером по ограничению доступности опасного контента.

Из приведенного примера следует вывод о *зависимости ресурсоемкости риска от этапа коммуникативной цепи, в которой он явлен. Смена этапов коммуникативной цепи меняет ресурсоемкость риска, его управляемость*, поэтому задачей управления выступает прерывание «цепочки рисков», пресечение «эффекта домино». *Своевременность* управленческого воздействия со стороны субъекта, обладающего наибольшим объемом требуемых *на данном определенном этапе* полномочий и компетенций, *характеризует векторность управления*. Мотив потребителя выступает, в свою очередь, условием реализации мотива субъекта рискованного поведения.

Среди предложений, поступивших со стороны участников гражданской активности, значится установление ответственности в отношении всех субъектов, причастных к появлению запрещенного контента в сети Интернет, включая ответственность потребителя девиантного контента как определяющего спрос. Поэтому целесообразна официализация существующей финансовой связи между потребителем контента, его распространителем и рекламодателем, выступающим, таким образом, заказчиком девиантного контента. Эта официализация возможна через установление правоотношений между создателем и распространителем контента, то есть через разработку специального договора, который предполагает готовность потребителя контента вступить в определенные правоотношения с распространителем.

Допуская некоторую вульгаризацию, можно привести в пример потребление «информации», размещенной на заборе, когда ответственность между потребителем, создателем и распространителем (владельцем забора) может быть распределена в зависимости от наличия правовой связи между ними. При наличии правовой связи использование забора как площадки распространения контента осуществляется, например, на основе аренды (или безвозмездного пользования), а ответственность за доступность контента распределяется субсидиарно, то есть сначала возлагается на создателя контента, а потом, при невозможности установления его личности, – на распространителя. В отсутствие связи забор как площадка распространения используется

создателем без санкции владельца забора, и тогда ответственность ложится только на создателя контента. Однако в случае с интернет-контентом невозможно несанкционированное использование площадки распространения, и поэтому связь в виде разрешения владельца площадки (интернет-ресурса, сервиса) на обнародование контента в любом случае существует и требует официализации в целях установления ответственного лица и превенции контентных рисков. Контроль использования сетевого пространства возможен через индивидуализацию действий в сети и организацию учета пользователей подобно множеству функционирующих сегодня госреестров. Например, создание федерального реестра пользователей Сети позволит установить правоотношения и формализовать связи пользователя со всеми иными участниками Сети, а также обеспечить преемство ответственности. Также уместно провести аналогию с законодательными требованиями к посетителям игрового заведения, которыми не могут являться несовершеннолетние лица.

Сеть Интернет представляет собой главный источник контентных рисков, снижение которых заключается в организации фильтрации в разных формах: автоматической, «ручной», т.е. осуществляемой самостоятельно распространителями, экспертной (профессиональной). Схематично систему фильтрации можно представить в виде воронки. Воронка представляет собой модель фильтрации информации в соответствии с принятыми возрастными категориями, каждый уровень модели предстает в образе отсека воронки с разным объемом входного и выходного отверстий и инструментами фильтрации, показанными в виде решетки, а вредоносный контент представлен в виде непросеянных элементов, которые отличаются в соответствии с принадлежностью к родовому признаку вредной информации: половые отношения, насилие и жестокость, наркотики, алкоголь, преступления и правонарушения, суицид (и селфхарм), бранные слова, отрицание семейных ценностей (гомосексуализм). Размер входного отверстия каждого отсека символизирует объем потока информации или величину информационного пространства, подвергающегося фильтрации, а плотность решетки –

ресурсоёмкость управленческих мер, в том числе оценку через законодательно сформулированные параметры.

Так, верхний уровень воронки представляет информация, оборот которой в России запрещен. Отсек воронки имеет наибольший размер и редкую решетку, с помощью которой отсеивается наиболее опасный контент: порнография, способы изготовления и использования наркотических средств, места их приобретения и т.п., способы совершения самоубийства, а также призыв к совершению самоубийства, склонение несовершеннолетних к совершению противоправных действий и др. Выходящая после фильтрации этим отсеком воронки информация попадает в отсек «18+», где подлежит отсеиванию уже меньший объем информационного потока (пространства) через более плотную решетку – более пластичные критерии вредоносной информации с расширенным спектром требований к распространению, арсеналом административных, организационных и технических инструментов и средств защиты.

Каждому отсеку присущи особенности аудитории, прежде всего, уровень сформированности психологических структур личности и мотивы потребления информации. Так, отсек воронки «запрещенная в обороте информация» предполагает спрос у аудитории, имеющей девиантные медийные потребности. Следующие отсеки подразумевают различия, свойственные определенным возрастным периодам. Пластичность критериев вредоносной информации возрастает с приближением к отсеку «0+» и требует большей частоты решетки, то есть наибольшей ресурсности управленческих мер. Более того, понижение возрастной категории означает снижение социальной консенсусности в отношении критериев вреда. Если верхний отсек воронки – запрещенная в обороте информация – признается большинством граждан опасной и вредной, то удаление от этого отсека вниз снижает степень согласия и уже, например, на этапе «16+» вызывает споры о принадлежности контента к этому отсеку.

Оперирование мерами по фильтрации информации предусматривает изменение высоты воронки путем исключения отсеков – определенных возрастных категорий информации с изменением частоты решетки переходных

отсеков. Например, исключение двух верхних отсеков для сети Интернет в соответствии с требованиями к публичности пространства, требованиями к местам, доступным для детей означает увеличение размера входного отверстия отсека «16+» до размера исключаемого отсека – «запрещено в обороте», поскольку весь поток информации необходимо будет фильтровать. Это означает резкий рост ресурсоёмкости рисков, увеличение требований к анализу всех многочисленных критериев вреда для каждой возрастной категории, повышение сложности управления.

Сокращение высоты воронки также возможно через исключение «нижних» отсеков. Например, исключение отсеков «12+», «6+» и «0+» означает расширение выходного отверстия и попадание вредоносных элементов, подлежащих отсеиванию решетками этих отсеков, в публичное пространство, что, соответственно, порождает риск в отношении детей в возрасте младше 6 лет. Однако *организация контентной фильтрации всего информационного пространства с целью обеспечения недоступности информации, запрещенной для потребления детьми младше 16 лет*, может, с учетом действующих критериев, считаться движением на пути к интенсификации управления взамен перманентному расширению перечня возрастных категорий и критериев вреда, усложняющих задачи фильтрации.

Исключение промежуточных отсеков, например «12+», означает, что детям в возрасте старше 12 лет будет доступен лишь контент, соответствующий параметрам вредоносности для детей в возрасте 6+, невзирая на психологическую готовность к сложному контенту и на его востребованность подростками, по сравнению с детьми 6–11-летнего возраста, содержания информации. Это означает излишнюю фильтрацию, не адекватную психологической готовности, мотивам и потребностям.

Изменение ресурсности мер, принимаемых для снижения контентных и форматных рисков, предполагает повышение гибкости системы управления рисками и возможность делегирования ресурсов субъектами управления. *Факторами применимости трансфера ресурсов* выступают и степень

институционализации субъектов управления, и степень публичности мотивов; их правовой статус по отношению к субъектам риска; форма рискового поведения субъектов риска (пассивная или активная) при взаимодействии с конкретным типом информационной продукции; характеристики оборота информационной продукции. Среди принципов трансфера управленческих ресурсов выделяются:

1. Восполнение недостатка ресурсов основного субъекта управления со стороны других субъектов. Приоритетность субъекта управления определяется исходя из доступности этому субъекту управления оценки мотивов субъекта данного риска, а также условий рискового поведения.

2. Экономия ресурсов системы управления. Сужение числа субъектов управления конкретным риском за счет передачи полномочий и компетенций существенно экономит организационные и, соответственно, финансовые ресурсы системы управления, например повышение компетентности родителей, приобретение ими знаний и навыков оценки информационной продукции.

3. Возможность и законность делегирования ресурсов. Передача полномочий возможна лишь в случаях, не противоречащих действующему законодательству и правовому статусу субъекта управления. Например невозможен трансфер полномочий государства, вытекающих из его монополии на применение принуждения (легального насилия), иным субъектам. Однако передача компетенций (знаний и навыков, технического оснащения) открывает широкие возможности диверсификации мер управления. Так, возможна передача государством компетенций, необходимых для мониторинга публичного информационного пространства и аудита мер, другим субъектам управления, например структурам гражданской активности, с адаптацией инструментов к статусу субъекта, их упрощением и деbüroкратизацией. Институт гражданской активности может делиться с институтом юридической ответственности ресурсами по масштабированию проблемы и её артикуляции (обсуждению) среди широких слоев населения. Также возможна передача компетенций по оценке качества экспертизы структурам гражданской активности.

4. Перераспределение полномочий среди представителей субъекта управления, то есть внутри самого субъекта. Например, среди представителей института юридической ответственности как органов, наделенных необходимым организационным функционалом, это конкретизация полномочий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних по «выявлению и устранению причин и условий, способствующих» «неисполнению или ненадлежащему исполнению обязанностей по воспитанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц», включая оценку качества мер защиты ребенка от вредоносной информации.

Отношение векторности и ресурсности как фундаментальных основ представленной модели управления информационной безопасностью детей выражается через упрощенную аналогию с физической величиной – силой, где интенсивность её действия зависит от направления, и наиболее высока при угле в 90° или кратчайшем расстоянии от опоры. Перелагая эту аналогию на предмет нашего исследования, сила символизирует управленческое воздействие и соответствующие ему вектор и ресурсность, плоскость объекта воздействия – расширяющуюся область рисков (тенденции), а опора – положение субъекта в системе субъектов управления. Кратчайшее расстояние – это прямая между субъектом управления и источником риска. При воздействии на зону риска под непрямым углом, не на факторы риска интенсивность силы снижается, что образно выражено через утончение стрелы. Это означает, что меры, применяемые к конкретным проявлениям (последствиям) риска, а не к его источнику (факторам рискованного поведения) требуют больше ресурсов и большего числа субъектов управления. Поэтому быстрое и точное определение источника риска имеет важнейшее значение. Например, векторы риска камуфлирования вредного контента через коннотационные смыслы явлены в виде роста нативной рекламы, мемирования текста, коннативных значений и образов, специфических для каждого типа информационной продукции. Тенденции этой зоны риска вытекают из одного источника, имеющего субъективную субстанцию – мотив избегания ответственности через создание

распространителем невозможности *отнесения контента к запрещенному по формальным признакам*, а также соответствующие условия риска в виде пределов формальной (юридической) параметризации вреда. В данном случае управленческие меры заключаются либо в воздействии на условия – повышение пластичности законодательных формулировок критериев вреда и расширение полномочий лица, осуществляющего оценку контента, либо в воздействии на мотив субъекта риска – избегание ответственности. Второе не представляется возможным, поскольку данный *мотив является имманентным*. Поэтому вектором силы здесь выступает действие в направлении повышения пластичности параметров вреда через законодательное установление, то есть кратчайшее расстояние – это путь от условий риска до субъекта управления, обладающего необходимой ресурсностью.

Алгоритм работы модели заключается в последовательном восхождении уровней принятия управленческого решения, на каждом из которых определяется возможность применения конкретных мер управления рисками: прогнозирования, диагностики, снижения, профилактики риска.

Например, прогнозирование осуществляется через мониторинг технологически обеспечиваемых условий реализации мотивов субъектов рискованного поведения, то есть результатов технологического развития информационно-коммуникативной сферы в отношении каждого звена коммуникативной цепи, и оценку степени их безопасности субъектом, обладающим необходимой ресурсностью. Аудит технологических новинок в информационной сфере заключается в анализе возможности адаптации удельной мощности существующей управляющей системы к их удельной мощности, которая может быть рассчитана на основе, например, таких критериев как темпоральные характеристики (скорость) технологии, степень приближения к сознанию пользователя (сокращение момента рефлексии), степень изолированности/связанности с другими технологиями или функциями, достигаемость и доступность для автоматической фильтрации и предварительной модерации. *Детерминирующая риски власть технологии заключается в*

повышении комфортности и упрощении коммуникативных процессов (одного или нескольких) – создания сообщения (контента, сигнала), распространения, доступности, потребления, а следовательно, в возможности опосредовать чье-то рискованное поведение через создание условий реализации мотивов. Мониторинг технологических результатов как мера управления рисками, прогнозирование соответствуют ресурсности института гражданской активности и института экспертизы.

Иными словами, управление реализуется, во-первых, через *повышение уровня управленческого решения путем соответствующей этому уровню интерпретации (оптике) риска* и, во-вторых, *последовательностью управленческих действий*. Задачей *повышения уровня* принятия управленческого решения в отношении конкретного риска выступает увеличение поля управленческого воздействия, охват им большего числа детей, потенциально подверженных данному риску. Проиллюстрируем решение этой задачи на следующих примерах. Так, воздействие на рискованное поведение родителей при совместном просмотре с детьми фильма, содержащего контент, признанный вредным для детей, есть принятие решения на *уровне потребления* и представляет собой индивидуальный случай. Воздействие на рискованное поведение кинотеатра в случае демонстрации им данного фильма является решением на *уровне организации доступа к информации* и урегулирует проблему риска уже для круга лиц – аудитории данного кинотеатра. Воздействие на рискованное поведение владельца виртуальной социальной сети (владельца аудиовизуального сервиса) в случае размещения данного фильма на подконтрольной ему виртуальной площадке есть решение на *уровне создания и распространения информации*, снижающее риск для ещё более широкого круга детей – всех пользователей этой площадки (сети, сервиса). Однако на каждом обозначенном уровне принятия решения могут возникнуть препятствия, связанные с отсутствием ясного понимания (интерпретации) риска или недостатками концептуально-нормативного характера, исключающими возможность или результативность этих решений. В этом случае требуется

решение на уровне доктринально-концептуального обоснования, снижающее вероятность вреда для всех детей в пределах национального публичного образования.

Последовательность управленческих действий реализуется на каждом уровне и в порядке фиксации риска, и в порядке применения ресурса его снижения через: 1) отнесение риска к определённой стадии информационно-коммуникативного процесса; 2) определение обладающего необходимой ресурсностью субъекта управления; 3) определение необходимости и возможности заимствования ресурсов; 4) применение меры; 5) выведение до следующего уровня принятия решения и применение меры на данном уровне.

Итак, моделирование системы управления информационной безопасностью детей сконструировано на основе имеющихся в науке теоретико-методологических подходов к феномену безопасности, конвергенции рискологического, институционального и ресурсного подходов, специфичности субъектного состава, а также особенностей возрастной дифференциации объекта вреда – здоровья и развития ребёнка. Предлагаемая модель демонстрирует управленческую парадигму постановки и решения проблемы защиты детей от информации, способной причинить им вред, и имеет целью описание целостного практико-ориентированного концепта. Динамика технологического развития определяет «кинетическую» энергию управляющих субъектов, движение в направлении мотивов и условий рискованного поведения с применением дальнейших мер реагирования. Правовой фундамент предлагаемой модели составляют дефинитивные конструкции базовых категорий информационной безопасности детей, принципы правового универсализма системы национальной безопасности, системы защиты детей и профилактики их безнадзорности, а также субъектный состав, определяемый на основе национальных стратегических документов.

Результаты выполненных автором исследований практик обеспечения информационной безопасности, анализ выводов сторонних исследований и международных практик обеспечения информационной безопасности детей, а

также положения о рисках медиазашумления наполняют предметным содержанием элементы механизма предлагаемой новой модели управления.

Стратегические задачи каждого субъекта управления направлены на решение специфических проблем, индуцирующих множество рисков. Так, в задачи института юридической ответственности входит исключение «гашения ответственности» и обеспечение её преемства, например при переходе полномочий администрирования доступа к информации от распространителя к абоненту, которым чаще всего выступает родитель, или при передаче полномочий оценки контента от распространителя эксперту в результате договора на экспертизу; в задачи института семьи входит наращивание компетенций по оценке вреда от информации; в задачи института гражданской активности – интенсификация деятельности за счет внедрения технологий сбора, анализа и обобщения общественного мнения; в задачи института экспертизы – организация контроля качества результатов экспертизы.

Предпринятое моделирование использует аналогию с работой асинхронного двигателя, что позволяет продемонстрировать устройство и режим реализации управленческой деятельности и пути достижения цели – *синхронизацию динамики зоны риска, детерминированной факторами рискового поведения, с динамикой зоны управления, то есть совпадение траекторий управленческих воздействий (момента вращения ротора) и зоны рисков (момента вращения статора)* Для этого рассматриваются возможности оперативного перенаправления ресурсов с одного субъекта управления на другой, которые, в свою очередь, зависят от правильного определения, *во-первых, факторов рискового поведения и ресурсоемкости риска, а во-вторых, управленческих субъектов, обладающих необходимой ресурсностью*. При этом и факторы рискового поведения, и ресурсность управленческих субъектов детерминированы уровнем принятия управленческого решения и этапом коммуникативной цепи.

Субъектный состав системы управления рисками при получении информации детьми характеризуется дифференциацией статусных позиций в

зависимости от степени институционализации, регламентированности и произвольности деятельности, необходимости интеграции (соотнесения) действий с действиями других субъектов соответствующего уровня. Выявлена возможная переменчивость статусных позиций субъекта риска и субъекта управления, когда поведение второго само является рисковым и требует реакции субъекта вышележащего уровня. Необходимость в гибкости системы управляющих субъектов вызвана несовпадением ресурсности управляющего субъекта, с объемом его административной власти и возможной диффузией его статусной роли, и субъекта риска. Отклонение мотива управленческого субъекта от публичного интереса есть условие для появления так называемого управленческого риска.

Представленная система управляющих субъектов, несмотря на всю условность и достаточно укрупненный подход, демонстрирует ресурсный потенциал по «сужению пространства произвольного выбора» субъектов рискового поведения. Обсуждается проблема ответственности потребителя девиантноориентированной (запрещенной) информации, особенно актуальная в связи с распространением практик прямой трансляции контента (стримов), которая в настоящее время реализуется без учёта требований законодательства о защите детей от информации при прямом вещании. Поскольку создание и распространение такого контента порождается спросом на неё, утверждается её опосредованное субсидирование через знаки одобрения и принятия, сигнализирующие рекламодателю о востребованности контента и возможности его использования в качестве рекламного стоппера. В целях персонификации ответственности, снижения и превенции риска требуется официализация отношений между потребителем, создателем, распространителем и инвестором контента (рекламодателем).

Все субъекты управления, социальные институты можно отнести к основным и вспомогательным в зависимости от их функций и роли в системе управления. Основными выступают институты семьи и юридической ответственности, а вспомогательными, поддерживающими и обосновывающими

управленческие меры первых – институты гражданской активности и экспертизы. Семья и государство (представленное ядром институционализации – юридической ответственностью) задают режимы социализации: семьи через воспитание и заботу, государство – через запрет и обязывание, охрану через регулирование конфликтов. Для эффективности первого имеет значение приоритет социализационного подхода к пониманию детства, а для второго – признание социальности риска вреда от информации.

Общим условием риска выступает положение ребенка в поле рискованного поведения, поэтому задачей управления является выведение его из этого поля, обеспечения недостижимости ребенка (реальной недостижимости на уровне потребления информации и потенциальной – на уровне доступности и оборота информации). Это осуществимо либо через установление границ между полем рискованного поведения и ребенком, либо нивелированием самого рискованного поведения без изменения положения ребенка. В первом случае это различные меры организации недоступности потребления, а во втором – исключение явления (презентации, обнародования) вредной информации в реальности, в информационном пространстве.

Представляется важным *пересмотр принципа нейтральности технологии* в связи с аттрактивностью сетевых интеракций, возможностями исключения момента времени фильтрации в мгновенном трафике сигнала и, в целом, в связи с декларацией плюралистической антиидеологичности информационного обмена, нивелирующей разность, в том числе возрастную, между его участниками. Упразднение пространственно-временной локализации как признака доступности информации означает девальвацию значения временных и пространственных ограничений в отношении цифровых версий информационной продукции, изначально локализованной и, соответственно, контрэффективность экстенсивной стратегии управления рисками.

Постулируемая нами двусоставная природа вреда от информации означает разнообразие и интеграцию мер управления в отношении контентных и форматных рисков. В широком смысле первые предполагают механизмы

контентной фильтрации, в том числе автоматической и экспертной, а вторые – нормирование и экологизацию среды жизнедеятельности. Общий результирующий эффект интегральной ресурсно-векторной модели реализации информационной безопасности детей есть *преодоление технологической предопределенности рисков от информации через переход от экстенсивной к интенсивной стратегии управления рисками и конвергенцию управляющей и управляемой систем.*

Таким образом, представленное в настоящей главе моделирование управления информационной безопасностью детей осуществлено через структурирование компонентов системы управления, наполняемых содержанием принятых методологических параметров эффективности управляющей системы, подвергшихся эмпирическому анализу.

Субъекты управления рассмотрены по отношению к рисковому поведению, выявлена субстанциональная основа (условия) их ресурсности. У института юридической ответственности это неотвратимость неблагоприятных последствий (санкций) в случае нарушения запретов и неисполнения обязанностей субъектами рискового поведения; у института гражданской активности – солидаризация по поводу общего страха и угрозы в отношении общего блага – здоровья и развития детей, обеспечивающая инициацию мер юридической ответственности, требования к ним и/или их поддержку; у института экспертизы – специфические компетенции по диагностике вероятности вреда и научное обоснование управленческих мер других субъектов; у института семьи – монопольные полномочия по воспитанию детей и заботе о них, по контролю потребления информации детьми в пространстве дома.

Риск понимается как результат поведения субъектов на разных этапах информационно-коммуникативного процесса, повышающий вероятность причинения вреда, связанного с низким качеством содержания информации или режима (формата) её потребления. Низкое качество содержания информации означает наличие девиантного контента, а низкое качество формата потребления

информации – медиашумовую нагрузку пространства жизнедеятельности детей, то есть фоновое и вынужденное потребление медиасигнала.

Ресурсность и векторность признаются метафакторами эффективности управления информационной безопасностью детей. Векторность есть правильное определение факторов рискованного поведения и его субъекта, ресурсность – определение управленческих мер и субъекта, обладающего ресурсами для реализации этих мер (ресурсностью). Механизм работы модели заключается в порядке повышения уровня принятия управленческих решений, то есть в формулировании риска для вышестоящего уровня в целях расширения пространства действия управленческой меры, круга социальных отношений, где может реализоваться рискованное поведение, в целях увеличения социальности проблематизации риска.

Интегральная ресурсно-векторная модель является собой трансформацию теоретической концепции управления рисками в систему практико-прикладных инструментов процесса управления на уровне конкретных управленческих действий. Указанная трансформация основана на принятых методологических подходах (рискологическом, институциональном и ресурсном), позволяющих определить комплекс методологических признаков управляющей системы и на постоянной основе реализовывать её эмпирический анализ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субверсивный характер трансформаций информационной окружающей среды, неконтролируемое наращивание потенциала насилия всех и каждого из участников информационного обмена становится очевидным. «Усилий государства, только законов и только нормативных актов уже недостаточно. Принципиально важно, чтобы общество, сам бизнес занимали активную позицию и понимали свою роль и ответственность», – отметил Президент на церемонии подписания Хартии о создании «Альянса по защите детей в цифровой среде» в сентябре 2021 года. Шквал новейших технологий в последние десятилетия подвергает небывалой проверке на прочность «ментальный ресурс нации»³⁶⁰, а непрекращающиеся попытки балансирования между интересами бизнеса и чистотой информационного пространства, восходящие к конфликту Публичного и Частного, имитируют систему обороны в разворачивающейся ментальной войне и носят «поколенческий масштаб»³⁶¹. Отсутствие и неприменимость стратегических шаблонов в этой войне составляют главную сложность. Принципиально иные вызовы эры новых медиа, с присущими им гиперсетевыми принципами, требуют поиска альтернативных реакций, кардинальных изменений управленческих подходов, адекватных сетевым началам, апгрейда публичного контроля.

Интенсификация информационных потоков, вездесущность медиасигнала, эскалация логики гиперсети формируют новую оптику информационных рисков как рисков эрозии всех традиционных механизмов социализации и социального порядка. Управление информационной безопасностью детей описывается как практика социальных институтов по управлению рисковым поведением субъектов, влияющих на вероятность вреда от информации, то есть как «действие социальных институтов, имеющих функции социальных механизмов по оптимизации рисков» через возможности отражения угроз и установление контроля для предотвращения угроз. Технологизация рисков от информации

³⁶⁰ Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань: РГУ имени С.А.Есенина, 2018. 188 с.

³⁶¹ Ильницкий А.М. Ментальная война России// Военная Мысль. 2021. № 8. С. 19–33.

связывается с интенсификацией коммуникативных интеракций и информационных потоков, обеспечивающих возможности демонстрации девиантных форм поведения, форсирование интересов и потребностей детей в определенном контенте, преждевременное «выстраивание виртуальной многоуровневой мотивационно-целевой структуры», адекватной той, что латентно наличествует в исходящем от коммуникатора материале»³⁶². Власть технологии заключена в нормативности её использования как эффективного и комфортного решения насущной задачи. Именно это и составляет одну из главных проблем преодоления такой власти, поскольку требует морального оправдания отказа от использования технологии. Вопреки существующему мнению, Сеть не «оттягивает на себя» процессы, реализующие «частные» интересы в девиации, а девиация не локализуется в Сети, но за счет «комфортабельной аномии» выходит в актуальную практику, например в скулшутинг.

Научная концептуализация проблемы информационной безопасности детей описывает её через призму технологической экспансии и доместикации медиа, формирование паттерна повсеместного медиапотребления и зашумления жизненного пространства, ведущего к аффективному реагированию взамен рационально-критичного и к примитивизации сознания, массовому рефлекторному поведению. В публичном дискурсе почти никак не обсуждалась проблема количественных аспектов медиапотребления и его формат, который может иметь принуждающий характер и приобретать черты насилия.

Представленное исследование направлено на ликвидацию этого пробела. Анализируется корневая природа рисков от информации как объект управления со стороны субъектов социального контроля разной степени институционализации. Предложен уровневый подход к пониманию системы управления этими рисками, описан и обоснован синергичный принцип управления, основанный на

³⁶² Адамьянц Т. З. Латентные технологии информационных войн и «двойных стандартов» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 123–127.

признании ограниченности ресурсов управленческих структур и возможности перераспределения потенциала.

Приводится теоретико-логическое обоснование публичности сети Интернет и распространения на неё законодательных требований, предъявляемых к местам, доступным для детей. Выявляются, интегрируются и опровергаются мейнстримные наукообразные направления критики положений, составляющих теоретический фундамент концепта информационной безопасности детей, классической теории социализации и педагогики.

Проведенное исследование обозначило место информационной безопасности детей в системе научного знания и социологической мысли, показало путь решения проблемы, достижения цели повышения «качества детства» через гарантирование защищенности детей с применением как известных инструментов, так и новых механизмов, интегрирующих мощности субъектов управляющей системы, механизмов, адаптированных к природе гиперсетевой реальности медиапространства.

Возрастная дифференциация последствий взаимодействия человека с информацией указывает на самостоятельное значение детской повестки в проблеме информационной безопасности как обеспечение устойчивости социального порядка в условиях ослабления административных средств. Особенности задач информационной безопасности детской группы заключаются в специфике мотивационной сферы, зависимости мотивов поведения от свойств ситуативности и импульсивности, мотивов, «быстротечно актуализирующихся, немедленно «срабатывающих» под влиянием ближайшей – внутренней или внешней – непосредственной действительности»³⁶³ и «самой близкой перспективы»³⁶⁴. Это и определяет проблему уязвимости состояния защищённости детей от угроз со стороны интенсивно развивающихся медиатехнологий.

³⁶³ Демин М.В. Мотивы человеческой деятельности: характер, содержание, функции // Философия и общество. 1999. № 3. С. 110–116.

³⁶⁴ Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Педагогика, 1981. С. 504.

Практическая реализация предлагаемой модели предполагает помимо совершенствования нормативно-концептуальных основ информационной политики модернизацию порядка экспертизы информационной продукции и рекламы, реформирование системы социальной защиты детства и профилактики безнадзорности в направлении обеспечения права детей на благоприятную информационную среду (включая домашнее пространство), оптимизацию правоохранительной деятельности в области защиты детей от вредной информации и разработку новых дефинитивных норм, раскрывающих значение способности участника информационного обмена нести ответственность и исполнять обязанности, то есть так называемой «информационной дееспособности» в контексте защиты детей от информации.

В представленном исследовании предложено видение реализации информационной безопасности детей в комплексном методологическом подходе с опорой на социально-управленческие концепции как процесса воплощения исключительно важного результата – благополучия детей в условиях нарастающей технологически обусловленной неблагоприятной информационно-экологической обстановки.

В работе впервые формулируется и решается вопрос об адаптации ресурсного потенциала управляющей системы к современным технологическим вызовам, задан подход к обеспечительным механизмам, ориентирующимся на динамику глобальных технологических процессов, обеспечивающих условия реализации мотивов девиантного поведения. Нами предлагается развить существующие теории и модели обеспечения информационной безопасности, акцентируя внимание на результатах имеющейся практики социальных институтов, отражающей их управленческий потенциал и степень морфологической тождественности новым рискам. Эффективность выстраивания препятствий угрозам от информации определяется их симметрией, иными словами, адекватностью реагирования на угрозы.

Автором на основе анализа природы информационного сигнала предложена классификация вреда от информации, уровневая типологизация факторов рискового поведения, элементов системы контентной фильтрации.

Важным представляется официальное признание публичного значения состояния защищенности каждого ребенка, гарантирование такой защищённости любому ребенку, требующее демополизации и деприватизации принятия решений в области ограждения детей от вредной информации. Пандемический характер информационных угроз человечеству демонстрирует значение реакции на них со стороны социальных структур, оправдывает аналогию и применение соответствующей терминологии борьбы с эпидемиологическими рисками как доказавшей свою эффективность. Параллель с управлением эпидемиологическими рисками позволяет интегрировать подходы к выстраиванию стратегий защиты от информационных угроз. Так, все рассмотренные нами процессы управления рисками от информации можно отнести либо к барьерным средствам, либо к дистанцированию от источника вреда, либо к повышению индивидуальной устойчивости (иммунитету), либо к личной гигиене и пропаганде личной гигиены. Механизм передачи инфекции (девиации) уподобляется коммуникативной цепи. Если учитывать такую аналогию, то становится очевидной обоснованность запрета на свободу индивидуального принятия решений в отношении средств защиты детей от информации (особенно в общественных местах), оправданность нормативного закрепления требований и обязательств по применению доступных мер защиты каждого ребенка от информации, где бы он ни находился (дом или общественное пространство), поскольку природа «информационной инфекции» предполагает опасность для всех находящихся в зоне её действия, то есть влечет социальные последствия.

Перспективами дальнейшей разработки темы видятся отраслевые и межотраслевые исследования динамики рисков от информации. Описание гиперсетевой природы медиaprостранства указывает на необходимость соответствующих исследований и выводов с последующим их внедрением в

практику управления оборотом информации и в принципы информационной и социальной политики. Эти задачи достижимы, а исследования, направленные на всестороннее изучение возможностей защиты детей от прежних и новых угроз, выполняют важнейшую задачу научного обоснования управленческих и политических решений.

Представленный опыт научного осмысления особого типа зашумления требует дальнейших междисциплинарных исследований и применения существующих средств диагностики и оценки. Медиазашумление жизненного пространства ребенка, описываемое в настоящем исследовании как вторая составляющая вреда от информации, нуждается в дальнейшем изучении, синтезирующем инструментарий разных областей научного знания. Направлением будущих исследований социологических аспектов управления информационной безопасностью детей представляется также разработка трансдисциплинарной методологии выявления закономерностей и динамики технологического развития, их влияния на состояние индивидуальной и национальной информационной безопасности как единого концепта информационно-технологической безопасности человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анохин К.В. Когнитом: Сетевое расширение теории функциональных систем/ Современные проблемы системной регуляции физиологических функций. Материалы Конференции. М.: ФГБНУ «НИИНФ им. П.К. Анохина», 2015. С. 3–5.
2. Арсентьев М.В. К вопросу о понятии «Информационной безопасности» // Информационное общество. 1997. № 4–6. С. 48–50.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
4. Афонькина Т.М. Рекламное мифотворчество как способ конструирования реальности (по материалам российской рекламы 2010–2011 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 16–19.
5. Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии «Запад-Восток», «Восток-Запад» в глобалистике // Credo New. 2007. № 4. С. 9.
6. Баранова И.А. Аудиальная культура или «Звучащий социум» как предмет философского анализа // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7. С. 5–9.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 324 с.
8. Бауман З. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текущей современности. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 365 с.
9. Бауман З. Текущая современность. Москва: Питер, 2008. 238 с.
10. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. СПб.: Юридический центр Пресс., 2001. 789 с.
11. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.

13. Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. Девиантный контент в интернете и его использование студенческой молодежью // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7. С. 22–27.
14. Белоусова М.В., Карпов А.М., Уткузова М.А. Влияние гаджетов на развитие коммуникации, социализации и речи у детей раннего и дошкольного возраста // Практическая медицина. 2014. № 9(85). С. 108–112.
15. Беспалов Ю.Ф. Информационная безопасность лиц с особым правовым статусом: социально-правовой аспект // Нотариус. 2020. № 1. С. 16–17.
16. Боденкова М.А. Принцип единства свободы и ответственности в реализации государственной информационной политики: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2006. 157 с.
17. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Культурная революция, 2006. 268 с.
18. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.
19. Бодров В.А. Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
20. Большаков А.М., Крутько В.Н., Кутепов Е.Н. и др. Информационные нагрузки как новый актуальный раздел гигиены детей и подростков // Гигиена и санитария. 2016. Т. 95. № 2. С. 172–177.
21. Бондарев В.В. Функционально-системный подход к управлению информационной безопасностью // Защита информации. Инсайд. 2018. № 2(80). С. 40–44.
22. Бранский В.П. Искусство и философия: роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 2000. 703 с.
23. Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 119 с.
24. Бюлер-Нидербергер Д., Зюнкер Х. От исследования социализации к социологии детства // Развитие личности. 2003. № 4. С. 69–94.

25. Варывдин В.А. Управление системой социальной защиты. М.: Педагогическое общество России, 2004. 200 с.
26. Виноградова Н.В. Правовой механизм защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 196 с.
27. Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 300 с.
28. Властовский В.Г. Акцелерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). М: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 279 с.
29. Войскунский А.Е. Интернет-зависимости: психологическая природа и динамика развития. М.: Акрополь, 2009. 279 с.
30. Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань: Изд-во Рязанского госуниверситета, 2018. 188 с.
31. Вундт В. Основы физиологической психологии. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, [1908]–[1914]. 470 с.
32. Выготский Л.С. Детская психология. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
33. Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 99 с.
34. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
35. Гир Ч. Цифровая контркультура // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 5–71.
36. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 254 с.
37. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. 621 с.
38. Горелов А.А. Социальная экология. М.: ИФ РАН, 1998. 262 с.
39. Гродзинский М.М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 20 с.

40. Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 407 с.
41. Гудинова Ж.В., Гегечкори И.В., Толькова Е.И. и др. К вопросу разработки основ информационной гигиены // Научное обозрение. Медицинские науки. 2015. № 1. С. 143–143.
42. Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН, 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 86–102.
43. Данкин Д.М. Культура доверия как важнейший ресурс безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 4. С. 491–503.
44. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 892 с.
45. Денисов Э.И., Еремин А.Л., Сивочалова О.В., Курьеров Н.Н. Информационная гигиена и регулирование информации для уязвимых групп населения // Гигиена и санитария. 2014. № 5. С. 43–49.
46. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 64–79.
47. Дуденкова И.В. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.
48. Дукин Р.А. Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2. С. 24–26.
49. Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1896. 466 с.
50. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
51. Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения / Пер с фр. // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 46–54.

52. Елфимова О.С. Социологический аспект понятийного оформления сущности безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. С. 51–56.
53. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.
54. Еремин А.Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации // Гигиена и санитария. 2020. № 4. С. 351–355.
55. Еремин А.Л. Информационная экология – a viewpoint // Международный журнал «Экологические исследования». 1998. Т. 54. С. 241–253.
56. Еремин А.Л. К вопросу развития нового направления – информационной экологии // Тезисы I Международной конференции «Экология и развитие Северо-Запада». СПб: Центр МАНЭБ, 1995. С. 238–239.
57. Еремин А.Л. Природа и физиология информационной экологии человека // Экология человека. 2000. № 2. С. 55–60.
58. Ефимова Л.Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт. М.: Юнити, 2013. 239 с.
59. Жбанков А.Б. Доверие как фактор безопасности // Власть. 2010. № 8. С. 19–21.
60. Жилавская И.В. Медийно-информационная грамотность через призму конвергенции и дивергенции // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. Т. 1. № 2. С. 72–94.
61. Жилавская И.В. Общая теория медиа: опыт обоснования // Актуальные проблемы медиаисследований-2018. Материалы VII Международной научно-практической конференции НАММИ, 2018. С. 68–70.
62. Жилавская И.В. Проблемы информационной безопасности детей через призму нового закона // Сборники конференций НИЦ СОЦИОСФЕРА. Прага, 2011. № 1. С. 64–70.
63. Завалова Н.Д. Восприятие // БМЭ. М.: Советская Энциклопедия, 1976. Т. 4. С. 426–427.

64. Завалова Н.Д. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 172 с.
65. Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2007. 305 с.
66. Западноевропейская социология XIX века: О. Конт, Д.С. Милль, Г. Спенсер. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. 352 с.
67. Зборовский Г.Е. Гражданское общество в зеркале социологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132. № 4. С. 135–146.
68. Зеньковский В.В. Психология детства. Берлин: Русская книга, 1923. 348 с.
69. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 109 с.
70. Зинченко Н.И. Социально-правовые институты обеспечения национальной безопасности России: состояние и перспективы развития: социологический аспект: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006. 428 с.
71. Зинченко Ю.П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. М.: МГУ, 2011. 952 с.
72. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 217 с.
73. Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003. 230 с.
74. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
75. Игнатьев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.
76. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. Мастера психологии. СПб: Питер, 2002. 544 с.
77. Ильиных С.А. Риск в контексте социологии управления // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 11. С. 267–271.
78. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная Мысль. 2021. № 8. С. 19–33.

79. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. Т. II: Феномен «разорванной коммуникации»: Сб. Статей / Под ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой и др. М.: Аспект Пресс, 2008. 399 с.
80. Калмыков А.А. Онтология цифровой цивилизации/ В кн.: Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2013. 233 с.
81. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
82. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 1. С. 23–51.
83. Касьянов С.Н., Алешина Л.И., Федосеева С.Ю. Гигиенические и психофизиологические аспекты информационной экологии // Грани познания. 2015. № 8. С. 134–137.
84. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. Проект, 2005. 445 с.
85. Клягина А.А. Гражданская активность россиян в условиях современного политического процесса: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2012. 180 с.
86. Кобрин Н.В. Понятие медиашума в коммуникативно-социальном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). С. 86–88.
87. Козырьков В.П. Характер доместикации современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 86–92.
88. Колесникова Д.А., Савчук В.В. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 41–50.
89. Коломиец В.П. Медиасоциология: теория и практика. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.
90. Коломиец В.П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14.

91. Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 12–24.
92. Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105–109.
93. Косов Г.В. и др. Общество безопасности как альтернатива обществу риска. М.: АНМИ, 2006. 210 с.
94. Косолапов Н.А. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. 2003. № 2. С. 18–31.
95. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
96. Крашенинникова Ю.А. Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ) // Отечественные записки. 2019. № 3 (123). С. 87–103.
97. Кузнецов В.Н. Динамика формирования социологии культуры безопасности // Безопасность Евразии. 2001. № 4. С. 691–723.
98. Кузнецов В.Н. Теория компромисса. М.: Книга и бизнес. 2010. 588 с.
99. Кузнецов В.Н. Теория коммуникационного общества 3.0: социологический гуманистический аспект. М.: Книга и бизнес, 2015. 488 с.
100. Кузнецов В.Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе (Социологический аспект): дис. ...д-ра соц. Наук. М., 2002. 388 с.
101. Кузнецова А.В. Проблемы информации и энтропии в медиатексте: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 229 с.
102. Кулешова Г.П. Региональная система социальной защиты населения в современном российском обществе: дис. ... д-ра соц. наук. Саранск, 2005. 365 с.
103. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 460 с.

104. Кумелашвили Н.У. Социально-культурные ракурсы медиакультуры: коммуникативно-компетентностный аспект: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2012. 137 с.
105. Кучма В.Р. Гигиеническая безопасность гиперинформатизации жизнедеятельности детей // Гигиена и санитария. 2017. № 11. С. 1059–1063.
106. Кучма В.Р., Сухарева Л.М., Храмцов П.И. Медико-профилактические основы безопасной жизнедеятельности детей в гиперинформационном обществе // Российский педиатрический журнал. 2017. № 20 (3). С. 161–165.
107. Лазуренко Н.В. Управление системой социальной защиты детства: муниципальный уровень: дис. ... канд. соц. наук. М., 2009. 231 с.
108. Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28.
109. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 38 с.
110. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф–имя–культура // Ученые записки Тартуского ун - та. Тарту: Тартуский университет, 1973. Вып. 308. С. 282–303.
111. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. 704 с.
112. Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 135–160.
113. Магун В.С., Руднев В.Г. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3–4. С. 12–24.
114. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62–69.
115. Макарычев А.С. Экспертное сообщество России при президентстве В. Путина: проблемы внутренней и внешней субъектности // Публичная политика. 2006. № 1. С. 102–107.
116. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея, 2007. 462 с.

117. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб: Питер, 2017. 831 с.
118. Мамонтова О.И. Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 63–71.
119. Мамычева Д.И. Тенденции рационализации детства в эпоху модерна // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 2. С. 232–236.
120. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
121. Марцоха И.Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 133 с.
122. Масленникова Л.Н. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве. М: Норма: Инфра-М, 2017. 384 с.
123. Матвеевко Ю.И. Современные подходы к изучению риска // Изв. ТулГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 165–174.
124. Меликян В.Ю. Методология и практика юридизации инвективной лексики // Материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов-на-Дону: Дониздат, 2019. С. 5–26.
125. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.
126. Мехришвили Л.Л. Проблема детства в системе российской социальной политики: дис. ... д-ра соц. наук. Тюмень, 2007. 380 с.
127. Мещерякова Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2015. 311 с.
128. Миронов Д.Ф. Информационный шум и образовательный процесс // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4. С. 24–30.

129. Митрофанова С.Ю. «Я – взрослый/я – взрослая»: представления третьеклассников о собственном будущем // Вестник СамГУ. 2013. № 2. С. 10–21.
130. Моисеев Н.Н. Люди и кибернетика. М.: Мол. гвардия, 1984. 224 с.
131. Мугулов Ф.К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа: монография. Сочи: РИО СИМБиП, 2003. 243 с.
132. Мясоедов С.П. Кросскультурный шок и типичные ошибки общения // Управление персоналом. 2005. № 3. С. 55–59.
133. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56–66.
134. Некипелова О.О., Некипелов М.Н., Шишелова Т.И. Срочная адаптация к шуму и ее влияние на интеллектуальную работоспособность человека // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 2. С. 27–28.
135. Некипелова О.О., Некипелов М.И., Шишелова Т.И., Маслова Е.С. Шумовое загрязнение городской среды и его влияние на население // Фундаментальные исследования. 2004. № 5. С. 46–47.
136. Огий О.Г. Безопасность в системе социологического знания // Вестник ТОГУ. 2011. № 1 (20). С. 207–216.
137. Овчинская Е.В. Практики телепотребления россиян в условиях социокультурных изменений: дис. ... канд. соц. наук. М., 2017. 189 с.
138. Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74. № 2. С. 112–138.
139. Павловский О.М. Биологический возраст и современные тенденции в постдефинитивном онтогенезе человека // Вопросы антропологии. 1985. № 75. С. 133–148.
140. Парсонс Т.П. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
141. Пацлаф Р. Застывший взгляд. М.: Evidentis, 2003. 224 с.

142. Петренко Д.В. Философия медиа: от имени к концепту // Философия и социальные науки. 2015. № 2. С. 10–14.
143. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребёнка. М.: Академический Проект, 2006. 480 с.
144. Платон Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
145. Поддубная Т.Н. Социальная защита семьи и детства в Российской Федерации: справочник социального педагога и социального работника. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 509 с.
146. Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5 (58). С. 386–394.
147. Полянина А.К. Анализ нормативно-доктринальных основ системы информационной безопасности детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12 (92). С. 108–112.
148. Полянина А.К. Гиперсетевая модель медиакommunikации: новые качества рисков вреда от информации детской аудитории // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 4. С. 148–159.
149. Полянина А.К. Государственная защита детей от вредной информации: анализ трех правоприменительных прецедентов // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2021. Т. 29. № 2. С. 78–86.
150. Полянина А.К. Государственный контроль над оборотом вредной для детей информации: анализ судебной практики // Социодинамика. 2021. № 11. С. 54–60.
151. Полянина А.К. Границы креативности: социальный контроль этических аспектов рекламы в контексте информационной безопасности детей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 140–148.
152. Полянина А.К. Исследование моделей фильтрации вредной для детей информации на основе сравнения подходов, используемых в зарубежных

странах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4. С. 70–80.

153. Полянина А.К. Межстрановая типологизация систем фильтрации контента // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 123–127.

154. Полянина А.К. Модели регулирования медиа: компаративистский анализ // Социодинамика. 2021. № 12. С.1–7.

155. Полянина А.К. Паттерн детства как ориентир обеспечения защиты детей от вредной информации // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 118–123.

156. Полянина А.К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 34–38.

157. Полянина А.К. Синергия государственного регулирования и гражданской активности при обеспечении информационной безопасности детей // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 53–66.

158. Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей как системой социальных взаимодействий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 62–67.

159. Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей: теория и практика // Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2021. 285 с.

160. Полянина А.К. Феномен медиашума: рискогенность фонового медиапотребления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 215–223.

161. Полянина А.К., Андреева Ю.В. Информационный шум в пространстве развития ребёнка: концептуальное обоснование // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 109–121.

162. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Анализ практики государственного и общественного контроля рекламы и подходов к выявлению непристойного в

рекламной продукции // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2019. Т. 27. № 3. С. 155–160.

163. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 83–89.

164. Пристанская О.В., Ключкова А.В. Информационные предпосылки криминализации общественного сознания // Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право. 1999. № 2. С. 27–38.

165. Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000. 96 с.

166. Радченко Г.С. Особенности показателей ЭЭГ и вегетативной регуляции при воздействии музыкальных фрагментов с разной тональной модуляцией: дис. ... канд. биол. наук. Нижний Новгород, 2017. 130 с.

167. Ревич Б.А., Авалиани С.Л., Тихонова П.И. Основы оценки воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье человека. М.: Акрополь, 2004. 267 с.

168. Ржевская Л.В. Институт уполномоченного по правам ребенка: опыт России и зарубежных стран // Юридический мир. 2010. № 8. С. 41–45.

169. Рибо Т. Психология внимания/ Пер. с фр. А. Цомакион. Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1890. 126 с.

170. Рихтер А.Г. Свобода массовой информации в постсоветском пространстве. М.: ВК, 2007. 365 с.

171. Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. Новые медиа: эволюция понятия // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 222–225.

172. Розенберг Г.С. Еще раз к вопросу о том, что такое «Экология»? // Биосфера. 2010. № 3. С. 6–13.

173. Савельева Е.А. Гражданская активность в современной России: возможности концептуализации и эмпирического изучения: дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. 221 с.

174. Савельева О.О. Социология рекламного воздействия. М.: РИП-холдинг, 2006. 283 с.
175. Савчук В.В. Медиа внутри нас // Медиафилософия. 2012. № 8. С. 25–44.
176. Савчук В.В. Медиареальность. Медиа субъект. Медиафилософия // Медиафилософия. 2009. № 2. С. 226–241.
177. Савчук В.В. Медиафилософия: приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 348с.
178. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. 2008. № 1. С. 5–25.
179. Самыгин С.И., Верещагина Л.В. Семья и социальная безопасность России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 116–120.
180. Сафаров И.Ш. Философско-эстетические аспекты творчества: Синергический подход: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2001. 188 с.
181. Саяпин В.О. Социокультурная трансформация после индустриальной эры: процессы виртуализации // Философские традиции и современность. 2014. № 2 (6). С. 84–105.
182. Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя // Государство и право. 1991. № 8. С. 14–23.
183. Ситкова О.Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 27–30.
184. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 167 с.
185. Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества: опыт Европейского Союза. М.: Закон и право, 2012. 159 с.
186. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

187. Стахорский С.В. Архаические паттерны в современной речевой среде // Наука телевидения. 2013. Т. 10. С. 126–138.
188. Стогний И.С. Коннотативные свойства музыкального свойства. М.: РАМ им. Гнесиных, 2013. 223 с.
189. Сунгуров А.Ю. Экспертная деятельность как форма участия в процессе государственного управления. Экспертные сети / В кн.: GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. М.: РОССПЭН, 2012. С. 166–176.
190. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. 2015. № 3. С. 53–70.
191. Сулопаров А.В. Информационные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 249 с.
192. Тейлор Р. Шум. / Пер. с англ. Д.И. Арнольда. М.: Мир, 1978. 308 с.
193. Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет, 2002. 450 с.
194. Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии // Сочинения. Т. 3. М: АН СССР, 1943. 208 с.
195. Ткачук Е.А., Тармаева И.Ю. Нервно-психическое развитие детей дошкольного возраста в условиях информатизации // Гигиена и санитария. 2014. № 6. С. 23–26.
196. Улыбина Е.В. Страх и смерть желания. М.: Модерн-А, 2003. 317 с.
197. Уралева Е.Е. Реклама как социальный институт // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 588–593.
198. Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. 231 с.
199. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Филос. Очерки. М.: Наука. 1975. 287 с.
200. Усова М.В. Сетевые риски в глобальном обществе: социально-философский аспект // Власть. 2014. Т. 22. № 4. С. 73–77.

201. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность. Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. 340 с.
202. Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 87–96.
203. Филипова А.Г. Социальная защита детства в современной России: институциональный анализ: дис. ... д-ра соц. наук. Хабаровск, 2013. 371 с.
204. Филиппов А.Ф. Участь эксперта // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 7–15.
205. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. 2010. Т. 1. С. 26–36.
206. Фуллер Лон Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 305 с.
207. Хагуров Т.А., Чепелева Л.М. Социально-психологические причины распространения субкультуры "АУЕ" (неявные факторы актуальной проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 322–339.
208. Хагуров Т.А. Девиантология – социология и психология зла. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2023. 412 с.
209. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: АCADEMIA, 2010. 409 с.
210. Чернавский Д.С. Синергетика и информация: динамическая теория информации. М: URSS, 2009. 300 с.
211. Черных А. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. 308 с.
212. Шматко Н.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 14–19.
213. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.
214. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 655 с.

215. Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., Ефлова М.Ю., Котляр П.С. Медиаобразование в высшей школе: особенности, перспективы, риски // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 208–213.
216. Щипков В.А. Идеальные основания современного информационного пространства: почему равный доступ к информации не ведёт к информационному равенству // Международные коммуникации. 2017. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.intcom-mgimo.ru/2017-02/information-space>.
217. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 554 с.
218. Эрисман Ф.Ф. Краткий учебник по гигиене. М.: типогр. Г.И. Простакова, 1898. 475 с.
219. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2011. 703 с.
220. Эрштейн Л.Б. Об определении понятия информация // Метафизика. 2018. № 3. С. 21–30.
221. Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. 400 с.
222. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. 191 с.
223. Alanen L. «Intersectionality» and other challenges to theorizing childhood // *Childhood*. 2016. Vol. 23(2). P. 157–161.
224. Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish// *Human Relations*. 1954. V. 7. P. 39–58.
225. Barney D. The Network Society // *Great Britain* by MPG Books. 2004. P. 1–34.
226. Baron R.A. The aggression-inhibiting influence of heightened sexual arousal // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. № 30. P. 318–322.
227. Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. 218 p.
228. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity // *Canadian Journal of Sociology/ Cahiers canadiens de sociologie*. 1992. Vol. 19. № 4. 260 p.

229. Bloom F.E., Lazerson A., Hofstadter L. *Brain, Mind, and Behavior*. New York: W.H. Freeman and Company, 1985. 248 p.
230. Bonss W. *Vom Risiko: Unsicherheit und Ungewissheit in der Moderne*. Hamburg: Hamburger ed., 1995. 358 c.
231. Boulding E. *Children's Rights and the Wheel of Life*. New Jersey: Transaction Book, 1979. 179 p.
232. Brown T., Vodopyanova N. Is what you see what you get? A content analysis of the indicative nature of self-regulated comic book covers and their content // *Journal of Graphic Novels and Comics*. 2018. № 9(2). P. 137–156.
233. Bruce E. Of Letters and Lists: How the MPAA Puts Films Recommended for LGBTQ Adolescents Out of Reach // *Journal of Homosexuality*. 2020. № 67. P. 1–15.
234. Brus A. A young people's perspective on computer game addiction // *Addiction Research & Theory*. 2013. № 5. P. 365–375.
235. Buhler-Niederberger D. Generationale Verpflichtungen – Normative Muster und ihre Umsetzung // *Berliner Journal für Soziologie*. 2020. № 30. P. 49–78.
236. Calcutt A. *Arrested Development. Pop culture and the Erosion of Adulthood*. London: Cassell, 1998. 224 p.
237. Cantor J. Fright reactions to mass media // *In: Media effects: Advances in theory and research / J. Bryant, D. Zillmann (eds)*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 213–245.
238. Capurro R. Towards an Information Ecology // *In: Information and Quality / I. Wormell, ed*. London: Taylor Graham, 1990. P. 122–139.
239. Castells M. *The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2000. 469 p.
240. Cline V.B. Pornography effects: Empirical and clinical evidence // *Media, children and the family: Social scientific, psychodynamic and clinical perspective / D. Zillmann, J. Bryant and A. Huston (Eds.)*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994. P. 229– 247.
241. Cloudry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // *New Media & Society*. 2008. Vol. 10. № 3. P. 373–391.

242. Dalton D., Schubert C. When Classification Becomes Censorship // *Griffith Law Review*. 2011. № 20 (1). P. 31–66.
243. Davenport T., Beck J. *The Attention Economy: Understanding the new currency of business*. Massachusetts: Harvard Business School, 2001. 272 p.
244. Laramie D. J. *Emotional and behavioral aspects of mobile phone use*. Los Angeles: Alliant International University, ProQuest, 2007. 135 p.
245. Denisov E.I. Informational Hygiene as A Medical and Biological Tool for Health Preservation in The Digital Era // *Am J Biomed Sci & Res*. 2019. Vol. 4. № 2. P. 73–75.
246. Doomen J. Information Inflation // *Journal of Information Ethics*. 2009. Vol. 18. № 2. P. 27–37.
247. Douglas M. *Risk Acceptability According to the Social Sciences*. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1985. 115 p.
248. Drabman R.S. & Thomas M.H. Does media violence increase children's toleration of real life aggression // *Developmental Psychology*. 1974. № 10. P. 418–421.
249. Eisenstadt S.N. *From Generation to Generation, Age Groups and Social Structure*. Glencoe: Free Press, 1956. P. 357.
250. Ellis R.J., Thayer J.F. Music and Autonomic Nervous System (Dys)function // *Music perception*. 2010. № 27. P. 317–326.
251. Federman J. *Media rating systems: A comparative review / The V-Chip Debate: Content Filtering from Television to the Internet*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 99–132.
252. Garbarino J. Can American Families Afford the Luxury of Children? // *Child Welfare*. 1986. Vol. 65. № 2.
253. Gerbner G. Violence in television drama: Trends and symbolic functions // In: *Television and social behaviour / G.A. Comstock & E. Rubinstein (eds.)*. 1972. Vol. 1. Media content and control. P. 28–187.

254. Giddens A. Fate, Risk and Security // In: *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. Cambridge: Polity Press, 1991. № 5. P. 107–134.
255. Haeckel E. *Generelle Morphologie der Organismen*. 1866. 574 p.
256. Hallin D., Mancini P. *Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics*. N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 360 p.
257. Hengst H. *Rethinking the Liquidation of Childhood // Childhood in Europe*. 2001. P. 13–41.
258. Herget J.E., Wallace S. *The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism*. Virginia, 1987. 451 p.
259. Hindman E. *Protecting Childhood: Rights, Social Goals and the First Amendment in the Context of the Child Online Protection Act // Communication Law and Policy*. 2009. № 15. P. 1–23.
260. Holmberg L. *The future of childhood studies? Reconstructing childhood with ideological dilemmas and metaphorical expressions // Childhood*. 2018. Vol. 25. № 2. P.158–172.
261. James A., James A.L. *Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice*. London: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.
262. James A., Jenks C., Prout A. *Theorising Childhood // Cambridge: Polity Press*, 1998. 247 p.
263. Karaiskos D. et al. *Social network addiction: a new clinical disorder? // European Psychiatry*. 2010. № 25. P. 855.
264. Koelsch S., Siebel W.A. *Towards a neural basis of music perception // Trends Cogn. Sci*. 2005. Vol. 9. № 12. P. 578–584.
265. Krajewska-Kułak E., Kułak W., Stryzhak A., Szpakow A., Prokopowicz W., Marcinkowski J. *Problematic mobile phone using among the Polish and Belarusian University students, a comparative study // Progress in Health Sciences*. 2012. № 2. P. 45–50.
266. Lem S. *Summa Technologiae*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1964. 501 p.

267. Leone R. Contemplating ratings: An examination of what the MPAA considers too far for R' and why // *Journal of Communication*. 2002. Vol. 52. № 4. P. 938–954.
268. Leone R., Barowski L. MPAA Ratings Creep // *Journal of Children and Media*. 2011. Vol. 5. № 1. P. 53–68.
269. Levinson P. *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium*. New York: Routledge, 1999. 226 p.
270. Levitin D.J. *The Organized Mind: Thinking Straight in the Age of Information Overload*. New York, N.Y.: Dutton, 2014. 496 p.
271. Livingstone S. *Children and the Internet. Great Expectations, Challenging Realities*. Cambridge: Polity Press, 2009. 301 p.
272. Livingstone S., Bulger M. A Global Research Agenda for Children's Rights in the Digital Age // *Journal of Children and Media*. 2014. Vol. 8. P. 317–335.
273. Luhmann N. Der Begriff Risiko//In: *Soziologie des Risikos* / N. Luhmann. N.Y.: Walter de Gruyter, 1991. P. 9–40.
274. Luhmann N. *Die Beobachtungen der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag, GmbH, 1992. 220 p.
275. Luhmann N. *Soziale Systeme*. Frankfurt, 1987. 102 s.
276. Luhmann N., Lenzen D. *Das Erziehungssystem der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2002. 236 s.
277. MacIver R.M. The Ramparts We Guard // *American Political Science Review*. 1950. Vol. 44. P. 478–480.
278. Matsuda M. Mobile Communication and Selective Sociality // In: *Personal, Portable, Pedestrian. Mobile Phones in Japanese Life* / M. Ito, D. Okabe, and M. Matsuda (eds.). Cambridge/London: MIT Press, 2005. P. 123–142.
279. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge/London: MIT Press, 1994. 355 p.
280. Messner S., Rosenfeld R. *Crime and the American Dream*. USA: Wadsworth: Cengage Learning, 2013. 176 p.
281. Mitchell W.J.T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. University of Chicago Press, 1994. 462 p.

282. Mustonen, A. & Pulkkinen, L. Television violence: A development of a coding scheme // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1997. № 41. P. 168–189.
283. Newell J., Blevins J., Bugeja M. Tragedies of the Broadcast Commons: Consumer Perspectives on the Ethics of Product Placement and Video News Releases // *Journal of Mass Media Ethics*. 2009. Vol. 24. № 4. P. 201–219.
284. Orman L. Fighting Information Pollution with Decision Support Systems// *Journal of Management Information Systems*. 1984. Vol. 1. № 2. P. 64–71.
285. Parsons T. *The Social System*. New York: The Free Press, 1951. 575 p.
286. Polianina A.K., Andreeva Y.V. Stressogenicity of Media Noise in the Conditions of Background Media Consumption // *International Journal of Criminology and Sociology*. 2020. Vol. 9. P. 1740–1745.
287. Polianina A.K. Media Noise: the problem of hygienic rationing and personal well-being // *E3S Web Conf*. 2021. Vol. 291. IV International Scientific and Practical Conference «Sustainable Development and Green Growth on the Innovation Management Platform» (SDGG 2021). Article Number 05004.
288. Polianina A.K. The Problem of the Devaluation of Education in the Age of Media Noise // *Atlantis Press. Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020)*.
289. Polianina A.K., Grudzinsky A.O. Media Communication Management: A New Trajectory // *Atlantis Press (France). Advances in Economics, Business and Management Research*. 2019. Vol. 114. P. 481–482.
290. Polianina A.K., Grudzinsky A.O. Transformation of Childhood in a Digital World // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100. P. 424–431.
291. Postman N. *Technopoly: the Surrender of Culture to Technology*. 1992. 339 p.
292. Postman N. *The Disappearance of Childhood*. N.Y.: Vintage Books, a division of Random House, 1994. 192 p.
293. Postman N. The Humanism of Media Ecology // *Proceedings of the Media Ecology Association*. 2000. Vol. 1. P. 10–16.
294. Postman N. The reformed English curriculum // *High school*. 1980. P. 160–168.

295. Price J., Palsson C., Gentile D. What Matters in Movie Ratings? Cross-country Differences in how Content Influences Mature Movie Ratings // *Journal of Children and Media*. 2014. Vol. 8. № 3. P. 240–252.
296. Prout A. *Future of Childhood. Toward the Interdisciplinary Study of Children*. London–N.Y.: Routledge, 2005. 167 p.
297. Qvortrup J. *Childhood as a social phenomenon*. Budapest, Viena: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991. 39 p.
298. Qvortrup J. *Sociology: Societal Structure, Development of Childhood, and the Well-Being of Children*//In: *Handbook of Child Well-Being* / A. Ben-Arieh, F. Casas, I. Frønes, J. Korbin (eds). Dordrecht: Springer, 2014. P. 663–707.
299. Richter D. *Kindheit als Utopie // Zur Zukunft von Familie und Kindheit*. Berlin, 1985. S. 135–139.
300. Rosa Eu. *Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk* // *Journal of risk research*. 1998. № 1. P. 15–44.
301. Shanahan L. et al. Specificity of putative psychosocial risk factors for psychiatric disorders in children and adolescents // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. № 1. P. 34–42.
302. Shannon C., Weaver W. *Mathematical Theory of Communication*. Urbana, IL: The University of Illinois Press, 1964. 117 p.
303. Shapiro C., Varian H.R. *Information Rules: A Strategic Guide to The Network Economy*. Boston, Massachusetts: Harvard Business School Press, 1999. 352 p.
304. Shenk D. *Data smog: Surviving the information glut*. 1998. 250 p.
305. Shirky C. *Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age*. N.Y.: Penguin Press, 2010. 242 p.
306. Siebel W.A., Walter A. *Towards a neural basis of music perception* // *Trends in Cognitive Sciences*. 2005. Vol. 9. № 12. P. 578–584.
307. Siebert F.S., Peterson T., Schramm W. *Four Theories of the Press*. Urbana, 1956. 153 p.

308. Srivastava Sh., Singh A. Relationship between Internet dependency and mental health of adolescents: The psychology of internet use // *International Journal of Scientific and Research Publications (IJSRP)*. 2020. № 10. P. 477–482.
309. Staksrud E., Milosevic T. Adolescents and children in global media landscape: from risks to rights // *Annals of the International Communication Association*. 2017. Vol. 41. № 3–4. P. 1–7.
310. Terranova T. *Network Culture: Politics for the Information Age*. L.: Pluto Press, 2004. 184 p.
311. Threadgold E., Marsh J.E., McLatchie N., Ball L.J. Background music stints creativity: Evidence from compound remote associate tasks // *Applied Cognitive Psychology*. 2019. Vol. 33. P. 873–888.
312. Toffler A. *Future Shock*. Random House, 1970. 590 p.
313. Trappe H.J. The effects of music on the cardiovascular system and cardiovascular health // *Heart*. 2010. Vol. 96. № 23. P. 1868–1871.
314. Vaala S., Bleakley A., Castonguay J., Jordan A. Parents' Use of the V-Chip and Perceptions of Television Ratings: The Role of Family Characteristics and the Home Media Environment // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2017. Vol. 61. № 3. P. 518–537.
315. Varava K., Quick B. Adolescents and Movie Ratings: Is Psychological Reactance a Theoretical Explanation for the Forbidden Fruit Effect? // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2015. Vol. 59. № 1. P. 149–168.
316. Vartanova E. The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics // In: *Comparing Media Systems Beyond the Western World* / ed. by D.C. Hallin, P. Mancini. Cambridge University Press, 2012. P. 119–142.
317. Ward K. Internet Consumption in Ireland – towards a «connected» domestic life // In: *Media, technology, and everyday life in Europe: from information to communication*. Ashgate: Aldershot Hants, 2005. P. 107–124.
318. Weber M. *The Social and Economic Organization*. Oxford, 1947. 436 p.
319. Zittrain J., Edelman B. *Documentation of Internet Filtering in Saudi Arabia*. Berkman Center for Internet & Society Harvard Law School, 2005.

320. Zyunker H., Buhler-Niderberger D. From research in the sociology of childhood socialization // Personality Development. 2003. №4. P. 69–94.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1

**Анализ текстов постановлений судов первой инстанции с 2017 по 2020 год
(в % от общего количества постановлений)**

Мотив распространителя	Мотив потребителя	Объединённые категории	Доля объединённых категорий в общем количестве постановлений	Тип вредного контента	2017	2018	2019	2020	Всего (в абс.ед.)
Прибыль	Спрос на товар	Одурманивающие вещества	32	Алкоголь	48	28	4	7	87
				Наркотики	13	7	4	5	29
				Табак	7	2	7	27	43
Прибыль	Спрос на товар/услугу	Секс	36,3	Проституция	37	15	31	35	118
Прибыль	Спрос на контент – девиантные потребности			Порнография	23	6	15	17	61
Прибыль				Гомосексуализм	-	1	-	-	1
Прибыль				Детская порнография	1	-	1	1	3
Прибыль				Спрос на товар/услугу	Аборт	-	2	-	-
Пропаганда Политические Экстремизм	Спрос на контент идентификация	Пропаганда преступлений	15	Экстремизм	4	5	4	4	17
	Спрос на контент и товар			Взрывчатые вещества Оружие	2	3	6	4	15
	Спрос на контент			Правонарушения Мошенничество (дипломы, обналичивание и т.п.)	3	4	3	3	13
	Спрос на контент Идентификация			Уголовная субкультура	1	3	12	15	31

Продолжение таблицы 1

Самовыражение девиантного поведения	Спрос на контент	Насилие. Жестокость	3	Жестокость	2	1	3	5	11
Жестокость с животными				-	1	-	2	3	
Пропаганда	Спрос на контент Идентификация	Самовредительство Селфхарм	7	Забивы. Оффники	-	-	2	-	2
Самовыражение девиантного поведения.				Самоубийство	11	8	2	2	23
Прибыль. Контент как стоппер				Членовредительство Собачий кайф Самоудушение Лезвием по венам	1	1	-	3	5
Самовыражение девиантного поведения	Спрос на контент	Рисковое поведение	5	Как заболеть	-	3	-	3	6
Самовыражение девиантного поведения	Спрос на контент Самовыражение девиантного поведения			Руфинг	7	-	2	1	10
Прибыль	Спрос на товар/услугу			Зацепинг	1	-	2	3	6
				Замыкание рельсовой цепи	-	1	-	1	2
				Шоплифтинг	3	-	-	-	3
				Испытания	2	-	-	-	2
Самовыражение девиантного поведения	Спрос на контент. Самовыражение девиантного поведения	Диггерство	1	-	-	-	1		
Самовыражение девиантного поведения	Спрос на контент. Самовыражение девиантного поведения		1,3	Комплекс	2	1	4	1	8
Всего			100		169	92	103	140	504

Программа социологического исследования

«Реализация экспертной практики: проблемы и перспективы»

*I. Методологический раздел**1. Постановка проблемы.*

Деятельность социальных субъектов по проведению профессиональной оценки вероятности вреда от информации выступает практикой института экспертизы, который является одним из субъектов управления информационной безопасностью детей. Экспертиза информационной продукции учреждена в рамках законодательства о защите детей от информации, основывается на нормативно установленных критериях вреда и имеет правовые последствия для оборота информации. Мнение экспертов, аккредитованных государственным органом в области надзора за оборотом информации (Роскомнадзором), представляется важным для определения факторов ресурсности данного института и тенденций его развития.

2. Объектом исследования является практика института экспертизы.

Предмет исследования – факторы ресурсности института экспертизы как субъекта управления информационной безопасностью детей.

3. Целью исследования является анализ институциональных ресурсов и рисков, дисфункций института и их источников.

Цель исследования определила следующие задачи:

- 1) выявление мнения экспертов об основных проблемах реализации экспертных мероприятий;
- 2) выявление отношения экспертов к своему статусу и кругу полномочий;
- 3) определение отношения к порядку аккредитации экспертов и требованиям, предъявляемым к кандидатам в эксперты как показателю предварительного контроля;
- 4) выявление отношения экспертов к финансовым основаниям экспертизы как показатель мотивации – фактора поведения субъекта управления;
- 5) выявление особенностей отношения экспертов к желаемым и формулируемым заказчиком экспертизы выводам экспертизы и доли совпадений с желанием заказчика как показателей объективности и независимости экспертизы;
- 6) выявление отношения экспертов к введению и организации проверки качества результатов экспертизы;
- 7) определение мнения о целях, функциях и задачах структуры саморегулирования экспертного сообщества.

4. Гипотезы исследования:

- 1) порядок экспертизы, организация проверки её качества и финансовые основания влияют на мотивацию экспертов, независимость выводов экспертизы;
- 2) неоднозначность нормативно установленных критериев вреда от информации представляет собой сложность проведения экспертизы;
- 3) неоднородность экспертного сообщества детерминирована мотивацией эксперта и его отношением к основным принципам экспертизы – независимости и объективности.

II. Методический раздел программы

1. Расчет выборки. Исследуемая совокупность – 32 эксперта, аккредитованных Роскомнадзором по состоянию на 14.01.2021 г.

Генеральную совокупность составили все аккредитованные эксперты по состоянию на 14.01.2021 г. в количестве 91 человек.

2. Обоснование методов. Исследование проведено методом анкетирования. Данный метод доступен и экономичен как в финансовом, так и во временном плане.

3. Разработка инструментария – структурированная анкета.

4. Определение методов обработки и анализа данных. Данные, полученные в ходе исследования, сгруппированы и проанализированы с помощью компьютерной программы обработки статистических данных SPSS.

5. График проведения исследования.

Разработка программы исследования: октябрь – декабрь 2020 г.

Полевое исследование: январь 2021 г.

Ввод, обработка, анализ данных: февраль–март 2021 г.

Программа социологического исследования

«Гражданская активность в системе обеспечения информационной безопасности детей»

*I. Методологический раздел**1. Постановка проблемы.*

Структуры гражданской активности являются субъектами обеспечения информационной безопасности детей и одновременно непосредственно заинтересованы в результате этой деятельности как состоящие, прежде всего, из родительской общественности. Выявление мнений представителей института гражданской активности относительно проблемы информационной безопасности детей и минимизации рисков вреда от информации позволит сформулировать узловые моменты исследуемой проблематики, мотивы общественников, ресурсы института и нуждаемость в них, тенденции развития института гражданской активности как субъекта управления.

2. Объектом исследования является практика института гражданской активности в области обеспечения информационной безопасности детей.

Предмет исследования – факторы ресурсности института гражданской активности как субъекта управления информационной безопасностью детей.

3. Целью исследования является анализ институциональных ресурсов и рисков, их взаимосвязи с ресурсами и рисками других институтов, субъектов управления.

Цель исследования определила следующие задачи:

- 1) выявление отношения участников гражданской активности к проблеме обеспечения информационной безопасности детей;
- 2) определение стратегии их поведения при взаимодействии с другими субъектами управления;
- 3) выявление трудностей и препятствий при реализации структурами гражданской активности своих функций;
- 4) выявление мнения относительно управленческих практик других субъектов – социальных институтов;
- 5) анализ предложений по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности детей в России.

4. Гипотезы исследования:

- 1) мотивы представителей института гражданской активности характеризуются устойчивостью и силой;
- 2) источником интенсификации и катализатором гражданской активности выступает признание недостатков государственно-правового регулирования (практики института

юридической ответственности) информационного пространства и готовность к солидаризации в целях восполнения этих недостатков;

3) недоступность экспертной оценки, необходимой для поддержки управленческого решения структур гражданской активности, связана с финансовым основанием экспертизы;

4) существует тенденция к консолидации структур гражданской активности вокруг проблемы информационной безопасности детей и к интеграции их мощностей через задействование технологических возможностей коммуницирования, аккумуляции общественного мнения и донесения его до внимания публичной власти.

II. Методический раздел программы

1. Расчет выборки. Исследуемая совокупность – 103 представителя общественных объединений и некоммерческих организаций, специализирующихся в области защиты детей и семьи, родительских объединений («комитетов», «собраний», союзов, «сопротивлений», ассоциаций), организаций, занимающихся профилактикой алкоголизма, табакокурения и наркомании, «укреплением морально-нравственных ценностей и популяризацией здорового образа жизни в российском обществе», а также патриотических объединений в разных регионах России.

Генеральная совокупность – все заказчики экспертизы информационной продукции, отобранные на основе данных, указанных на официальном сайте Роскомнадзора на конец 2020 г.

2. Обоснование методов. Исследование проведено методом анкетирования. Данный метод доступен и экономичен как в финансовом, так и во временном плане.

3. Разработка инструментария – структурированная анкета.

4. Определение методов обработки и анализа данных. Данные, полученные в ходе исследования, сгруппированы и проанализированы с помощью компьютерной программы обработки статистических данных SPSS.

5. График проведения исследования.

Разработка программы исследования 15–30.11.2020.

Полевое исследование 04.04–25.12.2020.

Ввод, обработка, анализ данных 25.09–01.02.2021.

Программа социологического исследования
«Субъективная оценка медиазашумления»

I. Методологический раздел

1. Постановка проблемы.

Современная реальность характеризуется процессами технологизации информационного пространства, способствующей утрате контроля над потреблением медиасигнала, в результате чего происходит гиперстимуляция воспринимающей и когнитивной системы потребляющего субъекта и снижение эффективности релевантной деятельности, осуществляемой на фоне реализации медиасигнала. Проблема усугубляется сформированным паттерном фонового медиапотребления аудиовизуальной медиапродукции, прежде всего, в форме музыкального сопровождения любой деятельности, не только досуга. Принуждение слухового анализатора к реагированию на сигналы, поступающие из устройств массового информирования и проигрывания, способно вызвать информационный стресс через «запуск» эмоциональной активации и реакцию вегетативной нервной системы, затрудняя выполнение актуального задания и угнетая текущую деятельность в результате внешней отвлекаемости и приводя к торможению деятельности как реакции на новизну стимула, снижает корректность интерпретации значимой информации, в т.ч. образовательной. Наблюдается усиление конфронтации общества, производящего медиасигналы, и человека, вынужденного их потреблять несмотря на ограниченность своих временных и когнитивных ресурсов. Наиболее уязвимой социальной группой в этом отношении являются дети, подростки и молодежь.

2. Объектом исследования является новый тип зашумления жизненного пространства – медиазашумление как одна из двух составляющих зоны риска.

Предмет исследования – параметры медиазашумления жизненного пространства как факторы риска причинения информацией вреда.

3. Целью исследования является анализ параметров медиазашумления и возможностей минимизации риска медиазашумления со стороны субъектов управления информационной безопасностью детей.

Цель исследования определила следующие *задачи*:

- 1) анализ основных теоретико-методологических подходов к изучению проблемы фонового потребления медиасигнала;
- 2) формулирование параметров (критериев) медиазашумления;
- 3) определение гипотез исследования;
- 4) проверка гипотез;

5) типологизация медиазашумленности.

4. Теоретическая интерпретация и операционализация понятий.

Медиа шум – это фактор среды, при котором сигналы различных медиаисточников поступают (реализуются) в фоновом режиме, неподконтрольном воспринимающему субъекту, принуждая его сенсорные системы к реакции и к взаимодействию с медиаисточником, автоматически мобилизуя энергетические системы организма, чем способствуют развитию информационного (эмоционального) стресса.

Медиазашумленность – это насыщенность жизненного пространства медиашумом.

Медиа – «множество процессов производства, фиксации, сохранения, ретрансляции и воспроизводства образов и знаков, актуализированных и поддерживаемых при помощи техники»³⁶⁵.

Медиасигнал – это информационный сигнал, «актуализированный и поддерживаемый при помощи техники».

Дети – несовершеннолетние лица, не достигшие возраста восемнадцати лет.

Подростки – это социальная возрастная группа лиц в возрасте от одиннадцати до пятнадцати лет.

Молодежь – это социально-демографическая группа лиц в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет.

Параметры медиазашумленности и их индикаторы

№	Параметр	Индикаторы
1	Продолжительность и частота пребывания в ситуации медиашума	- часы - количество раз в неделю
2	Вынужденность потребления медиасигналов в фоновом режиме и контролируемость работы источников сигнала	- стереотипичность формы потребления медиа; - степень подверженности паттерну фонового медиапотребления; - санкции за отказ от следования паттерну; - частота негативных реакций социальной группы на такой отказ; - содержание этой негативной реакции; - оценка своих возможностей по управлению источником медиасигнала; - негативные психологические реакции, порождаемые осознанием невозможности управления источником сигнала медиа; - оценка частоты потери осознанности потребления фонового медиапотребления
3	Передний план – основная деятельность,	- вид деятельности; - частота появления ситуаций медиашума при значимой основной деятельности

³⁶⁵ Петренко Д.В. Философия медиа: от имени к концепту// Философия и социальные науки. 2015. № 2. С. 10–14.

	сопровождаяемая фоновой работой медиа	
4	Степень эмотиогенности потребляемых в режиме фона аудиосигналов	- тип медиасигнала: видео (кино, ролики), реклама, радио, музыка
5	Мотивы потребления медиасигнала в режиме фона	- готовность к медиашуму; - самоощущения при тишине; - ситуации самостоятельного инициирования медиашума; - частота самостоятельного инициирования медиашума; - самоощущения в случае необходимости прерывания фонового медиапотребления
6	Адаптивные стратегии в отношении медиашума (внутренний контроль)	- самоощущение и поведение при нежелании потреблять медиасигнал и невозможности покинуть локацию; - используемые защитные механизмы; - оценка частоты осознания помех для основной деятельности со стороны медиашума; - готовность к компромиссу по поводу совместного фонового медиапотребления; - оценка сформированности своей зависимости от фонового медиапотребления
7	Внешний контроль, направленный на снижения интенсивности медиашума (родительский и школьный (административный) контроль)	- наличие родительского (семейного) контроля медиаповедения; - наличие ограничения использования источников медиа в учебном заведении

5. Гипотезы исследования:

- 1) степень медиазашумленности дифференцирована социальным портретом респондента, его возрастом, полом, местом жительства, составом семьи, образованием родителей, а также применением процедур внешнего контроля за медиаповедением;
- 2) существуют общие для всех ситуации (места, обстоятельства) наибольшей медиазашумленности: дом, торговые площадки и общественные места, автомобиль и общественный транспорт, прогулка, отдых и путешествия и т.п.;
- 3) существует связь между параметрами медиазашумленности;
- 4) медиазашумленность можно классифицировать в зависимости от содержания переднего плана и от принуждающего начала, субстанции или субъекта принуждения к потреблению медиасигнала.

II. Методический раздел программы

1. Расчет выборки. Исследуемая совокупность – студенты отделений среднего специального образования при высших учебных заведениях г. Нижнего Новгорода. Объем

выборочной совокупности составил 1675 человек. Половой состав равный. Участие в опросе носило анонимный характер. Выборка обосновывается выраженностью негативных эффектов медиазашумления, которые обычно проявляются в возрасте респондентов, в силу объективных обстоятельств и психо-физиологических факторов, предрасполагающих к рискам фонового медиапотребления. Выборка – старшая возрастная когорта детской группы – обоснована результатами последних исследований медиапотребления подростков и молодежи, установившими их предрасположенность и готовности к такому формату медиапотребления, статистикой негативных психологических состояний, связанных с использованием устройств воспроизведения медиасигнала.

2. Обоснование методов. Исследование проведено методом анкетирования. Данный метод доступен и экономичен как в финансовом, так и во временном плане.

3. Разработка инструментария – структурированная анкета.

4. Определение методов обработки и анализа данных. Данные, полученные в ходе исследования, сгруппированы и проанализированы с помощью компьютерной программы обработки статистических данных SPSS.

5. График проведения исследования.

Разработка программы исследования 01–30.03.2021.

Корректировка программы исследования 01–15.04.2021.

Полевое исследование 16.04–21.09.2021.

Ввод, обработка, анализ данных 22.09–25.12.2021.